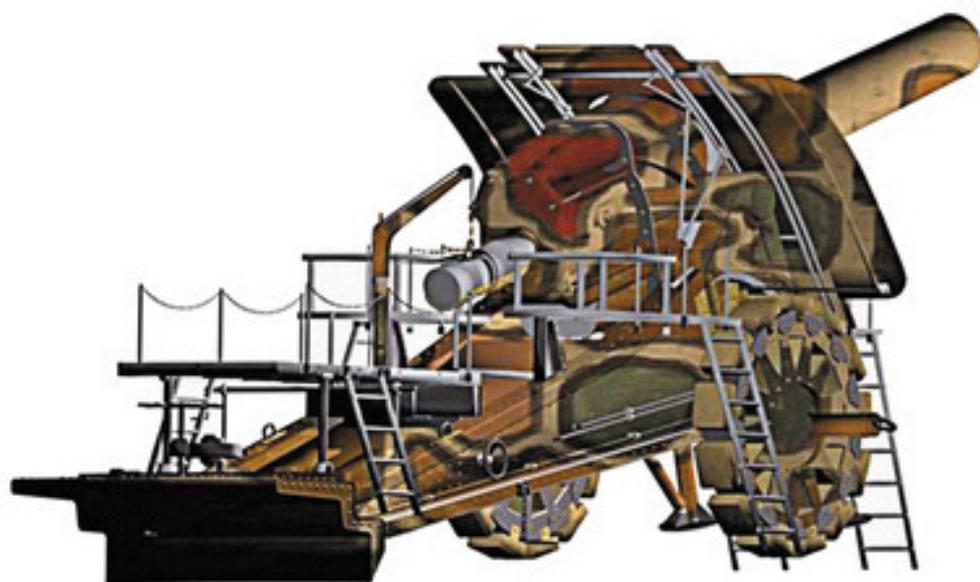

АВГУСТОВСКИЕ ПУШКИ

Барбара ТАКМАН

ОТ ЛАУРЕАТА ПУЛИТЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ

Страницы истории (АСТ)

Барбара Такман
Августовские пушки

«АСТ»

1962

УДК 94(100)"1914"
ББК 63.3(0)

Такман Б.

Августовские пушки / Б. Такман — «АСТ»,
1962 — (Страницы истории (АСТ))

ISBN 978-5-17-085857-6

«Августовские пушки» – одна из самых значительных исторических работ XX века. Она удостоена Пулитцеровской премии, выдержала множество переизданий и переведена на все ведущие языки мира, а президент Джон Кеннеди рекомендовал ее к обязательному прочтению своему окружению во время Карибского кризиса. Он видел в книге Барбары Такман яркое описание лавинообразного процесса сползания к войне в условиях острого международного кризиса и опасался, что в неустойчивом мире, обладающем ядерным оружием, сходная ситуация может привести к еще более катастрофическим последствиям. ...Неумолимая логика событий постепенно затягивает не желающие, в сущности, воевать державы в кровавый водоворот. Но почему проваливаются все многочисленные попытки предотвратить начинающуюся катастрофу?

УДК 94(100)"1914"
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-17-085857-6

© Такман Б., 1962
© АСТ, 1962

Содержание

Предисловие к изданию 1988 года	6
От автора	9
Глава 1	10
Планы	21
Глава 2	21
Глава 3	29
Глава 4	41
Глава 5	50
Начало	59
Начало	59
Глава 6	60
Глава 7	68
Глава 8	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Барбара Такман

Августовские пушки

Человеческое сердце – вот источник всего, что имеет отношение к войне.

Мориц Саксонский. Теория военного искусства (1732)

Жуткие «если бы» накапливаются...

Уинстон Черчилль. Мировой кризис. Т. 1. Гл. XI

Серия «Страницы истории»

Barbara W. Tuchman
THE GUNS OF AUGUST

Перевод с английского А. Милюкова
Компьютерный дизайн Г. Смирновой

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Russell & Volkening Inc. и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Книга подготовлена издательством «Мидгард» (Санкт-Петербург)
Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

© Barbara W. Tuchman, 1962 copyright renewed 1990 by Dr. Lester Tuchman
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Предисловие к изданию 1988 года

Эта книга обязана своим появлением на свет двум предыдущим текстам, написанным мною и посвященным, так или иначе, Первой мировой войне. Первый текст, под названием «Библия и меч», рассказывал о предыстории «декларации Бальфура», принятой в 1917 году в преддверии вступления британцев в Иерусалим в ходе войны с турками на Ближнем Востоке. Поскольку Иерусалим является священным центром иудео-христианской религии, а также священным городом для мусульман (в то время, к слову, ему не придавали такого значения как сегодня), вступление британских частей в этот город сочли событием, которое требовало неких символических жестов и определенного «этического обоснования». Официальное заявление, признающее Палестину исторической родиной населения этой области, было опубликовано именно с этой целью, а вовсе не стало отражением «ярого филосемитизма» британского правительства. Впрочем, нельзя отрицать и влияние других факторов – в частности, пронизанности британской культуры библейскими мотивами, прежде всего мотивами Ветхого Завета, а еще, если воспользоваться цитатой из «Манчестер гардиан», «насушной логики боевых действий на берегах Суэцкого канала». Иными словами – Библии и меча.

Вторая из книг, предшествовавших «Пушкам», называлась «Телеграмма Циммермана» и была посвящена предложению министра иностранных дел Германии в те годы, Артура Циммермана, побудить Мексику и Японию к заключению союза и нападению на Соединенные Штаты; причем Мексике сулили возврат утраченных территорий – штатов Аризона, Нью-Мексико и Техас. Суть предложения Циммермана сводилась к тому, чтобы занять США делами на Американском континенте и тем самым воспрепятствовать их вступлению в войну в Европе. Результат оказался обратным желаемому: телеграмма президенту Мексики была перехвачена и расшифрована англичанами и предоставлена в распоряжение правительства США. Волна возмущения в американском обществе значительно ускорила вступление Соединенных Штатов Америки в войну.

Я всегда полагала, штудирюя исторические источники, что 1914 год был тем самым мгновением, когда «пробили часы», той датой, которая завершила девятнадцатое столетие и начала отсчет нашего века, «грозного двадцатого», как обронил Черчилль. В поисках темы для книги я вдруг поняла, что 14-й год подходит как нельзя лучше. Оставалось лишь наметить рамки и сообразить, с чего начинать. И тут, когда я ошупью искала правильный подход к материалу, произошло маленькое чудо – мой агент позвонил с вопросом: «Хотите пообщаться с издателем, который хочет выпустить книгу о 1914 году?» Я была поражена до глубины души таким совпадением, но нашла в себе силы промямлить: «Да, конечно»; при этом меня несколько задело, что кому-то еще пришла в голову та же идея, что и мне самой.

Издателем оказался англичанин Сесил Скотт из «Макмиллан», ныне уже покойный, и при встрече он поведал мне, что хочет получить текст с правдивой историей битвы при Монсе 1914 года, первой иностранной операции британского экспедиционного корпуса (БЭК); эта битва имела важнейшее значение и вдобавок обросла легендами о сверхъестественном вмешательстве в людские дела. После встречи с мистером Скоттом я отправилась кататься на лыжах в Вермонт – и прихватила с собой чемодан книг.

Домой я возвратилась с желанием написать книгу о прорыве «Гебена», немецкого крейсера, который, ускользнув от погони англичан в Средиземном море, достиг Константинополя и вовлек Турцию и всю Османскую империю в войну, определив ход истории Ближнего Востока на десятилетия вперед. «Гебен» представлялся мне естественным выбором, поскольку он был частью нашей семейной истории, к которой я приобщилась в возрасте двух лет. Моя семья вместе со мной пересекала Средиземное море, направляясь в Константино-

поль, где мой дед состоял послом США при Османской Порте. В кругу нашей семьи часто вспоминали, как пассажиры с палубы видели клубы дыма, как один корабль наскочил на два других и как «Гебен» прибавил ход и скрылся; по прибытии в Константинополь мы оказались первыми, кто поставил чиновников и дипломатов в известность об этом морском бое. Моя мать вспоминала и о продолжительном допросе, которому ее подверг посол Германии, не позволяя сойти на берег и обнять отца; с ее слов я составила свое первое впечатление о немецкой манере общения.

Почти тридцать лет спустя, вернувшись с лыжного уикенда в Вермонте, я сообщила мистеру Скотту, что вот история из 1914 года, о которой я хотела бы написать. Он не согласился. Ему по-прежнему не давал покоя Моне. Как экспедиционный корпус сумел отбросить немцев? И вправду ли над полем боя появился ангел? И откуда вообще взялась легенда об ангелах Монса, столь популярная впоследствии на Западном фронте? Честно говоря, меня саму «Гебен» интересовал куда больше, чем ангелы Монса, но важнее всего было то, что нашелся издатель, готовый опубликовать книгу о 1914 году.

Война в целом казалась темой слишком грандиозной и для меня неподъемной. Но мистер Скотт настаивал, что я вполне способна к ней подступиться, и когда я составила перечень событий первого месяца войны, в который включила все, в том числе «Гебен» и битву при Монсе, чтобы потрогать нас обоим, – стало понятно, что проект действительно осуществим.

Увязнув среди всех этих армейских корпусов с римскими цифрами вместо имен собственных и левых и правых флангов, я вскоре ощутила, что мне следовало бы поучиться в академии генерального штаба лет десять как минимум, прежде чем браться за подобную книгу, в особенности когда попыталась объяснить, как отступавшие французы сумели в самом начале войны вернуть себе Эльзас. Как-то я выкрутилась, освоив технику маневрирования, которой учится любой автор исторических исследований: слегка «затушевать» факты, если ты не в силах осознать картину во всей полноте. Гиббон поступал точно так же, выстраивая свои певучие и протяженные предложения, которые, если проанализировать их по отдельности, зачастую малоосмысленны – зато обладают надлежащей структурой. Я не Гиббон, разумеется, но я познала ценность углубления в неведомое без возвращения к предыдущим исследованиям, где уже все известно и знакомо – и исходный материал, и лица, и обстоятельства. Конечно, последнее изрядно облегчает работу, но лишает новизны и восторга открытия, а ведь именно по этой причине я взялась за новую тему для новой книги. Возможно, критики со мной не согласятся, но лично меня это радует. Так как меня почти не знала широкая публика, «Августовские пушки», будучи опубликованными, удостоились не критического разгрома, а удивительно теплого приема. Клифтон Фейдимен так отозвался о «Пушках» в бюллетене «Книга месяца»: «С громкими словами надо быть осторожнее; тем не менее есть шанс, что «Августовские пушки» могут со временем стать исторической классикой. Работе присущи едва ли не фукидидовские добродетели: глубина, краткость, масштабность. Посвященная краткому периоду непосредственно до и сразу после начала Первой мировой войны, эта книга, как и «История» Фукидида, выходит за свои пределы и за заявленные рамки повествования. В своей жесткой, «скульптурной» стилистике эта книга фиксирует те моменты, которые породили наше нынешнее время. Она оценивает наши страхи в долгосрочной перспективе, утверждая, что если большинство мужчин, женщин и детей в мире в скором времени окажутся распыленными на атомы, произойдет это, как ни парадоксально, вследствие артиллерийской канонады в августе 1914 года. Быть может, я упрощаю, но именно таков авторский посыл, преподносимый без истерик и оттого еще более жуткий. Книга утверждает, что тупик «страшного августа» определил весь дальнейший ход войны и условия мира, сформировал проблемы межвоенного периода и привел в итоге к новой войне».

Далее Фейдимен перечислил основных действующих лиц повествования и заметил, что «одним из талантов настоящего историка является способность проецировать человеческие мысли и чувства, а не только рассказывать о событиях». Он выделил основные символические фигуры в моем представлении – кайзер, король Альберт, генералы Жоффр и Фош, среди прочих, упомянул о том, как я обрисовала их, размышлял, что мною двигало и удалось ли мне справиться с поставленной задачей. Меня настолько тронула похвала Фейдимена, не говоря уже о сравнении с Фукидидом, что я даже расплакалась, чего раньше никогда не случалось. Идеальное понимание, каковое, возможно, случается лишь однажды в жизни.

Полагаю, в предисловии к юбилейному изданию следует оценить, сохранила ли книга свое значение сегодня. Думаю, да. В ней нет глав, абзацев и фраз, которые мне хотелось бы переписать.

Самая известная часть книги – ее первая глава с описанием похорон Эдуарда VII, а вот заключительный абзац послесловия выражает самую суть работы, точнее, значение Великой войны для истории человечества. Может быть, самонадеянно с моей стороны так говорить, но я считаю, что этот абзац ничуть не хуже любого другого резюме событий Первой мировой войны, что я знаю.

К похвалам Фейдимена неожиданно добавилось поразительное предсказание «Паблишерз уикли», этой библии книжной торговли. «Августовские пушки», утверждалось в еженедельнике, «просто обязаны стать бестселлером в разделе новой публицистики этой зимой». Увлечшись восхвалениями, еженедельник, в довольно эксцентричной стилистике, заключил, что эта книга «заразит американских читателей новым энтузиазмом в отношении тех поистине электризирующих моментов, какими до сих пор пренебрегали любители истории...» Не думаю, что слово «энтузиазм» применимо к трагедии Великой войны, сама я точно бы его не употребила, как не стала бы и рассуждать об «электризирующих моментах» или говорить о пренебрежении историей Первой мировой, учитывая длинный список посвященных ей работ в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Но в целом читать эту рецензию было приятно. Особенно если вспомнить, сколь часто в процессе работы меня посещала депрессия и я писала мистеру Скотту: «Да кто будет это читать?» А он отвечал: «Двое – вы и я». Это нисколько не обнадеживало, и тем удивительнее оказались положительные отзывы на книгу. Как выяснилось, еженедельник ничуть не преувеличил. «Пушки» расходились, как горячие пирожки, и мои дети, которым я передала роялти и иностранные права, до сих пор получают чеки с известными суммами. Да, если разделить эти суммы натрое, они, возможно, и не столь велики, но приятно сознавать, что и двадцать шесть лет спустя книга находит новых читателей.

Я счастлива, что нынешнее издание представляет мою книгу новому поколению, и надеюсь, что и в своем зрелом возрасте она не утратила шарм – то есть, будет по-прежнему интересна.

Барбара Такман

От автора

Эта книга многим обязана прежде всего мистеру Сесилу Скотту из издательства «Макмиллан», чьи советы и знание предмета оказались поистине неоценимыми и чью поддержку я ощущала на всем протяжении работы над текстом. Мне также посчастливилось сотрудничать с мистером Деннигом Миллером, стараниями которого удалось прояснить много темных мест и сделать эту книгу значительно лучше, чем она могла бы быть. Я безмерно признательна ему за помощь.

Я хотела поблагодарить «ресурсообильную» Нью-йоркскую публичную библиотеку и одновременно выразить надежду, что когда-нибудь и в моем родном городе найдут возможность предоставить ученым доступ к богатейшим хранилищам местной библиотеки. Я также благодарю библиотеку Нью-йоркского общества за неизменное радушие ее персонала и за тишину и уют ее залов; миссис Агнес Ф. Петерсон из Гуверовской библиотеки в Стэнфорде за редкие экземпляры книг и за изыскания по моей просьбе; мисс Р. Э. Б. Кум из Имперского военного музея в Лондоне за подбор иллюстраций; сотрудников Парижской библиотеки современных документов за предоставление оригиналов приказов и донесений; мистера Генри Сакса из Артиллерийской ассоциации за технические консультации и пополнение моих слабых познаний в немецком языке.

Читателям я должна пояснить, что отсутствие в книге упоминаний о ситуации в Австро-Венгрии и Сербии, а также на русско-австрийском и сербско-австрийском фронтах продиктовано не совсем субъективными соображениями. Балканы – извечная проблема и совершенно отдельная история войны, так что мне показалось, что без них логика изложения не пострадает, а книга не увеличится в объеме до невообразимых размеров.

Долго изучая военные мемуары, я надеялась обойтись в своей книге без римских цифр в обозначениях подразделений, но сложившаяся практика оказалась сильнее моих благих намерений. Я ничего не могу поделать с римскими цифрами, которые, такое ощущение, неразрывно связаны с армейскими частями; зато я могу предложить читателю полезное правило левого и правого речных берегов (когда смотришь вниз по течению): даже когда армии разворачиваются и отступают, они сохраняют те же «координаты», что и при наступлении, то есть «лево» и «право» остаются для них теми же самыми.

Источники цитат и описаний указаны в библиографии. Я старалась по возможности избегать спонтанной атрибуции и стиля «он должен был так подумать»: «Глядя, как исчезает вдали побережье Франции, Наполеон, должно быть, вспоминал былые дни...» Все погодные условия, мысли и чувства, размышления общего и частного свойства на страницах этой книги имеют документальное подтверждение.

Глава 1 Похороны

Столь величественным было зрелище в майское утро 1910 года, когда девять монархов ехали вместе за похоронным поездом короля Англии Эдуарда VII, что по толпе, притихшей в ожидании и одетой в траур, прокатился гул восхищения. В алом и голубом, зеленом и пурпурном, по трое в ряд монархи миновали дворцовые ворота – в шлемах с перьями, с золотыми аксельбантами, малиновыми лентами, в усыпанных бриллиантами орденах, сверкавших на солнце. За ними двигались пятеро прямых наследников, сорок императорских или королевских высочеств, семь королей – четыре вдовствующие и три правящие, – а также множество специальных послов из некоронованных стран. Вместе они представляли семьдесят наций на самом большом и, очевидно, последнем в своем роде собрании королевской знати и чинов, когда-либо съезжавшихся в одно место. Колокола на часовой башне парламента приглушенно пробили девять утра, когда кортеж покинул дворец. Однако часы истории указывали на закат, и солнце старого мира опускалось в угасающем зареве великолепия, которому предстояло исчезнуть навсегда.

В центре первого ряда ехал новый король Георг V, слева от него находился герцог Коннахт, единственный из оставшихся в живых братьев покойного короля, а справа – человек, которому, как писала «Таймс», «принадлежит первое место среди прибывших из-за границы плакальщиков, даже в моменты наиболее напряженных отношений эта персона всегда пользовалась у нас популярностью», – Вильгельм II, император Германии. Верхом на сером коне, одетый в алую форму английского фельдмаршала, он держал в руках маршальский жезл. Лицо кайзера со знаменитыми закрученными вверх усами было «мрачным, почти жестоким». О том, какие чувства волновали эту легковозбудимую, впечатлительную натуру, можно узнать из его писем: «Я горд назвать это место своим домом, быть членом этой королевской семьи», – писал он в Германию, проведя ночь в Виндзорском замке, в бывших апартаментах своей матери. Сентиментальность и грусть, вызванные печальными событиями, боролись с гордыней, проистекавшей из чувства превосходства над собравшимися монархами, и жгучей радостью по поводу исчезновения его дяди с европейского горизонта. Он приехал хоронить Эдуарда – проклятие своей жизни, главного творца, как считал Вильгельм, политики изоляции Германии. Эдуард, брат матери Вильгельма, которого он сам не мог ничем ни запугать, ни поразить, своей дородной фигурой заслонял Германии солнце. «Это – сам Сатана. Трудно представить, какой он Сатана!»

Эти слова, произнесенные кайзером перед тремястами гостями на обеде в Берлине в 1907 году, явились результатом одного из путешествий Эдуарда по Европе, предпринятого ради осуществления дьявольской идеи изоляции Германии. Он неспроста пробыл неделю в Париже, без всяких видимых причин посетил короля Испании (только что женившегося на его племяннице) и завершил свою поездку визитом к королю Италии с явным намерением соблазнить его на выход из Тройственного союза с Германией и Австрией. Кайзер, владелец наиболее несдержанного языка в Европе, в порыве неистовства высказал тогда одно из тех замечаний, которые периодически, в течение двадцати лет его правления, вызывали у дипломатов нервные потрясения.

Теперь, к счастью, «Окружатель» был мертв, и его место занял Георг, который, как сказал кайзер Теодору Рузвельту за несколько дней до похорон, был «очень хорошим мальчиком» (сорока пяти лет, на шесть лет моложе кайзера). «Он настоящий англичанин и ненавидит всех иностранцев, против чего я не возражаю, если, конечно, он не будет ненавидеть немцев больше, чем других». Сейчас Вильгельм уверенно ехал рядом с Георгом, отдавая честь знаменам Первого королевского драгунского полка, где значился почетным полковни-

ком. Когда-то он распространял свои фотографии в форме этого полка с загадочной надписью над факсимиле: «Я жду своего времени». Сегодня это время пришло – он могущественнее всех в Европе.

За ним ехали два брата овдовевшей королевы Александры – король Дании Фредерик и король Греции Георг, и еще ее племянник, король Норвегии Хакон. Затем следовали три короля, которые в будущем лишатся своих тронов, – Альфонс, король Испании, Мануэль, король Португалии, и Фердинанд, король Болгарии, в шелковом тюрбане, раздражавший своих монарших собратьев тем, что именовал себя кесарем и хранил в своем гардеробе полное облачение византийского императора, приобретенное у театрального костюмера, в уповании на тот день, когда ему, может быть, удастся собрать все византийские владения под свой скипетр.

Ослепленные зрелищем этих «красиво восседавших принцев», по выражению «Таймс», немногие обратили внимание на девятого короля, единственного из всех, кому суждено было стать действительно великим человеком. Несмотря на высокий рост и отличные навыки верховой езды, Альберт, король Бельгии, не любивший помпезных монархических церемоний, выглядел в этой компании смущенным и рассеянным. Тогда ему было тридцать пять лет, и на троне он провел немногим более года. Позже, когда Альберт стал известен миру как символ героизма и трагедии, у него был почти такой же рассеянный взгляд, как будто он мысленно находился в другом месте.

Будущая причина трагедии – высокий, осанистый, затянутый в корсет, в каске с качающимися на ней зелеными перьями, – эрцгерцог Австрии Франц-Фердинанд, наследник престарелого императора Франца-Иосифа, ехал справа от Альберта, а слева от него находился еще один отпрыск, который никогда не займет трона, – принц Юсуф, наследник турецкого султана. После королей ехали королевские высочества: принц Фусими, брат императора Японии, великий князь Михаил, брат русского царя, герцог Аоста в светло-голубом мундире и с зелеными перьями на каске, брат короля Италии, принц Карл, брат короля Швеции, супруг правящей королевы Голландии принц Генрих, а также кронпринцы Сербии, Румынии и Черногории. Последний, кронпринц Данило, «обаятельный, необычайно красивый молодой человек с восхитительными манерами», напоминал возлюбленного Веселой вдовы не только именем. Он прибыл накануне вечером, к раздражению британских государственных деятелей, в сопровождении «очаровательной молодой особы необыкновенной красоты», и представил ее как фрейлину своей жены, приехавшую в Лондон, чтобы сделать кое-какие покупки.

Далее ехал целый полк мелких представителей германской королевской фамилии: великие герцоги Мекленбург-Шверина, Мекленбург-Стрелица, Шлезвиг-Гольштейна, Вальдек-Пирмонта, Кобурга, Саксен-Кобурга и Гота, Саксонии, Гессена, Вюртемберга, Бадена, Баварии. Кронпринцу Рупрехту из Баварии вскоре предстояло повести германскую армию в бой. С ними же находились принц Сиам, принц Персии, пять принцев бывшего французского Орлеанского королевского дома, брат хедива Египта в феске с золотой кисточкой, принц Цзя-дао из Китая в расшитом светло-голубом наряде (его старинной династии оставалось править не более двух лет), а также брат кайзера, принц Прусский Генрих, представлявший германский флот, главнокомандующим которого он являлся. Среди всего этого величия можно было увидеть и трех одетых в штатское господ: Гастон-Карлина из Швейцарии, Пишона, министра иностранных дел Франции, и экс-президента Теодора Рузвельта, специального посланника Соединенных Штатов.

Эдуарда, ставшего причиной этого беспрецедентного собрания власть имущих, часто называли «Дядей Европы» – это прозвище, если иметь в виду правящие дома Европы, следовало бы понимать в буквальном смысле. Он приходился дядей не только кайзеру Вильгельму, но также – по линии сестры своей жены, вдовствующей русской императрицы Марии, – и

царю Николаю II. Сама русская царица приходилась ему племянницей. Дочь Эдуарда, Мод, правила в Норвегии, другая племянница, Ена, была королевой Испании, а третьей племяннице, Марии, вскоре предстояло стать королевой Румынии. Датская ветвь его жены, помимо того, что владела тронном Дании, находилась в родстве по материнской линии с русским царем, а также снабдила королями Грецию и Норвегию. Другие родственники, отпрыски девяти сыновей и дочерей королевы Виктории, были в избытке раскиданы по всем королевским дворам Европы.

И все же не только семейные чувства или даже печаль и потрясение, вызванные смертью Эдуарда, – как известно, он проболел всего один день и умер на следующий – послужили причиной неожиданного потока соболезнований по случаю его кончины. Это было действительно признание великих заслуг Эдуарда как короля, оказавшего неоценимую услугу своей стране. За девять коротких лет его правления Англия отошла от блестящей изоляции, вынужденная согласиться на «взаимопонимание» и заверения в преданности (но не на союзы – Англия не любит определенности) с двумя своими старыми врагами – Францией и Россией, и с одной многообещающей державой – Японией. Изменение сил проявилось во всем мире и повлияло на отношения каждой страны с другими. Хотя Эдуард не выступал в качестве инициатора и не влиял на политику своей страны, его личная дипломатия способствовала этим изменениям.

Еще ребенком, находясь вместе с родителями с официальным визитом во Франции, он заявил Наполеону III: «У вас прекрасная страна, и я хотел бы быть вашим сыном». Это предпочтение всему французскому в противовес – или, скорее, в знак протеста – против пристрастия матери ко всему немецкому продолжалось и после ее смерти и было воплощено в реальные дела. Когда Англия, с растущим беспокойством наблюдавшая за вызовом, который сулила программа усиления германского флота, решила забыть старые счета с Францией, таланты Эдуарда – Roi Charmeur, «короля-очарователя», – помогли ей плавно обойти все острые углы. В 1903 году он направился в Париж, несмотря на предупреждения о том, что официальный государственный визит встретит холодный прием. Встречавшая его толпа была мрачной и тихой, лишь изредка раздавались насмешливые возгласы: «Vivent les Boers! Да здравствуют буры!» и «Vive Fashoda! Да здравствует Фашода!» Но король не обратил на выкрики никакого внимания. «Французы нас не любят», – пробормотал кто-то из адъютантов. «А почему они должны нас любить?» – парировал Эдуард, продолжая кланяться и улыбаться из открытого экипажа.

Четыре дня он постоянно был на публике, присутствовал на параде в Венсенне, побывал на скачках в Лоншане, на торжественном представлении в Опере, на государственном банкете в Елисейском дворце, завтракал на Кэ-д'Орсе, сумел преобразить холодок в улыбки, когда в театре, смешавшись в антракте с толпой зрителей в фойе, высказал галантные комплименты на французском одной знаменитой актрисе. Повсюду он выступал с изящными и полными такта речами о дружбе и о своем восхищении французами, об их «славных традициях» и «прекрасном городе», к которому он, по собственному признанию, привязан «многими счастливыми воспоминаниями». Он говорил о своем «искреннем удовольствии» от этого визита, о своей вере в то, что все старые разногласия, «к счастью, преодолены и забыты», что общее процветание Франции и Англии взаимосвязано, что укрепление дружбы является его «постоянной заботой». Когда Эдуард уезжал, толпа кричала: «Vive notre roi! Да здравствует наш король!» Бельгийский дипломат сообщал: «Редко можно наблюдать столь резкое изменение общего настроения, какое произошло здесь. Он завоевал сердца всех французов». Германский посол считал этот визит «весьма странным» и высказал мысль, что англо-французское сближение, *rapprochement*, явилось результатом общей нелюбви к Германии. В тот же год, после упорной работы министров, преодолевших немало спорных вопро-

сов, это «сближение» превратилось в Entente, англо-французскую Антанту, договор о которой был подписан в апреле 1904 года.

Германия могла бы иметь свою Антанту с Англией, если бы ее руководители, подозрительно относившиеся к английским намерениям, сами не отвергли заигрывания министра колоний Джозефа Чемберлена – сначала в 1899-м, а затем в 1901 году. Ни находившийся в тени Гольштейн, ни направлявший из-за кулис германскую политику эlegantный и эрудированный канцлер, князь Бюлов, ни даже сам кайзер не знали точно, в чем именно они подозревают Англию, однако были уверены в ее вероломстве. Кайзер всегда стремился заключить соглашение с Англией, но так, чтобы англичане даже не догадались о его желании подписать подобный договор. Однажды, под влиянием всего английского и родственных чувств во время похорон королевы Виктории, он позволил себе признаться Эдуарду: «Даже мышь не посмеет пошевелиться в Европе без нашего согласия». Так он представлял будущий англо-германский альянс. Но едва англичане выказали признаки готовности, кайзер и его министры стали действовать уклончиво, заподозрив какую-то хитрость. Опасаясь, что англичане будут иметь преимущества за столом переговоров, немцы предпочли вообще уйти от этого вопроса и положиться на постоянно растущий флот, дабы запугать англичан и заставить их согласиться на германские условия.

Бисмарк советовал Германии опираться в основном на сухопутные силы, но его последователи, ни поодиночке, ни вместе взятые, не были Бисмарками. Он неуклонно добивался достижения ясно видимых целей, они же стремились к более широким горизонтам, не имея четкой идеи в отношении того, чего именно хотят. Гольштейн был Макиавелли без политики и действовал, исходя из одного принципа: подозревать всех и каждого. Бюлов не имел принципов, он был так скользок, жаловался его коллега адмирал Тирпиц, что по сравнению с ним угорь казался пиявкой. Резкий, непостоянный, легко увлекающийся кайзер каждый час ставил разные цели, относясь к дипломатии как к упражнению в вечном движении.

Никто из них не верил, что Англия когда-нибудь придет к соглашению с Францией, и все предупреждения на сей счет, в том числе наиболее обоснованное – от посла в Лондоне барона Эккардштейна, Гольштейн отметал как «наивные». На обеде в Мальборо-Хаусе в 1902 году Эккардштейн видел, как Поль Камбон, французский посол, уединился в бильярдной комнате с Джозефом Чемберленом. Там в течение двадцати восьми минут они вели «оживленный разговор», из которого послу Германии удалось подслушать только два слова – «Египет» и «Марокко» (в мемуарах барона не говорится, была ли дверь открыта или он слушал через замочную скважину). Позднее барона пригласили в кабинет к королю, где Эдуард предложил ему сигару «1888 Уппман» и сообщил, что Англия собирается достичь урегулирования с Францией по спорным колониальным вопросам.

Когда Антанта стала фактом, гнев Вильгельма был страшен. Но еще более досадным и мучительным для кайзера был триумфальный визит Эдуарда в Париж. «Reise-Kaiser», «путешествующий кайзер», – так прозвали Вильгельма из-за частых поездок – получал необыкновенное удовольствие от церемониальных въездов в столицы других стран. Больше всего ему хотелось вступить триумфатором в недостижимый Париж. Он побывал везде, даже в Иерусалиме, где ради кайзера расширили Яффские ворота, чтобы он смог проехать через них верхом на коне. Но Париж, центр всего прекрасного и всего желанного, всего того, чем не был Берлин, оставался для него закрытым. Ему хотелось услышать приветствия парижан, хотелось, чтобы через плечо ему легла красная лента ордена Почетного легиона. Он дважды извещал французов о своем императорском желании, но никакого приглашения не последовало. Он мог войти в Эльзас и выступать с речами, возвеличивающими победу 1870 года, мог командовать парадом в лотарингском Меце, но – и в этом, может быть, и заключается печальная участь королей – кайзер дожил до восьмидесяти двух лет и умер, так и не увидев Парижа.

Зависть к древним нациям пожирала его. Он жаловался Теодору Рузвельту, что английская знать во время поездок на континент никогда не заезжала в Берлин, но всегда отправлялась в Париж. Кайзер считал, что его недооценивают. «За все долгие годы моего правления, – сказал он как-то королю Италии, – мои коллеги, монархи Европы, не обращали внимания на то, что я говорил. Но скоро, когда мой великий флот подкрепит мои слова, они станут проявлять к нам больше уважения». Те же чувства испытывала и вся нация, страдавшая, как и ее император, от нестерпимой потребности признания. Изобилуя энергией и честолюбием, сознавая свою силу, впитав идеи Ницше и Трейчке, эта нация считала себя наделенной правом господствовать и в то же время обманутой, потому что остальной мир отказывался признавать это право. «Мы должны, – писал рупор германского милитаризма Фридрих фон Бернарди, – обеспечить германской нации и германскому духу на всем земном шаре то высокое уважение, которое они заслуживают... и которого они были лишены до сих пор». Он откровенно признавал лишь один способ достижения этой цели; и все Бернарди помельче, начиная с кайзера, стремились к этому уважению с помощью угроз и демонстраций силы. Они потрясали «железным кулаком», требовали своего «места под солнцем», славили добродетели меча в хвалебных песнях о «крови и железе» и «сверкающей броне». В Германии перефразировали принцип Рузвельта в международных делах – «говори тихо, но держи наготове большую дубинку» на тевтонский манер: «Кричи громче и грози большой пушкой». Когда эта пушка была готова, когда кайзер приказал своим войскам, отправлявшимся на подавление боксерского восстания в Китай, вести себя как гунны Аттилы (выбор гуннов в качестве германского прототипа был его собственным), когда пангерманские общества и военно-морские лиги непрерывно множились, другие нации ответили альянсами, после чего Германия завопила: «Einkreisung! Окружение!» Рефрен «Deutschland ganzlich einzukreisen – Германия полностью окружена» назойливо повторялся более десятилетия.

Зарубежные визиты Эдуарда продолжались – Рим, Вена, Лиссабон, Мадрид – и посещал он не только королевские семьи. Каждый год он проходил курс лечения в Мариенбаде, где мог обмениваться мнениями с «Тигром Франции» Клемансо, своим ровесником, который занимал пост премьера в течение четырех лет за время правления Эдуарда. У короля были две страсти в жизни – строгая одежда и пестрая компания. Он пренебрег первой и стал восхищаться Клемансо. «Тигр» разделял мнение Наполеона о том, что Пруссия «вылупилась из пушечного ядра», и считал, что ядро летит во французскую сторону. Он работал, планировал, маневрировал под влиянием главной идеи: «В стремлении к господству Германия... считает своей основной политической задачей уничтожение Франции». Клемансо сказал Эдуарду, что, если наступит такое время, когда Франции понадобится помощь, морской мощи Англии будет недостаточно, напомнив, что Наполеон был разбит при Ватерлоо, а не у Трафальгара.

В 1908 году Эдуард, к неудовольствию своих подданных, нанес официальный визит русскому царю, встретившись с ним на борту императорской яхты в Ревеле. Английские империалисты рассматривали Россию как старого врага времен Крыма, а что касается последних лет, то как угрозу, нависшую над Индией. Либералы же и лейбористы считали Россию страной кнута, погромов и массовых казней революционеров 1905 года, а царя – как заявил Рамсей Макдональд – «обыкновенным убийцей». Неприязнь была взаимной. России не нравился союз Англии с Японией. Она также ненавидела Англию за то, что та воспрепятствовала ее историческим посягательствам на Константинополь и Дарданеллы. Николай II слил два своих излюбленных предрассудка в одной фразе: «Англичанин – это жид».

Однако старые разногласия были не такими сильными, как новая реальность, и, следуя настояниям французов, жаждавших, чтобы их два союзника пришли к согласию, Англия и Россия в 1907 году подписали конвенцию. Считалось, что личная дружба между монархами рассеет оставшееся недоверие, и Эдуард отправился в Ревель. Он вел долгие переговоры с

русским министром иностранных дел Извольским и танцевал с царицей вальс из «Веселой вдовы» с таким успехом, что даже заставил ее рассмеяться – первый человек, который смог добиться подобного результата с тех пор, как эта несчастная женщина надела корону Романовых. Это был вовсе не пустяк, как могло показаться на первый взгляд, потому что царь, о котором вряд ли можно было сказать, что он правит Россией в прямом смысле этого слова, был деспотом-автократом, а им, в свою очередь, правила жена, женщина с сильной волей, хотя и слабым умом. Красивая, истеричная и болезненно подозрительная, она ненавидела всех, кроме своих близких и нескольких фанатичных или безумных шарлатанов, которые утешали ее отчаявшуюся душу. Царь, не наделенный умом и недостаточно образованный, по мнению кайзера, был способен лишь на то, «чтобы жить в деревне и выращивать репу».

Кайзер считал, что царь входит в его собственную сферу влияния, и пытался при помощи хитроумных уловок оторвать его от альянса с Францией, возникшего в результате собственной глупости Вильгельма. Завет Бисмарка «дружить с Россией» и «договор перестраховки», воплощавший этот завет, были забыты Вильгельмом, что явилось первой и самой худшей ошибкой его правления. Александр III, рослый, суровый русский царь тех времен, в 1892 году быстро изменил направление политики и вступил в альянс с республиканской Францией, пойдя даже на то, чтобы встать «смирно» при исполнении «Марсельезы». Кроме того, к Вильгельму он относился с пренебрежением, считая его *«un garçon mal élevé»* («плохо воспитанным»), и постоянно оказывал ему чрезвычайно холодный прием. После того как Николай унаследовал трон, Вильгельм старался исправить свою ошибку, направляя молодому царю пространные письма (на английском языке), в которых давал советы, сообщал слухи и сплетни и распространялся на политические темы. Он обращался к нему «дражайший Ники», а подписывался «любящий тебя друг Вилли». «Безбожная республика, запятнанная кровью монархов, не может быть подходящей компанией для тебя, – говорил он царю. – Ники, поверь моему слову, Бог проклял этот народ навеки». Истинные интересы Ники, убеждал его Вилли, заключаются в *Drei-Kaiser Bund*, Союзе трех императоров – России, Австрии и Германии. И все же, помня насмешки старого царя, он не мог отказать себе в снисходительном тоне по отношению к его сыну. Он обычно похлопывал Николая по плечу и говорил: «Мой тебе совет – побольше речей и побольше парадов, речей и парадов». Он предложил направить немецкие части для защиты Николая от его мятежных подданных, чем привел в бешенство царицу, ненависть которой к Вильгельму росла с каждым его визитом.

После того как кайзеру не удалось в силу определенных причин разъединить Россию и Францию, он выработал хитроумный договор, который предусматривал взаимопомощь России и Германии в случае военного нападения. После подписания договора царь должен был пригласить французов присоединиться к этому документу. После поражения России в войне с Японией (кайзер сделал все, чтобы вовлечь Россию в эту войну) и последовавших за ней революционных выступлений, когда режим оказался в своей наинизшей точке, кайзер пригласил царя на тайную встречу без министров в Бьёрке, на Финском заливе. Вильгельм прекрасно понимал, что Россия не может заключить такой договор, не поступив вероломно по отношению к Франции, но полагал, что подписей монархов будет достаточно, чтобы преодолеть подобное затруднение. Николай подписал договор.

Вильгельм пришел в восторг. Он исправил фатальную ошибку, обеспечил тылы Германии и разорвал окружение. «Слезы радости стояли в моих глазах», – писал кайзер Бюлову, уверенный, что дедушка (Вильгельм I, который, умирая, бормотал слова о войне на два фронта) с гордостью взирал на него с небес. Он считал договор мастерским ходом немецкой дипломатии, что соответствовало бы действительности, если бы не упущение в заголовке. Когда царь привез этот договор домой, пораженные министры указали, что, взяв обязательство выступить на стороне Германии в случае возможной войны, Россия отказывается от своего союза с Францией – деталь, «несомненно, ускользнувшая от внимания Вашего вели-

чества в потоке красноречия императора Вильгельма». Договор в Бьёрке, не прожив и дня, прекратил свое существование.

Теперь дружбу с русским царем пытался завести в Ревеле Эдуард. Прочитав доклад германского посла об этой встрече, из которого следовало, что Эдуард действительно хочет мира, кайзер гневно написал на полях: «Ложь. Он хочет войны. Но хочет, чтобы начал ее я, а он бы избежал ответственности».

Год закончился неверным шагом кайзера, таившим в себе опасность взрыва. Он дал интервью газете «Дейли телеграф», высказав ряд идей в отношении того, кто с кем должен воевать. Публикация привела в замешательство не только соседей, но и соотечественников. Общественное неодобрение было таким явным, что кайзер даже слег, проболел три недели и в течение некоторого времени воздерживался от высказываний.

После этого случая никаких сенсационных известий не было. Последние два года первого десятилетия, когда Европа как бы наслаждалась благодатным солнечным днем истории, были самыми спокойными и тихими. Тысяча девятьсот десятый был годом мира и процветания. Второй этап Марокканских кризисов и Балканских войн еще не наступил. Была опубликована новая книга Нормана Энджелла «Великая иллюзия», в которой доказывалось, что война невозможна. С помощью внушительных примеров и неоспоримых аргументов Энджелл утверждал, что при существующей финансовой и экономической взаимозависимости наций победитель будет страдать в одинаковой степени с жертвой – поэтому война невыгодна, и ни одна страна не проявит такой глупости, чтобы ее начать. Переведенная почти сразу на одиннадцать языков, «Великая иллюзия» превратилась в культ. В университетах, в Манчестере, Глазго и других промышленных городах появилось более сорока групп приверженцев, пропагандировавших ее догмы. Самым верным учеником Энджелла был человек, оказывавший большое влияние на военную политику, близкий друг короля и его советник виконт Эшер, председатель Военного комитета, созданного для проведения реорганизации британской армии после шока, вызванного неудачами в англо-бурской войне. Лорд Эшер выступал с лекциями о «Великой иллюзии» в Кембридже и Сорбонне, утверждая, что «новые экономические факторы ясно доказывают всю бессмысленность агрессивных войн». Война XX века будет иметь колоссальные масштабы, заявлял он, и ее неизбежные последствия в виде коммерческого краха, финансовой катастрофы и страданий людей настолько пропитают все идеями сдерживания, что сделают войну немыслимой. Он заявил в речи перед офицерами Клуба объединенных вооруженных сил в присутствии начальника генерального штаба сэра Джона Френча, председательствовавшего на собрании, что ввиду взаимного переплетения интересов наций война с каждым днем становится более трудной и невозможной.

Германия, считал лорд Эшер, «принимает доктрину Нормана Энджелла так же, как и Великобритания». Как отнеслись кайзер и кронпринц к идеям «Великой иллюзии», экземпляры которой Эшер послал им, осталось неизвестным. Нет доказательств того, что Эшер направил эту книгу генералу фон Бернарди, который в 1910 году был занят написанием другой книги – «Германия и следующая война», опубликованной годом позже. Ей суждено было получить такое же влияние, как и книге Энджелла, но с противоположной точки зрения. Названия трех ее глав – «Право вести войну», «Долг вести войну», «Мировая держава или падение» – выражают основные тезисы книги.

Кавалерийский офицер, которому исполнился двадцать один год, Бернарди в 1870 году стал первым немцем, проехавшим через Триумфальную арку после взятия немцами Парижа. С тех пор флаги и слава интересовали его меньше, чем теория, философия и наука войны в применении к «Исторической миссии Германии» (так называлась одна из глав его книги). Он служил начальником отдела военной истории генерального штаба, был представителем интеллектуальной элиты этого серьезного и ревностно трудящегося учреждения, а также

автором классического труда по кавалерии до того, как посвятил свою жизнь изучению идей Клаузевица, Трейчке и Дарвина, отразив их в книге, сделавшей его имя синонимом бога войны Марса.

«Война, – утверждал Бернарди, – есть биологическая потребность, это выполнение в среде человечества естественного закона, на котором покоятся все остальные законы природы, а именно законы борьбы за существование». Нации, говорил он, должны прогрессировать или загнивать, «не может быть стояния на одном месте», и потому Германия должна выбрать «между мировым господством или падением». Среди прочих наций Германия «в социально-политических аспектах стоит во главе культурного прогресса», но «зажата в узких, неестественных границах». Она не сможет достичь «своих великих моральных целей» без увеличения политической силы, расширения сфер влияния и новых территорий. Это увеличение мощи, «соответствующее нашему значению» и «которое мы вправе требовать», является политической необходимостью и «первой, самой главной обязанностью государства». Бернарди выделял курсивом слова: «Мы должны сражаться за то, чего сейчас хотим достигнуть», и без обиняков переходил к выводу: «Завоевание, таким образом, становится законом необходимости».

После доказательства этой «необходимости» (любимое слово германских военных мыслителей) Бернарди переходит к методу. Поскольку обязанность вести войну признана, вторая обязанность состоит в том, чтобы вести ее успешно. Для достижения успеха государство должно начать войну в «наиболее благоприятный момент», имея «признанное право обеспечить высокую привилегию инициативы». Наступательная война становится, таким образом, другой необходимостью, а отсюда второй неизбежный вывод: «На нас лежит обязанность, действуя в наступлении, нанести первый удар». Бернарди не разделял беспокойства кайзера о «презрении и ненависти», которые вызывает агрессор. Он также не пытался скрыть направление удара. «Немыслимо, – писал он, – чтобы Германия и Франция смогли когда-либо договориться в отношении своих затруднений. Францию необходимо сокрушить совершенно, с тем чтобы она не смогла больше перейти нам дорогу», «она должна быть уничтожена раз и навсегда как великая держава».

Король Эдуард не дожил до появления работ Бернарди. В январе 1910 года он направил кайзеру свое ежегодное поздравление по случаю дня рождения и подарок – трость, после чего уехал в Мариенбад и Биарриц. Через несколько месяцев он умер.

«Мы потеряли опору нашей внешней политики», – сказал Извольский, услышав о его кончине. Это было преувеличением, потому что Эдуард являлся лишь инструментом, а не создателем новых союзов. Во Франции смерть короля вызвала «глубокие чувства» и «искреннюю скорбь», писала газета «Фигаро». В Париже, по ее словам, так же глубоко ощущали потерю «своего друга», как и в Лондоне. Фонарные столбы и витрины магазинов на Рю-де-ля-Пэ были одеты в такой же черный траур, как и на Пиккадилли, извозчики цепляли креповые ленты к ручкам хлыстов. Задрапированные в траур портреты покойного короля появлялись даже в провинциальных городах, что происходило обычно лишь при смерти выдающихся граждан Франции. В Токио в знак признания союза между Англией и Японией на домах были вывешены перекрещенные флаги обеих стран, древки которых были убраны черным. В Германии, каковы ни были ее чувства, соблюдали строгие правила последних почестей. Всем офицерам армии и флота было приказано носить траур в течение восьми дней, а корабли флота в своих территориальных водах почтили память короля орудийным салютом и приспустили флаги на мачтах. Члены рейхстага поднялись с мест, когда президент зачитывал послание о соболезновании, а кайзер лично нанес английскому послу визит, продолжавшийся полтора часа.

Члены королевской семьи в Лондоне на следующей неделе были всецело поглощены встречами знати, прибывавшей на вокзал Виктория. Кайзер приплыл на своей яхте «Гоген-

поллерн» в сопровождении четырех английских эсминцев. Яхта бросила якорь в устье Темзы, и кайзер приехал поездом на вокзал Виктория, как обычный представитель королевской фамилии. На платформе был развернут пурпурный ковер, а там, где должен был остановиться вагон, соорудили ступеньки, тоже покрытые ковром того же цвета. Поезд прибыл ровно в полдень, из вагона появилась хорошо известная фигура германского императора, который расцеловал встречавшего его короля Георга в обе щеки. После завтрака они вместе отправились в Вестминстер-холл, где покоилось тело Эдуарда. Гроза, разразившаяся накануне вечером, и пронизывающий дождь, ливший на следующее утро, не смутили подданных Эдуарда, терпеливо ждавших входа в зал в притихшей очереди. В тот день, в четверг 19 мая, она растянулась на пять миль. В тот день Земля должна была пройти сквозь хвост кометы Галлея, чье появление на небосклоне возродило толки о предвестнице бед – разве не она ознаменовала вторжение норманнов? Журналы в своих литературных отделах цитировали шекспировского «Юлия Цезаря»:

В день смерти нищих не горят кометы,
Лишь смерть царей огнем вещает небо.

Посередине обширного зала в мрачном величии стоял гроб, на нем лежали корона, держава и скипетр. По четырем углам замерли в карауле четыре офицера; каждый представлял различные полки империи. Они стояли в традиционной траурной позе с преклоненными головами, их руки в белых перчатках были скрещены на эфесах мечей. Кайзер взирал на обряд отдания почестей умершему императору с профессиональным интересом. Ритуал произвел на него сильное впечатление, и многие годы спустя он в деталях помнил это зрелище во всем его «великолепном средневековом убранстве». Он видел, как солнечные лучи пробивались сквозь узкие готические окна, зажигая драгоценные камни на короне, наблюдал, как менялся караул у гроба, как четверо часовых промаршировали с мечами, которые они сначала взяли наизготовку, а затем, встав на свои места, опустили клинками вниз. Караул, который они сменили, как бы медленно заскользил и исчез через какой-то невидимый выход в тени. Возложив на гроб венок из багряных и белых цветов, кайзер вместе с королем Георгом в молчаливой молитве опустился на колени. Встав, он сжал руку своего двоюродного брата в мужественном и сочувственном пожатии. Этот жест, о котором широко сообщалось, вызвал многочисленные благожелательные комментарии.

Публичное поведение кайзера было безупречным. В душе же он не мог отказаться от благоприятной возможности завести новые интриги. За обедом, данным королем в тот вечер в Букингемском дворце, он, отведя в сторону французского министра иностранных дел Пишона, предложил, чтобы Франция в случае конфликта, когда Англия и Германия будут противостоять друг другу, поддержала Германию. Учитывая повод и место встречи, этот блистательный ход императорской мысли вызвал такой же переполох, как и тот, о котором сэр Эдуард Грей, многострадальный английский министр иностранных дел, однажды заметил с завистью: «Другие монархи ведут себя много *тише*». Кайзер позднее отрицал, что сказал тогда что-либо из ряда вон выходящее: он обсуждал лишь Марокко и «некоторые другие политические вопросы». Пишон же только осторожно высказал мысль, что язык «кайзера был дружественным и мирным».

На следующее утро во время процессии, где он, как ни удивительно, не выступал с речью, поведение Вильгельма было примерным. Он крепко держал повод своей лошади, отстав на голову от коня короля Георга. Конан Дойл, бывший специальным корреспондентом во время этого события, писал, что «Вильгельм выглядел настолько благородно, что Англия не будет той доброй старой Англией, если сегодня снова не раскроет ему объятия». Когда процессия достигла Вестминстерского дворца, Вильгельм первым спешил и рванулся к

карете королевы Александры с такой проворностью, что успел к ней раньше королевских слуг. Но королева собиралась выйти с другой стороны. Ловко обежав карету, опять впереди слуг, он оказался первым у двери, подал руку вдове и поцеловал ее «с любовью убитого горем племянника». К счастью, в этот момент король Георг подоспел на помощь своей матери и стал сопровождать ее сам; он знал – мать ненавидит кайзера, как по личным причинам, так и из-за Шлезвиг-Гольштейна. Несмотря на то, что, когда Германия захватила эти владения у Дании, Вильгельму было всего восемь лет, Александра не забыла и не простила этого ни ему, ни его стране. Когда ее сына произвели в почетные полковники одного прусского полка – в то время он находился с визитом в Берлине, – она написала ему: «Итак, Джорджи, мой мальчик, ты стал настоящим, живым, грязным немецким солдатом, в островерхой каске и синей шинели!!! Да, не думала я, что доживу до такого! Но ничего... тебе просто не повезло, это не твоя ошибка».

Под приглушенный рокот барабанов и стоны волюнок дюжина матросов в синих форменках и соломенных шляпах вынесли гроб, завернутый в королевский штандарт. Ярko сверкнули на солнце сабли кавалеристов, замерших по команде «смирно». По пронзительному сигналу четырех свистков матросы поставили гроб на артиллерийский лафет, задрапированный в пурпурное, красное и белое. Кorteж двинулся между замершими шеренгами гренадеров, они, как красные стены, обрамляли одетые в траур толпы людей. Никогда еще Лондон не был так переполнен народом – и никогда он не был таким тихим. Рядом и позади орудийного лафета, который тянули лошади Королевского артиллерийского полка, шли шестьдесят три адъютанта его покойного величества, все в чине полковников или капитанов первого ранга, все со званиями пэров; среди них было пять герцогов, четыре маркиза и тринадцать графов. Три фельдмаршала Англии – лорд Китченер, лорд Робертс и сэр Ивлин Вуд – ехали вместе. За ними двигались шесть адмиралов флота, а после них – одиноко – большой друг Эдуарда, порывистый и эксцентричный сэр Джон Фишер, со странным неанглийским лицом китайского мандарина, в прошлом первый морской лорд империи. Подразделения всех знаменитых полков – «колдстримцы», «горцы Гордона», дворцовой кавалерии и боевой кавалерии, Конной гвардии и улан, Королевских фузилеров, франтоватых гусар и драгун, немецких, русских, австрийских и других иностранных кавалерийских частей, почетным полковником которых был Эдуард, а также адмиралы германского флота – все они, по неодобрительным высказываниям некоторых наблюдателей, представляли чересчур грандиозный военный спектакль на похоронах человека, которого называли «Миротворцем».

Его лошадь, ведомая двумя грумами, с пустым седлом и перевернутыми сапогами в стременах, придавала всей картине оттенок простой человеческой скорби, как и ведомый на поводке королевский терьер Цезарь. Далее шла гордость Англии: герольды в расшитых гербами средневековых плащах, королевский телохранитель – носитель серебряного жезла, лорды-камергеры с белыми булавами – знаком их должности, конюшие, шотландские лучники, судьи в париках и черных мантиях, возглавляемые лордом-главным судьей в алом, епископы в пурпурных мантиях, йомены-гвардейцы в черных бархатных шляпах и гофрированных воротниках елизаветинских времен, эскорт трубачей, а за ними следовал строй королей; потом в застекленной карете ехали овдовевшая королева и ее сестра, вдовствующая русская императрица, а также другие королевы, дамы и восточные монархи – в двенадцати разнообразных экипажах.

Длинная процессия двигалась через Уайтхолл, Мэлл, Пиккадилли и Парк в направлении вокзала Паддингтон, откуда поездом тело усопшего должны были отправить в Виндзор для похорон. Оркестр Королевской конной гвардии исполнял «Марш смерти» из «Саула». Люди чувствовали завершенность в медленной поступи процессии и торжественной музыке. После похорон лорд Эшер записал в своем дневнике: «Никогда еще не чувство-

валось такой опустошенности. Казалось, все бакены, обозначавшие фарватер нашей жизни, сметены волной».

Планы

Глава 2

«Пусть крайний справа коснется рукавом пролива...»

Граф Альфред фон Шлиффен, начальник германского генерального штаба с 1891 по 1906 год, был, как и все немецкие офицеры, воспитан на правиле Клаузевица: «Сердце Франции находится между Брюсселем и Парижем». Это была обескураживающая аксиома, поскольку указываемый ею путь был перекрыт нейтралитетом Бельгии, который сама Германия наряду с другими четырьмя великими державами гарантировала навечно. Полагая, что война предрешена и что Германия должна вступить в нее при условиях, в наибольшей степени обеспечивающих ей успех, Шлиффен решил помешать бельгийскому нейтралитету встать на пути Германии. Из двух типов прусских офицеров – с бычьей шеей и осиной талией – он принадлежал ко второму. С моноклом на аскетически-худом лице, высокомерно-холодный и сдержанный, он с таким фанатизмом отдавался своей профессии, что когда его адъютант в конце продолжавшейся всю ночь поездки штаба по Восточной Пруссии обратил его внимание на красоту реки Прегель, сверкавшей под лучами восходящего солнца, то генерал, бросив на реку короткий и внимательный взгляд, ответил: «Незначительное препятствие». Таким, как он решил, является и нейтралитет Бельгии.

Нейтральная и независимая Бельгия была плодом творения Англии или, вернее, самого способного министра иностранных дел Англии лорда Пальмерстона. Побережье Бельгии было границей Англии, на полях Бельгии Веллингтон разгромил самую страшную угрозу для Англии со времен Непобедимой армады.

Впоследствии Англия решила превратить этот участок открытой, легкопроходимой территории в нейтральную зону и после поражения Наполеона, в рамках договоренностей, достигнутых на Венском конгрессе, вместе с другими державами согласилась передать ее Королевству Нидерланды. Недовольные союзом с протестантской страной, охваченные лихорадкой национализма XIX века, бельгийцы в 1830 году подняли восстание, вызвав международный конфликт. Голландцы сражались за возвращение своей провинции; также вмешались французы, стремившиеся вновь присоединить то, что когда-то им принадлежало. Самодержавные государства – Россия, Пруссия и Австрия, – преисполненные решимости удержать Европу в тисках Венских соглашений, готовы были стрелять при первых же признаках бунта, где бы он ни вспыхнул.

Лорд Пальмерстон обошел своими маневрами всех. Он знал, что подчиненная провинция всегда будет вечным искушением для того или иного соседа и что только независимое государство, полное решимости сохранить свою целостность, может служить в качестве зоны безопасности. После девяти лет нервов, ловкости, неотступного движения к своей цели, при необходимости используя как рычаг давления английский флот, он обыграл всех соперников и добился заключения международного договора, давшего Бельгии статус «независимого и нейтрального навечно государства». Договор был подписан в 1839 году Англией, Францией, Россией, Пруссией и Австро-Венгрией.

С 1892 года, когда Франция и Россия вступили в военный союз, стало ясно, что четыре подписавших Бельгийский договор страны будут автоматически втянуты – двое против двух – в войну, которую Шлиффен должен был спланировать. Европа являла собой груды мечей, уложенных вместе так же ненадежно, как и брошенные кучкой бирюльки, – нельзя вытащить ни одну из фигурок, не задев другие. По условиям австро-германского союза Германия

обязана была поддержать Австро-Венгрию в случае любого конфликта с Россией. Согласно договору между Россией и Францией оба его участника обязывались выступить против Германии, если кто-нибудь из них окажется втянутым в «оборонительную войну» с ней. Эти обстоятельства делали неизбежным тот факт, что в ходе любой войны, которую пришлось бы вести Германии, она вынуждена будет сражаться на два фронта – против Франции и России.

Какую роль будет играть Англия, оставалось неясным: она могла остаться нейтральной, могла при определенном условии выступить против Германии. Не было секретом, что таким условием могла стать Бельгия. Во время франко-прусской войны 1870 года, когда Германия еще нетвердо стояла на ногах, Бисмарк, получив намек от Англии, был рад вновь заявить о незыблемости нейтралитета Бельгии. Гладстон добился подписания обеими воюющими сторонами соглашения с Англией, в соответствии с которым в случае нарушения нейтралитета Бельгии Англия будет сотрудничать с другой стороной с целью защиты Бельгии, хотя и не примет участия в общих военных операциях. Несмотря на то, что формула Гладстона была не совсем практичной, у немцев не было оснований считать ее мотивы менее действенными в 1914-м, чем в 1870 году. Тем не менее Шлиффен решил в случае войны напасть на Францию через Бельгию.

Основанием ему служила «военная необходимость». В войне на два фронта, как он писал, «Германия должна бросить все против *одного* врага, самого сильного, самого мощного, самого опасного, и таким врагом может быть только Франция». Законченный Шлиффеном план на 1906 год – год, когда он ушел в отставку, – предусматривал, что за шесть недель семь восьмых всех вооруженных сил Германии сокрушат Францию, в то время как одна восьмая их будет удерживать восточную границу против русских до тех пор, пока основные силы армии не будут переброшены для борьбы со вторым врагом. Он выбрал Францию первой потому, что Россия могла сорвать быструю победу, просто отступив в свои необозримые пространства, втянув Германию в бесконечную кампанию, как когда-то Наполеона. Франция же была под рукой, кроме того, она могла провести быструю мобилизацию. И германским, и французским армиям для завершения полной мобилизации требовалось две недели, и таким образом генеральное наступление могло начаться на пятнадцатый день. России же – в соответствии с германскими расчетами – из-за огромных расстояний, многочисленности населения и слабого железнодорожного сообщения для подготовки генерального наступления понадобится шесть недель, а к этому времени Франция уже будет разбита.

С риском потери Восточной Пруссии, этого сердца юнкерства и Гогенцоллернов, которую защищало всего лишь девять дивизий, смириться было трудно, но Фридрих Великий говорил: «Лучше потерять провинцию, чем допустить разделение войск, необходимых для победы», и ничто так не утешает военные умы, как принципы великого, хотя и мертвого полководца. Только превосходящими силами на Западе удастся добиться быстрой победы над Францией. Только стратегией охвата, используя Бельгию как проходную дорогу, германские армии могли бы, по мнению Шлиффена, успешно атаковать Францию. С чисто военной точки зрения его доводы выглядели безупречными.

Германская армия, насчитывавшая полтора миллиона человек, была теперь в шесть раз больше, чем в 1870 году, и для маневрирования ей было необходимо пространство. Французские крепости и укрепления, построенные вдоль границ с Эльзасом и Лотарингией после 1870 года, не позволяли немцам осуществить фронтальную атаку через общую границу. Затяжная осада не давала благоприятных возможностей, до тех пор пока французские коммуникации оставались открытыми, и результатом стало бы втягивание противника в битву на уничтожение. Только путем обхода можно было нанести удар по французам с тыла и разгромить их. Но французские оборонительные линии упирались своими краями в нейтральные территории – Швейцарию и Бельгию. Если ограничиваться только территорией Францией, то громадной германской армии не хватало пространства для обхода француз-

ских армий. Немцы удалось осуществить это в 1870 году, когда обе армии были небольшими, однако теперь дело шло о переброске миллионной армии для флангового обхода армии той же численности. Главную роль играли пространство, дороги и железнодорожные магистрали. Все это имело на равнинах Фландрии. В Бельгии было достаточно места для проведения обходов флангов, являвшихся составной частью формулы успеха Шлиффена. И удар через Бельгию позволял избежать фронтального наступления, каковое, по убеждению Шлиффена, могло привести только к катастрофическому поражению.

Клаузевиц, оракул германской военной науки, предписывал добиваться быстрой победы в результате «решающей битвы» как первой цели наступательной войны. Оккупация территории противника и установление контроля над его ресурсами считалось второстепенной задачей. Важнейшее значение придавалось скорейшему достижению заранее обозначенных целей. Время ставилось превыше всего. Все, что задерживало кампанию, Клаузевиц решительно осуждал. «Постепенное уничтожение» противника, или война на истощение, было для него сущей преисподней. Писал он во времена Ватерлоо, и с тех пор его труды почитались библией стратегии.

Для достижения решительной победы Шлиффен избрал стратегию времен битвы при Каннах, заимствовав ее у Ганнибала. Полководец, зачаровавший Шлиффена, был давным-давно мертв. Минувло две тысячи лет со времени классического двойного охвата, примененного Ганнибалом против римлян при Каннах. Полевые орудия и пулеметы сменили лук, стрелы и пращу, но, как писал Шлиффен: «Принципы стратегии остались неизменными. Вражеский фронт не является главной целью. Самое важное – сокрушить фланги противника... и завершить уничтожение ударом ему в тыл». При Шлиффене охват стал фетишем, а фронтальный удар – анафемой германского генерального штаба.

Первый план Шлиффена, предусматривавший нарушение границ Бельгии, был составлен в 1899 году и предполагал прорыв через угол Бельгии восточнее Мааса. Расширяясь с каждым последующим годом, к 1905 году этот план включал огромный обходной маневр правым крылом немецкой армии, в ходе которого германские войска должны пересечь Бельгию, через Льеж к Брюсселю, а затем повернуть на юг и, воспользовавшись преимуществами открытого ландшафта Фландрии, наступать на Францию. Все зависело от быстроты и решительности действий против Франции, и даже длинный обходной путь через Фландрию требовал меньше времени, чем ведение осадных боев вдоль укрепленной линии на границе.

Шлиффен не имел достаточно дивизий, чтобы осуществить двойной охват Франции, как при Каннах. Вместо этого он решил положиться на мощное правое крыло, которое бы прошло через всю территорию Бельгии по обоим берегам Мааса и прочесало бы эту страну подобно гигантским граблям. Затем войска должны были пересечь франко-бельгийскую границу по всей ее протяженности и через долину Уазы обрушиться на Париж. Основная масса немецких сил оказалась бы между столицей и французскими армиями, которым во время их вынужденного отхода для борьбы с нависшей угрозой была бы навязана решающая битва на уничтожение вдали от их укрепленных районов. Существенным моментом в плане было намеренное ослабление левого крыла немецких армий на фронте Эльзас-Лотарингия, чтобы завлечь французов в «мешок» между Мецем и Вогезами. Предполагалось, что французы, в стремлении освободить свои потерянные в прошлом провинции, атакуют именно тут. Тем самым французское наступление лишь поспособствует успеху немецкого плана, так как немецкое левое крыло сможет удерживать их в «мешке» до победы основных сил в тылу французских армий. Кроме того, в своих замыслах Шлиффен всегда втайне лелеял надежду на то, что по мере развертывания битвы удастся организовать контр наступление левого крыла и осуществить настоящее двойное окружение – «колоссальные Канны» его мечты. Но, решительно усиливая свое правое крыло, он не поддавался этому искушению. Однако заманчивые перспективы левого крыла не давали покоя его преемникам.

Таким образом немцы намеревались обойтись с Бельгией. Решающая битва диктовала охват, а охват требовал бельгийской территории. Германский генеральный штаб называл это военной необходимостью; кайзер и канцлер с этим согласились – более или менее единодушно. Предпринять ли этот шаг, насколько он приемлем из-за возможной неблагоприятной реакции мирового общественного мнения, особенно нейтральных стран, – подобные вопросы не имели никакого значения. Необходимо принимать во внимание только один единственный критерий – триумф германского оружия. После 1870 года немцы усвоили урок, сводившийся к тому, что сила оружия и война были единственным источником германского величия. В своей книге «Вооруженная нация» фельдмаршал фон дер Гольц поучал: «Мы завоевали наше положение благодаря остроте нашего меча, а не остроте ума». Принять решение о нарушении нейтралитета Бельгии оказалось делом нетрудным.

Греки верили: характер – это судьба. Многие столетия немецкой философии обусловили принятие рокового решения, в котором были заложены семена самоуничтожения, ожидавшие своего часа. Она говорила устами Шлиффена, но создали ее Фихте, считавший, что германский народ избран Провидением, дабы занять высшее место в истории Вселенной; Гегель, полагавший, что немцы ведут остальной мир к славным вершинам принудительной *Kultur*; Ницше, утверждавший, что сверхчеловек стоит выше обычного контроля; Трейчке, согласно которому усиление мощи является высшим моральным долгом государства, всего германского народа, называвшего своего временного правителя «всевышним». Основой же плана Шлиффена были не идеи Клаузевица и не битва при Каннах, а громадный эгоизм, вскормивший немецкий народ и сформировавший нацию, для которой питательной средой являлась «безрассудная иллюзия воли, полагающая себя абсолютной».

Цель – решающая битва – была рождена победами над Австрией и Францией в 1866 и 1870 годах. Мертвые битвы, как и мертвые полководцы, держат военные умы своей мертвой хваткой, и немцы в не меньшей степени, чем другие народы, готовились к последней войне. Они поставили все на карту решающей битвы в образе Ганнибала, однако даже призрак Ганнибала мог бы напомнить Шлиффену о том, что хотя при Каннах и победил Карфаген, войну выиграл Рим.

Старый фельдмаршал Мольтке в 1890 году предсказывал, что следующая война может продлиться семь лет – или даже тридцать, – потому что ресурсы современного государства настолько огромны, что после одного военного поражения оно не признает себя побежденным и борьбы не прекратит. У его племянника и тезки, который после Шлиффена занял пост начальника генерального штаба, также бывали времена, когда он не менее ясно понимал истинное положение. В 1906 году в один из моментов еретического неверия в Клаузевица он заявил кайзеру: «Это будет национальная война, которая закончится не решающей битвой, а только после длительной изматывающей борьбы со страной, которая не будет побеждена до тех пор, пока не будут сломлены ее национальные силы, и эта война в высшей степени истощит наш народ, даже если мы и окажемся победителями». Однако следовать логике своих предсказаний противно человеческой натуре, а тем более – натуре генерального штаба. Аморфная, без определенных границ, концепция затяжной войны не могла быть так научно разработана и распланирована, как ортодоксальное, предсказуемое и простое решение в виде решающей битвы и короткой войны. Молодой Мольтке уже был начальником генерального штаба, когда выступил со своим предсказанием, но ни он сам, ни его штаб, ни штаб любой другой страны не предпринимали попыток хотя бы наметить ориентиры длительной войны. Помимо двух Мольтке, один из которых был уже мертв, а у второго не доставало целеустремленности, кое-кто из военных стратегов в других странах не исключал возможность затяжной войны, однако все предпочитали верить, так же как банкиры и промышленники, что в силу общего расстройств экономической жизни европейская война не может продолжаться более трех-четырёх месяцев. Характерной чертой 1914 года – как и

любой эпохи – являлась общая предрасположенность, причем отмеченная во всех странах, не готовиться к худшей альтернативе, не предпринимать шагов, соответствующих тому, что, как они подозревали, было неприятной, но правдой.

Шлиффен, принявший стратегию «решающей битвы», поставил на эту карту судьбу Германии. Он полагал, что Франция нарушит нейтралитет Бельгии, как только развертывание германских войск на бельгийской границе ясно укажет на принятую стратегию, и поэтому, согласно его плану, Германия должна сделать это первой и побыстрее. «Бельгийский нейтралитет будет нарушен той или другой стороной, – гласил его тезис. – Тот, кто войдет в эту страну первым, оккупирует Брюссель и потребует военной компенсации в размере 1000 миллионов франков, одержит верх».

Контрибуция, которая позволяет вести войну за счет противника, а не за свой собственный, была вторичной задачей, поставленной Клаузевицем. Третью задачу он видел в завоевании общественного мнения, которое осуществляется «путем крупных побед и завладением вражеской столицы» и помогает положить конец сопротивлению. Клаузевиц знал, как материальные успехи способны завоевывать общественное мнение; но он забыл, как к его потере может привести моральная неудача, что также является одним из рисков войны.

Об этом риске всегда помнили французы, что заставило их прийти к выводам, противоположным тем, которых ожидал Шлиффен. Бельгия также была для них путем для нападения через Арденны, если не через Фландрию, однако французский план кампании запрещал использовать бельгийскую территорию до тех пор, пока границы Бельгии первыми не нарушат немцы. Для французов логика вопроса была ясна: Бельгия – это дорога, открытая в обоих направлениях; кто использует ее первым – Германия или Франция, – зависело от того, какая из этих стран больше стремилась к войне. Как заметил один французский генерал: «Тот, кто больше всего хочет войны, не может не желать нарушения нейтралитета Бельгии».

Шлиффен и его штаб считали, что воевать Бельгия не будет и не прибавит свои шесть дивизий к французской армии. Когда канцлер Бюлов, обсуждавший эту проблему со Шлиффеном в 1904 году, напомнил собеседнику о предупреждении Бисмарка, что допускать добавления сил еще одной страны к силам противника Германии – противоречить «простому здравому смыслу», Шлиффен несколько раз поправил монокль в глазу, что было его привычкой, и сказал: «Конечно. Мы не стали глупее с тех пор». Бельгия не станет сопротивляться силой оружия, она удовлетворится протестами, заявил он.

Уверенность Германии объяснялась несколько самонадеянными расчетами на хорошо известную алчность Леопольда II, короля Бельгии во времена Шлиффена. Высокий и осанистый, с черной бородой лопатой, он был окружен ореолом порока, составленного из любовниц, денег, жестокостей в Конго и различных скандалов. По мнению австрийского императора Франца-Иосифа, Леопольд был «исключительно плохим человеком». Мало найдется людей, о которых можно так сказать, утверждал император, однако король Бельгии был именно таким. Поскольку Леопольд, в довершение к прочим своим порокам, был жаден, то, как предполагал кайзер, жадность возобладает над здравым смыслом, и поэтому он составил хитроумный план с целью заманить Леопольда в союз, пообещав ему французскую территорию. Когда кайзера захватывал какой-либо проект, то он пытался немедленно осуществить его, и обычно неудача ввергала германского императора в состояние изумления и огорчения. В 1904 году он пригласил Леопольда посетить Берлин. Кайзер говорил с королем Бельгии «самым добрейшим языком в мире» о его гордых праотцах, графах Бургундских, и предложил воссоздать для него древнее герцогство Бургундия из Артуа, французской Фландрии и французских Арденн. Леопольд смотрел на него «широко раскрыв рот» и попытался свести все к шутке, напомнив кайзеру, что со времен XV века многое изменилось. Во всяком случае, сказал Леопольд, его министры и парламент никогда не станут рассматривать такое предложение.

Так говорить не следовало, потому что кайзер пришел в одно из своих состояний гнева и отчитал короля зато, что к парламенту и министрам он питает большее уважение, чем к персту Божьему (который кайзер иногда путал со своей персоной). «Я сказал ему, – сообщил Вильгельм канцлеру фон Бюлову, – что не позволю играть с собой. Тот, кто в случае европейской войны будет не со мной, тот будет против меня». Кайзер заявил, что он – солдат школы Наполеона и Фридриха Великого, которые начинали свои войны с предупреждения врагам: «Поэтому я, если Бельгия не встанет на мою сторону, должен буду руководствоваться исключительно стратегическими соображениями».

Подобное намерение, явившееся первой ясно выраженной угрозой разорвать договор, привело Леопольда II в замешательство. Он ехал на вокзал в каске, надетой задом наперед, и выглядел, по словам сопровождавшего его адъютанта, так, «как будто бы пережил какое-то потрясение».

Хотя замысел кайзера провалился, все почему-то считали, что Леопольд готов обменять нейтралитет Бельгии на кошелек в два миллиона фунтов стерлингов. Когда после войны один французский офицер разведки узнал о таком «ценнике» от немецкого офицера и выразил удивление подобной щедростью, то получил ответ: «За это должны были заплатить французы». Даже после того как в 1909 году Леопольда на престоле сменил его племянник король Альберт, человек совершенно других качеств, преемники Шлиффена продолжали думать, что сопротивление Бельгии явится лишь простой формальностью. Например, в 1911 году один германский дипломат предположил, что оно может принять форму «выстраивания бельгийской армии вдоль дорог, по которым пойдут германские войска».

Для захвата дорог в Бельгии Шлиффен выделил тридцать четыре дивизии, которым заодно поручалось разделаться с шестью бельгийскими дивизиями, если те все же решат оказать сопротивление, хотя подобное и казалось немцам маловероятным. Немцы были весьма обеспокоены, как бы этого не случилось, поскольку сопротивление означало бы разрушение железных дорог и мостов и, как следствие, нарушение разработанного графика, которого ревностно придерживался германский генеральный штаб. С другой стороны, уступчивость Бельгии дала бы возможность не связывать немецкие дивизии осадой крепостей на ее территории и, кроме того, позволила бы приглушить общественное недовольство по отношению к этим действиям Германии. Чтобы убедить Бельгию отказаться от бессмысленного сопротивления, Шлиффен предложил накануне вторжения поставить перед нею ультиматум с требованием сдать «все крепости, железные дороги и армию», пригрозив в противном случае подвергнуть бельгийские укрепленные города бомбардировке. При необходимости тяжелая артиллерия была готова превратить угрозу в реальность. Тяжелые орудия, писал Шлиффен в 1912 году, в любом случае потребуются в ходе дальнейшей кампании: «Крупный промышленный город Лилль, например, представляет собой замечательную цель для артиллерийской бомбардировки».

Шлиффен хотел, чтобы его правое крыло вышло на западе к Лиллю, и тогда обход французов будет полностью завершен. «Когда вы направитесь во Францию, пусть крайний справа коснется рукавом пролива Ла-Манш», – говорил он. Более того, принимая во внимание британскую воинственность, он стремился широким прорывом заодно с французами разделаться и с английским экспедиционным корпусом. Шлиффен куда выше оценивал потенциал английского флота, способного организовать блокаду, чем возможности английской армии, и поэтому был полон решимости добиться быстрой победы над английскими и французскими сухопутными войсками и решить исход войны как можно раньше – до того, как на экономическом положении Германии отрицательно скажется враждебность Англии. Чтобы достичь поставленной цели, все силы должны быть брошены на усиление правого крыла. Его надо сделать помощнее и превосходящим противника по численности, потому что плотность войск на милю определяла фронт наступления.

При использовании только действующей армии Шлиффену не хватило бы дивизий, чтобы одновременно сдерживать прорыв русских на восточных рубежах и достигнуть численного превосходства над Францией для достижения быстрой победы. Решение было простым, если даже не революционным. Он решил использовать на фронтовых позициях части резервистов. В соответствии с существовавшей военной доктриной для сражений годились лишь самые молодые мужчины, недавно обученные и дисциплинированные муштровкой в казармах. Резервисты же, завершившие срок обязательной военной службы и вернувшиеся к гражданской жизни, считались слабыми и непригодными для использования на линии фронта. За исключением людей моложе двадцати шести лет, которые направлялись в действующие части, резервисты формировались в отдельные дивизии, предназначенные для выполнения оккупационных задач и для тыловой службы. Шлиффен изменил это положение. Он добавил примерно двадцать резервных дивизий (их число менялось в зависимости от года составления плана) к пятидесяти или более маршевым дивизиям действующей армии. С увеличением численности войск давно лелеемый им охват стал реально возможным.

Уйдя в 1906 году в отставку, Шлиффен в последние годы жизни по-прежнему продолжал писать о Каннах, вносил улучшения в свой план и составлял служебные записки и директивы, которыми должны были руководствоваться его преемники. Умер он в 1913 году, в возрасте 80 лет, напоследок пробормотав: «Должно начаться сражение. Пусть только правый фланг будет сильным».

Пришедший ему на смену меланхоличный генерал Мольтке был в своем роде пессимистом, которому не доставало готовности Шлиффена сконцентрировать все силы для одного маневра. Если девизом Шлиффена было «Быть смелым, быть смелым», то Мольтке – «Но не слишком смелым». Его беспокоила и слабость левого крыла, противостоящего французам, и слабость войск, оставленных для защиты Восточной Пруссии от русских. Он даже спорил со своим штабом о целесообразности ведения с Францией оборонительной войны, однако отверг эту идею, потому что в этом случае исключалась бы всякая возможность «ведения боевых действий на территории противника». Генеральный штаб счел вторжение в Бельгию «полностью оправданным и необходимым», поскольку война явится борьбой за «оборону и существование Германии». План Шлиффена получил поддержку, а Мольтке утешил себя мыслью, которая, судя по его заявлению в 1913 году, сводилась к следующему: «Мы должны отбросить все банальности об ответственности агрессора... Только успех оправдывает войну». Однако, чтобы обезопасить себя повсюду, он стал – вразрез с предсмертной просьбой Шлиффена – каждый год брать силы у правого крыла и укреплять ими левое.

Левое крыло Мольтке рассчитывал составить из 8 корпусов, общей численностью около 320 000 человек, и оно должно было удерживать фронт в Эльзасе и Лотарингии южнее Меца. Перед германским центром, состоящим из 11 корпусов и насчитывающим около 400 000 человек, ставилась задача вторгнуться во Францию через Люксембург и Арденны. Правое крыло из 16 корпусов численностью в 700 000 солдат должно было наступать через Бельгию, смять знаменитые ключевые крепости Льежа и Намюра, прикрывающие долину Мааса (Мёзы), быстро форсировать реку, выходя на равнинную местность и прямые дороги на другом берегу. Был заранее расписан каждый день такого марша. Предполагалось, что бельгийцы не окажут сопротивления, но если они все же станут сражаться, то мощь германского наступления, по мнению немецких штабистов, быстро заставит их сдаться. Графиком предусматривалось, что дороги через Льеж будут открыты на двенадцатый день после мобилизации. Брюссель падет на тринадцатый, французская граница будет пересечена на двадцать второй, на линию Тионвиль – Сен-Кантен войска выйдут на тридцать первый, Париж и решительная победа будут достигнуты на тридцать девятый.

План кампании был составлен тщательно и всеобъемлюще, точь-в-точь как чертеж линейного корабля, и не допускал ни малейших отклонений. Учтя предупреждение Клаузевица о том, что военные планы, в которых нет места для непредвиденного, могут привести к катастрофе, немцы с бесконечным усердием попытались предусмотреть любые случайности. Штабные офицеры, прошедшие подготовку на маневрах и в военных училищах, призваны были находить верное решение для любых сложившихся обстоятельств, и они, как ожидалось, должны были справиться с неожиданностями. На случай подобных неожиданностей – изменчивых, насмешливых и таящих в себе гибель – были приняты все меры предосторожности, за исключением одной – гибкости.

В то время как план максимального усилия против Франции принимал окончательные формы, опасения Мольтке в отношении России постепенно уменьшались, тем более что генеральный штаб, основываясь на тщательном подсчете протяженности русских железнодорожных линий, пришел к убеждению, что Россия не будет «готова» к войне раньше 1916 года. Еще больше это мнение генерального штаба укрепили донесения шпионов о том, что русские поговаривают «о неких событиях, которые могут начаться в 1916 году».

В 1914 году два события способствовали достижению Германией высшей степени готовности. В апреле Англия начала морские переговоры с русскими, а в июне сама Германия завершила расширение Кильского канала, что открыло ее новым дредноутам прямой проход из Северного моря в Балтику. Узнав об англо-русских переговорах, Мольтке заявил во время визита к своему австрийскому коллеге Конраду фон Хётцендорфу в мае, что, начиная с этого времени, «любая отсрочка будет уменьшать наши шансы на успех». Двумя неделями позже, 1 июня, он сказал барону Эккардштейну: «Мы готовы, и теперь чем скорее, тем лучше для нас».

Глава 3 Тень Седана

Однажды в 1913 году в военное министерство к генералу де Кастельно, заместителю начальника французского генерального штаба, прибыл генерал Леба, военный губернатор Лилля, с возражениями против решения генштаба отказаться от Лилля как от крепости. Расположенный в 10 милях от бельгийской границы и в 40 милях от побережья пролива Ла-Манш, Лилль находился рядом с тем путем, которым двигалась бы вторгнущаяся армия, если бы она наступала через Фландрию. В ответ на просьбу генерала Леба об обороне Лилля генерал де Кастельно расстелил карту и измерил линейкой расстояние от германской границы до Лилля через Бельгию. Для решительного наступления нормальная плотность войск составляет пять-шесть солдат на метр. Как указал де Кастельно, если немцы растянутся на запад до Лилля, то у них окажется по два солдата на метр.

«Мы разрежем их пополам!» – воскликнул он. Германская действующая армия, далее объяснил он, может располагать на Западном фронте двадцатью пятью корпусами, общей численностью около миллиона человек. «Вот, убедитесь сами, – сказал де Кастельно, вручая Леба линейку. – Если они дойдут до Лилля, – повторил он с сардоническим удовлетворением, – что же, тем лучше для нас».

Французская стратегия не игнорировала угрозы охвата правым крылом немецких армий. Напротив, французский генеральный штаб считал, что чем сильнее немцы укрепят свое правое крыло, тем больше они ослабят свой центр и левое крыло, где французская армия планировала свой прорыв. Французская стратегия повернулась спиной к бельгийской границе, а лицом – к Рейну. Пока немцы будут совершать длинный обходной маневр, чтобы напасть на французский фланг, Франция ударит в двух направлениях, смяв германский центр и левое крыло по обе стороны германской укрепленной линии у Меца, и победой в этом районе отрезет правое крыло немцев от базы, тем самым его обезвредив. Это был смелый план, родившийся на почве возрождения Франции после унижения под Седаном.

По условиям мирных соглашений, продиктованных Германией в Версале в 1871 году, Франция перенесла ампутацию, контрибуцию и оккупацию. Навязанные условия предусматривали даже триумфальный марш немецкой армии по Елисейским полям. Победители промаршировали по безмолвной и безлюдной, убранной в траур улице. Когда французский парламент ратифицировал условия мира, депутаты от Эльзаса и Лотарингии, в слезах покидавшие зал заседаний в Бордо, возмущенно заявляли: «Мы провозглашаем право эльзасцев и лотарингцев всегда быть частью французской нации. Мы клянемся сами, от имени наших избирателей, от имени наших детей и детей их детей, что навсегда останемся французами и будем всеми средствами отстаивать это право, невзирая на узурпатора».

Аннексии – против нее возражал даже Бисмарк, утверждая, что она станет ахиллесовой пятой новой Германской империи, – требовали старший Мольтке и его генеральный штаб. Они настаивали на ней и убеждали императора, что пограничные провинции у Меца, Страсбурга и по отрогам Вогезов необходимо отрезать, чтобы навечно поставить Францию географически в положение обороняющегося. Вдобавок они наложили тяжелейшую контрибуцию в пять миллиардов франков, стремясь закабалить страну на целое поколение, а до окончания выплаты этой контрибуции во Франции должна была находиться оккупационная армия. Одним колоссальным усилием французы собрали и выплатили всю сумму в три года, и с этого началось их возрождение.

Память о Седане постоянной черной тенью преследовала сознание французов. Гамбетта дал совет: «N'en parlez jamais; pensez-y toujours» («Не говорите об этом никогда, но думайте постоянно»). Более сорока лет мысль «Опять» оставалась единственным основопо-

лагающим фактором французской политики. В течение первых нескольких лет после 1870 года инстинкты и военная слабость диктовали крепостную стратегию. Франция отгородила себя системой укрепленных лагерей, соединенных фортами. Две линии укреплений, Бельфор – Эпиналь и Туль – Верден, защищали восточную границу, а одна, Мобеж – Валансьенн – Лилль, охраняла западную половину бельгийской границы; оставленные между ними промежутки предназначались для того, чтобы вторгнувшиеся вражеские войска двигались в нужном для обороняющихся направлении.

За своими стенами, как провозгласил в одной из своих наиболее страстных речей Виктор Гюго, «Франция будет проникнута только одной мыслью: прийти в себя, обрести душевное равновесие, стряхнуть кошмар отчаяния, собраться с силами; возвращать семена священного гнева в душах детей, которым предстоит стать взрослыми; отлить пушки и воспитывать граждан; создать армию, неотделимую от народа; призвать науку на помощь войне; изучить тактику пруссаков, подобно тому как Рим изучал тактику карфагенян; укрепиться, стать тверже, возродиться, снова сделаться великой Францией, Францией Девяносто второго года, Францией, вооруженной идеей, и Францией, вооруженной мечом. А затем, в один прекрасный день, она внезапно распряжится!.. Это будет грозное зрелище; все увидят, как одним рывком она вернет себе Лотарингию, вернет Эльзас!»

Вновь вернулось процветание, росла империя, в обществе не утихали экономические и идейные раздоры, страна бурлила – роялизм, буланжизм, клерикализм, забастовки и кульминация всего – опустошительное «дело Дрейфуса», но по-прежнему, не угасая, пылал священный гнев, особенно в армии. Единственным, что удерживало воедино все элементы армии, будь то крайние консерваторы или республиканцы, иезуиты или масоны, был *mystique d'Alsace*, мистический Эльзас. Взоры всех приковывала к себе голубоватая полоска Вогезов. Пехотный капитан признавался в 1912 году, что взял себе за обычай водить солдат своей роты, по двое-трое, в тайные дозоры через темный сосновый лес на горные вершины, откуда открывался вид на Кольмар: «Когда мы возвращались из этих тайных экспедиций и наши колонны перестраивались, то все переполненные нахлынувшими чувствами и онемевшие от них».

Первоначально Эльзас, не немецкий и не французский, постоянно переходил из рук в руки до тех пор, пока Людовик XIV не подтвердил прав на него Франции Вестфальским договором 1648 года. После аннексии в 1870 году Германией Эльзаса и части Лотарингии Бисмарк посоветовал предоставить их жителям как можно большую автономию и поощрять их партикуляризм, ибо, говаривал он, чем больше они будут считать себя эльзасцами, тем меньше – французами. Его преемники не понимали этой необходимости. Они не принимали во внимание желания своих новых подданных, не делали попыток завоевать их на свою сторону, управляли этими провинциями как Рейхсляндом, или «Имперской территорией», посредством германских чиновников – практически так же, как африканскими колониями. Они преуспели в одном: им удалось озлобить и оттолкнуть от себя население, пока в 1911 году ему не была дарована конституция. Но уже было слишком поздно. Германское правление было подорвано в 1913 году в результате событий в Цаберне; столкновения начались с обмена оскорблениями между горожанами и немецким гарнизоном, а затем германский офицер ударил саблей калеку-сапожника. Инцидент в неприкрытом виде явил мировой общественности политику германских властей в Рейхслянде, вызвал взрыв антигерманских настроений во всем мире и одновременно триумф милитаризма в Берлине, где офицер из Цаберна стал героем, удостоившись поздравлений от кронпринца.

Год 1870-й не означал для Германии окончательного урегулирования. Германский день в Европе, заря которого, как полагали, занялась с провозглашением Германской империи в Зеркальном зале Версаля, в полную силу так и не засиял. Франция не была сокрушена; в действительности Французская империя расширялась в Северной Африке и Индокитае;

и мир искусства, красоты и стиля, как и раньше, преклонялся перед Парижем. Немцев одолевала зависть к побежденной ими стране. «Живет, как бог во Франции», – гласила немецкая поговорка. Вместе с тем они считали французскую культуру декадентской, а саму страну – ослабленной демократией. «Невозможно, чтобы эффективно сражалась страна, в которой за 43 года сменилось 42 военных министра», – заявил ведущий историк Германии профессор Ганс Дельбрюк. Уверовав в собственное превосходство по духу, силе, энергии, трудолюбию и национальной добродетельности, немцы были убеждены, что по праву заслуживают господства в Европе. Работа, начатая под Седаном, должна быть завершена.

Живя под тенью этого незаконченного дела, Франция, оживая духом и телом, начала с раздражением относиться к тому, что постоянно приходится быть начеку, и стала уставать от вечных поучений своих руководителей о самообороне. С начала нового века ее дух восстал против тридцатилетнего пребывания в обороне и вытекающего отсюда признания собственной неполноценности. Франция понимала, что физически она уступает Германии. У нее было меньше населения, рождаемость оставалась низкой. Ей необходимо было оружие, которого не имела Германия, чтобы с его помощью обрести веру в себя. Представление о Франции, «вооруженной идеей и мечом», отвечало этому требованию. Выраженная Бергсоном, эта идея носила название *élan vital* — «жизненный порыв». Вера в силу этого всепобеждающего порыва убедила Францию, что человеческому духу вовсе не нужно склоняться перед заранее предреченными силами эволюции, которые Шопенгауэр и Гегель провозгласили непобедимыми. Дух Франции уравнивает этот фактор. Воля к победе, ее *élan*, даст возможность Франции победить врага. Гений Франции заключается в ее духе, духе *la gloire* – духе славы 1792 года, в несравненной «Марсельезе», героической кавалерийской атаке генерала Маргерита под Седаном, когда даже Вильгельм I, наблюдавший за ходом сражения, не мог удержаться от восклицания: «*Oh, les braves gens! O эти храбрые ребята!*»

Вера в страсть Франции, в *furor Gallicae*, возродила во французском поколении послевоенных лет уверенность в судьбе своей страны. Именно эта сила разворачивала ее знамена, звучала в ее горнах, вооружала солдат, и именно она призвана была вести Францию к победе, если бы «опять» пробил ее час.

Переведенный на язык военных терминов, *élan vital* Бергсона превратился в наступательную военную доктрину. По мере того как оборонительная стратегия уступала место наступательной, все внимание постепенно перемещалось от бельгийской границы на восток, откуда можно было осуществить наступление французской армии с целью прорыва к Рейну. Для немцев кружной путь через Фландрию вел к Парижу, для французов же этот вариант был бесполезен. В Берлин они могли попасть лишь самым коротким путем. Чем больше французский генеральный штаб склонялся к мысли о наступлении, тем больше сил концентрировалось у исходного рубежа атаки и тем меньше их оставалось для защиты бельгийской границы.

Колыбелью наступательной доктрины была Ecole Supérieure de Guerre – Высшая военная школа, средоточие интеллектуальной элиты армии. Начальник школы, генерал Фердинанд Фош, был основоположником французской военной теории того времени. Ум Фоша, как и его сердце, имел два клапана – через один патриотический дух вливался в его стратегию, через другой – здравый смысл. С одной стороны, Фош проповедовал *mystique* воли, что выражалось в его знаменитых афоризмах: «Воля к борьбе есть первое условие победы», или более сжато: «*Victoire c'est la volonté*» – «Победа – это воля», или также: «Выигранная битва – это та битва, в которой вы не признаете себя побежденными».

Практически это вылилось в знаменитый приказ при Марне о наступлении, когда ситуация диктовала отступление. Офицеры тех времен помнят, как он призывал: «В атаку, в атаку!» Ожесточенно, непрерывно жестикулируя, он был весь в движении, будто заряженный электрическим током. Почему, спрашивали его впоследствии, он начал наступление на

Марне, когда с технической точки зрения он был разбит? «Почему? Я не знаю. Потому что я верил в своих людей, потому что у меня была воля. И тогда... Бог был с нами».

Будучи глубоким знатоком Клаузевица, Фош, в противоположность немецким последователям Клаузевица, не верил, что разработанный заранее график сражения обязательно принесет успех. Напротив, он даже учил, что необходимо быть готовым постоянно приспосабливаться и импровизировать, чтобы справиться с любыми обстоятельствами. «Правила, – говаривал он, – хороши для подготовки, но в час опасности в них немного пользы... Нужно учиться думать». Думать – значит предоставить место свободе инициативы, чтобы нечто неуправляемое взяло верх над материальным, чтобы воля подчинила себе обстоятельства.

Но Фош предупреждал, что было бы «ребячеством» думать, будто один лишь моральный дух может победить. В довоенных лекциях и своих книгах «*Les Principes de la Guerre*» («О принципах войны») и «*La Conduite de la Guerre*» («О ведении войны») он после полетов в сферы метафизики неожиданно спускался к более приземленным вопросам тактики, рассуждая о выдвижении авангардов, о необходимости *sûreté*, или охранения, об элементах огневой мощи, о требованиях дисциплины и субординации. Реалистическая часть учения Фоша подытоживалась в еще одном его афоризме, ставшем известным во время войны: «*De quoi s'agit-il?*» («В чем суть проблемы?»)

Несмотря на красноречие Фоша в вопросах тактики, именно его «тайнство воли» пленило умы его сторонников. Однажды в 1908 году, когда Клемансо рассматривал вопрос о назначении Фоша, в ту пору преподавателя Высшей военной школы, на пост ее начальника, он направил одного частного агента с заданием послушать, что говорит Фош на лекциях. Агент в замешательстве доносил: «Этот офицер преподает метафизику настолько непонятно, будто хочет превратить своих учеников в идиотов». Хотя Клемансо все же назначил Фоша на этот пост, донесение в некотором смысле отражало правду. Принципы Фоша стали ловушкой для Франции не потому, что были запутанны и непонятны, а в силу их особой привлекательности. Их подхватил с особым энтузиазмом полковник Гранмезон, «пылкий и блестящий офицер», который был начальником Третьего бюро, или оперативного управления. В 1911 году он выступил в Военной академии с двумя лекциями, имевшими далеко идущие последствия.

Полковник Гранмезон ухватил лишь «верхи», а не основание теории Фоша. Возвеличивая исключительно *élan*, волю к победе, без учета *sûreté*, обороны, он выдвинул военную философию, которая наэлектризовала его слушателей. Он размахивал перед их возбужденным взором «идеями, вооруженной мечом», которая указывала им, каким образом Франция способна победить. Сущность этой философии сводилась к *offensive à outrance* – наступлению до предела. Только таким образом можно прийти к решающей битве Клаузевица, которая, «использованная до конца, является главным актом войны» и которую, «раз начав, необходимо довести до конца без колебаний, с предельным использованием всех человеческих возможностей». Захват инициативы является абсолютно необходимым. Заранее разработанные мероприятия, основанные на догматических суждениях о том, как будет действовать противник, являются преждевременными. Свобода действий достигается только путем навязывания своей воли противнику. «Все приказы командования должны вдохновляться решимостью захватить и удержать инициативу». Оборона отвергнута, забыта, сброшена со счетов; единственным оправданием для обороны может служить лишь «экономия сил на некоторых участках с дальнейшим подключением их к наступлению».

Выдвинутые принципы оказали глубокое влияние на генеральный штаб, на их основе подготовивший в течение последующих двух лет Полевой устав и новый план кампании, названный «План-17», который был утвержден в мае 1913 года. Через несколько месяцев после прочитанных Гранмезоном лекций президент республики Фальер провозгласил:

«Только наступление соответствует темпераменту французского солдата... Мы полны решимости выступить против противника без колебаний».

Новый Полевой устав, введенный правительством в октябре 1913 года в качестве основного руководства к обучению и действиям французской армии, начинался громким и высокопарным заявлением: «Французская армия, возвращаясь к своей традиции, не признает никакого иного закона, кроме закона наступления». За этим следовало восемь заповедей, составленных из таких звонких фраз, как «решающая битва», «наступление без колебаний», «неистовость и упорство», «сломить волю противника», «безжалостное и неустанное преследование». Со всем жаром верующего-ортодокса, искореняющего ересь, устав клеймил оборонительную концепцию, напроць от нее отказываясь. «Только наступление, – возвещал он, – приводит к положительным результатам». Седьмая заповедь, выделенная авторами курсивом, утверждала: «Как ничто другое, битвы являются борьбой моральных принципов. Поражение неизбежно, как только исчезает воля к победе. Успех приходит не к тому, кто меньше пострадал, а к тому, чья воля тверже и чей моральный дух крепче».

Нигде в этих восьми заповедях не упоминалось о боевой технике, об огневой мощи или о том, что Фош называл «*sûreté*» – защита или оборона. Идея этого устава была увековечена в знаменитом словце, ставшем ходовым среди французского офицерского корпуса, – *le cran* – смелость, отвага, или, проще, «не трусить». Под этим девизом французская армия и отправилась на войну в 1914 году – так юность штурмует горную вершину с призывом «Давай выше!».

В годы, когда претерпевала изменения французская военная философия, география Франции оставалась прежней. Положение границ Франции было таким же, как и в 1870 году, когда они были установлены по воле Германии. Территориальные требования Германии, как объяснил Вильгельм I императрице Евгении, заявившей протест, «не имеют другой цели, кроме как избавиться от плацдарма, с которого французские армии смогут в будущем напасть на нас». Немцы сами выдвинули вперед исходные рубежи, откуда Германия могла атаковать Францию. В то время как французская история и развитие после начала нового века требовали наступательной стратегии, география страны по-прежнему диктовала стратегию оборонительную.

В 1911 году, тогда же, когда полковник Гранмезон читал свои лекции, была предпринята последняя попытка привязать Францию к стратегии обороны. В Высшем военном совете на обороне настаивал не кто иной, как генерал Мишель – в случае войны он, как заместитель председателя совета, становился главнокомандующим вооруженными силами, и был самым высокопоставленным офицером в армии. В докладе, точно отражавшем мышление Шлиффена, он дал оценку возможного направления наступления немцев, а также изложил рекомендации для его отражения. Он утверждал, что ввиду сильно пересеченной местности и мощных укреплений французской оборонительной линии на границе с Германией немцы не могут надеяться выиграть быструю решающую битву в Лотарингии. Марш через Люксембург и узкий угол бельгийской территории восточнее реки Маас также не давал им достаточного пространства для проведения своего излюбленного плана охвата. Только воспользовавшись преимуществом «всей территории Бельгии», убеждал Мишель, немцы смогли бы провести то «немедленное, грубое и решительное наступление» против Франции, которое им необходимо было осуществить до того, как в игру смогут вступить ее союзники. Он отмечал давнее желание немцев овладеть крупным бельгийским портом Антверпен, захват которого мог стать еще одной причиной для нападения через Фландрию. Мишель предложил, чтобы противопоставить немцам на линии Верден – Намюр – Антверпен французскую армию численностью в миллион человек, левое крыло которой – как и правое крыло Шлиффена – должно было «коснуться рукавом» Ла-Манша.

План генерала Мишеля был не только оборонительным по своему характеру; он также включал в себя предложение, являвшееся анафемой для его коллег-офицеров. Чтобы противостоять многочисленной немецкой армии, которая, по его мнению, двинется через Бельгию, генерал Мишель собирался удвоить численность передовых частей французских войск, прикрепив к каждому полку действительной службы полк резервистов. Предложи он приписать певицу и актрису Мистенгетт к «бессмертным» Французской академии, и то вряд ли вызвал бы больше шума и гневных возражений.

«Les reserves c'est zero! Резервисты – это ноль!» – такова была классическая догма французского офицерского корпуса. Мужчины, в возрасте от 23 до 34 лет и прошедшие обязательную военную подготовку в соответствии с законом о всеобщей воинской повинности, зачислялись в резерв. При мобилизации наиболее молодые возрастные категории дополняли регулярные воинские части до штатов военного времени; остальные сводились в резервные полки, бригады и дивизии в соответствии с географическим расположением их округов. Эти части предназначались только для тыловой службы или в качестве крепостных гарнизонов, так как считалось, что ввиду отсутствия в них подготовленного офицерского и сержантского состава их нельзя присоединять к боевым полкам. Презрение регулярной армии к резервистам, которое разделяли и поддерживали правые партии, усугублялось отрицательным отношением к принципу «вооруженная нация». Смешать резервы с дивизиями действительной службы означало бы снизить наступательную мощь армии. При защите страны, полагали они, можно положиться только на действующую армию.

Левые партии, наоборот, помня генерала Буланже верхом на коне, ассоциировали армию с государственным переворотом и были убеждены, что принцип «вооруженной нации» является единственной гарантией республики. Они утверждали, что несколько месяцев подготовки сделают любого гражданина пригодным для войны, и решительно сопротивлялись увеличению срока действительной службы до трех лет. Этой реформы армия потребовала в 1913 году не только в качестве ответа росту численности германских вооруженных сил, но и потому, что чем больше людей проходит военную подготовку в данный момент, тем в меньшей степени можно брать в расчет резервные части. После острых споров, серьезно взбудораживших страну, закон о трехлетней военной службе был все-таки принят в августе 1913 года.

На пренебрежительном отношении к резервистам сказывалась и новая доктрина наступательной войны, которая, как думали, могла быть успешно реализована только с помощью солдат действительной службы. Чтобы нанести внезапный победоносный удар в ходе *attaque brusquée*, стремительного натиска, символом которого была штыковая атака, требовался *élan*, порыв, а как можно рассчитывать на *élan* у людей, привыкших к гражданской жизни и обремененных семейными заботами. Резервисты, смешанные с солдатами действительной службы, дадут «армию, находящуюся в упадке», у которой не может быть воли к победе.

Как было известно, подобные чувства испытывали и за Рейном. Лозунг кайзера «Ни одного отца семейства на фронте» получил широкую поддержку. В среде французского генерального штаба считалось непреложной истиной, что немцы не станут смешивать действующие части с резервными, что, в свою очередь, породило убежденность, что численность имеющихся у Германии войск не позволит ей выполнить сразу две задачи: бросить мощное правое крыло в массивное наступление через Бельгию западнее от Мааса и в то же время сосредоточить достаточное количество войск в центре и на левом фланге для отражения французского прорыва к Рейну.

Когда генерал Мишель представил свой план, военный министр Мессими отнесся к нему как к «*comme un insanité*», «чему-то безумному». Как председатель Верховного воен-

ного совета он не только пытался не допустить принятия этого плана, но даже провел консультации с другими членами совета о целесообразности отстранения Мишеля.

Мессими, цветущий, энергичный и громогласный, почти неистовый человек, с толстой шеей, круглой головой и блестящими за очками глазами крестьянина, в прошлом был профессиональным военным. В 1899 году он, тридцатилетний капитан альпийских стрелков, подал в отставку в знак протеста против отказа в пересмотре дела Дрейфуса. В то горячее время весь офицерский корпус придерживался позиции, что сама возможность признать невиновность Дрейфуса после вынесения ему приговора нанесет удар по престижу армии и идее ее непогрешимости. Мессими, который не смог поставить верность армии выше принципов правосудия, решил посвятить себя политической карьере, задавшись целью «примирить армию с народом». Он принес в военное министерство страсть к улучшениям. Обнаружив, что «большое число генералов не только не способно вести войска за собой, но даже следовать за ними», он прибег к уловке Теодора Рузвельта, отдав приказ: все генералы должны участвовать в маневрах верхом на коне. Когда зазвучали протесты и угрозы, что такой-то и такой-то вынужден будет подать в отставку, Мессими отвечал, что именно этого и добивается. Военным министром он был назначен 30 июня 1911 года, после того, как на этом посту за четыре месяца сменилось четыре министра, и на следующий же день столкнулся с проблемой «прыжка» германской канонерской лодки «Пантера» в Агадир, что предшествовало второму Марокканскому кризису. Ожидая мобилизации в любой момент, Мессими обнаружил, что генерал Мишель – который в случае войны должен был быть назначен главнокомандующим – проявляет «колебания, нерешительность и подавлен тем грузом обязанностей, который мог свалиться на него в любую минуту». По мнению Мессими, Мишель, занимая этот пост, представлял «национальную опасность». «Безумное» предложение Мишеля являлось удобным поводом избавиться от него.

Мишель, однако, отказался уйти, не представив сначала свой план на рассмотрение совета, в состав которого входили видные генералы Франции: Галлиени, прославившийся в колониях; По, однорукий ветеран 1870 года; Жоффри, молчаливый инженер; Дюбай, образец галантности, носивший свое кепи набекрень с «*chic exquis*», изысканным шиком Второй империи. Всем им предстояло занять активные командные посты в 1914 году, а двое из них стали маршалами Франции. План Мишеля никто из них не поддержал. Один из офицеров военного министерства, присутствовавший на этом заседании, сказал: «Нет смысла обсуждать это предложение. Генерал Мишель не в своем уме».

Представлял ли этот вердикт мнение всех присутствовавших или нет – позднее Мишель утверждал, что генерал Дюбай вообще-то поначалу соглашался с ним, – но Мессими, не скрывавший своей враждебности к Мишелю, повел совет за собой. Судьбе оказалось угодно, чтобы у Мессими был сильный характер, а у Мишеля – нет. Быть правым и оказаться поверженным – такое не прощается людям, занимающим ответственные посты, и Мишель должным образом поплатился за свою пронизательность. Освобожденный от своего поста, он был назначен военным губернатором Парижа, и в критический час грядущего испытания он и в самом деле проявил «колебания и нерешительность».

Военный министр Мессими, решительно выкорчевавший ересь Мишеля об обороне, делал все от него зависящее, чтобы оснастить армию для ведения наступательных боев, однако, в свою очередь, потерпел поражение в осуществлении своего заветного проекта – реформирования французской военной формы. Англичане одели своих солдат в хаки после англо-бурской войны, и синий цвет прусского мундира немцы собирались сменить на защитный серый. Однако в 1912 году французские солдаты все еще продолжали носить те же голубые шинели, красные кепи и красные рейтузы, как и в 1830 году, когда дальность ружейного огня не превышала двухсот шагов и когда армии, сходящиеся на близкие дистанции, не испытывали необходимости в маскировке. Посетив балканский театр военных действий в

1912 году, Мессими сразу увидел те преимущества, которые давала болгарам их единообразная однотонная форма, и по возвращении во Францию решил сделать французского солдата не таким заметным. Его проект, предусматривавший ввести для мундиров серо-голубой или серо-зеленый цвет, вызвал настоящую бурю протестов. Армия с таким же гордым упрямством не желала отказываться от красных рейтуз, как и принимать на вооружение тяжелые орудия. Вновь возникло чувство, что на кону стоит престиж армии. Одеть французского солдата в какой-то грязный позорный цвет, заявляли защитники армии, означало бы пойти навстречу самым сокровенным надеждам сторонников Дрейфуса и масонов. Запретить «все красочное, все, что оживляет вид солдата, – писала «Эко де Пари», – значит выступить как против французского духа, так и военной службы». Мессими указывал, что эти понятия вряд ли можно считать синонимичными, однако его оппоненты оказались непробиваемыми. Во время слушания в парламенте бывший военный министр Этьен говорил от имени Франции.

– Отменить красные рейтузы? – восклицал он. – Никогда! *Les pantalon rouge c'est la France!* Красные рейтузы – это Франция!

«Эта глупая и слепая привязанность к самому заметному из всех цветов, – писал впоследствии Мессими, – будет иметь жестокие последствия».

Тем временем, пока Франция еще переживала Агадирский кризис, он должен был назначить вместо Мишеля нового главнокомандующего на случай чрезвычайных обстоятельств. Мессими собирался придать еще больший вес этому посту, совместив его с постом начальника генерального штаба, одновременно ликвидировав пост начальника штаба при военном министре, который тогда занимал генерал Дюбай. Преемник Мишеля сконцентрировал бы в своих руках все бразды правления.

Сначала Мессими остановил свой выбор на известном генерале Галлиени, но тот, сурово блеснув стеклами пенсне, отказался от назначения, мотивировав свой отказ тем, что он принимал участие в смещении генерала Мишеля и поэтому, заняв его место, будет чувствовать угрызения совести. Более того, в 64 года он собирался уйти в отставку, до которой ему оставалось два года, и Галлиени также считал, что назначение представителя колониальных войск вызовет недовольство в военной среде метрополии. «*Une question de bouton.* Вопрос мундира», – сказал он, постучав пальцем по своим знакам различия. Генерал По, следующий за ним по служебной иерархии, поставил условием право назначать по своему выбору генералов на высшие командные должности. Подобное требование, исходящее от человека, известного своими реакционными взглядами, угрожало разжечь едва затихшую вражду между стоящей на крайних правых позициях армией и республикански настроенной нацией. Уважая честность По, правительство отвергло это условие. Тогда Мессими посоветовался с Галлиени, и тот рекомендовал своего бывшего подчиненного, с которым служил на Мадагаскаре, «хладнокровного и методичного работника с гибким и точным умом». И предложение занять вакантный пост было сделано Жозефу Жаку Сезару Жоффру, который в прошлом возглавлял Инженерный корпус, а ныне был начальником службы тыла и которому на тот момент было пятьдесят девять лет.

В мешковатом мундире, массивный и с брюшком, с мясистым лицом, украшенным тяжелыми, почти белыми усами и под стать им мохнатыми бровями, с чистой, как у юноши, кожей, со спокойными голубыми глазами и прямым безмятежным взглядом, Жоффр походил на Санта-Клауса и производил впечатление благочестия и наивности – два качества, которые не были главными чертами его характера. Он не был выходцем из благородной семьи, не был выпускником Сен-Сира (Жоффр закончил менее аристократичную, но более научную *Ecole Polytechnique*, Политехническую школу); не проходил курс обучения в Высшей военной школе. Как офицер Инженерного корпуса, Жоффр занимался такими неромантичными делами, как строительство укреплений и железных дорог, и принадлежал к роду войск, откуда, как считали, не поднимались на высшие командные посты. Родом из Француз-

ских Пиренеев, он был старшим среди одиннадцати детей мелкого буржуа, фабриканта винных бочек. Его военная карьера отличалась незаметными достижениями и исполнительностью на всех постах, которые он занимал: командир роты на Формозе и в Индокитае, майор в Судане и Тимбукту, штабной офицер в железнодорожном отделе военного министерства, преподаватель в артиллерийском училище. С 1900 до 1905 года Жоффра служил под началом Галлиени на Мадагаскаре, где отвечал за фортификационные сооружения; в 1905 году он стал дивизионным генералом, в 1908 году – корпусным и, наконец, с 1910 года – начальник службы тыла и член Военного совета.

Он не имел ни клерикальных, ни монархических, ни каких-либо иных, внушающих обеспокоенность связей, а во время дела Дрейфуса находился за границей. Его репутация хорошего республиканца была такой же безукоризненной, как и его тщательно наманикюренные руки; вид у генерала был солидный и в высшей степени флегматичный. Выдающейся чертой Жоффра была крайняя молчаливость, которая у кого-то другого могла бы показаться признаком низкой самооценки, однако он, нося ее как ореол вокруг своего тучного, спокойного тела, внушал лишь уверенность. До отставки ему оставалось еще пять лет.

Жоффра знал об одном своем недостатке: он не имел должной подготовки к утонченным приемам штабной работы. Однажды в жаркий июльский день, когда двери в военном министерстве на улице Сен-Доминик были распахнуты настежь, офицеры, выглянувшие из своих кабинетов, видели, как генерал По, взяв Жоффра за пуговицу мундира, говорил: «Не отказывайтесь, *cher ami!* Мы дадим вам Кастельно. Он знает все про штабную работу, и все уладится само собой».

Выпускник Сен-Сира и Высшей военной школы, Кастельно был, как и д'Артаньян, родом из Гаскони, где, как говорят, живут люди с горячим сердцем и холодной головой. Он страдал от своих семейных связей с маркизом, от сближения с иезуитами, вдобавок он был католиком и таким ревностным, что во время войны даже получил прозвище «*le carapin botté*» – «монах в сапогах». Однако Кастельно имел большой опыт работы в генеральном штабе. Жоффра предпочел бы Фоша, но он знал, что Мессими испытывает к тому необъяснимую неприязнь. Жоффра – что было у него в обыкновении – выслушал советы По и ничего по этому поводу не сказал, но сразу им последовал.

«Э-э, – промолвил с сожалением Мессими, когда Жоффра попросил назначить Кастельно своим заместителем. – Вы накликаете целую бурю протестов левых партий и наживете себе немало врагов». Тем не менее, после одобрения президента и с согласия премьер-министра, хотя последний при этом и «состроил мину», оба назначения были утверждены одновременно. Один знакомый Жоффра, генерал, преследовавший какие-то личные цели, предупредил нового начальника генерального штаба, что Кастельно может «подсидеть» его. «Избавиться от меня! У Кастельно это не пройдет, – ответил невозмутимо Жоффра. – Мне он нужен на шесть месяцев, а потом я отправлю его командовать корпусом». Последующие события подтвердили, что Кастельно оказался для него неоценимым помощником, а когда началась война, Жоффра назначил его командующим не корпусом, а армией.

Исключительная уверенность Жоффра в себе проявилась в следующем году, когда его адъютант, майор Александр, решил узнать его мнение о том, скоро ли начнется война.

– Разумеется, скоро, – ответил Жоффра. – Я всегда так считал. Она придет. Я буду сражаться и одержу победу. Я всегда выполнял все задачи, за какие брался, – как, например, в Судане. И снова будет так.

– В таком случае вас ждет маршальский жезл, – предположил адъютант, испытав в душе трепет при этой мысли.

– Да, – согласился с подобной перспективой Жоффра, хладнокровно и лаконично.

Под руководством этой невозмутимой фигуры генеральный штаб с 1911 года взялся за задачу пересмотра Полевого устава, переподготовки войск и составления нового плана кам-

пани, который должен был заменить устаревший теперь «План-16». Фош – направляющий ум штаба – оставил Высшую военную школу, был повышен, затем переведен в действующую армию и, наконец, получил назначение в Нанси, где, по его выражению, граница 1870-го «как шрам перерезала грудь страны». Здесь он командовал охранявшим границу XX корпусом, который ему суждено было вскоре прославить. Однако у него были во французской армии сторонники и ученики, составлявшие окружение Жоффра. Фош также оставил после себя стратегический план, который лег в основу «Плана-17». Завершенный в апреле 1913 года, «План-17» без обсуждений и возражений в мае того же года был принят вместе с Полевым уставом Верховным военным советом. Следующие восемь месяцев прошли в реорганизации армии на основе этого плана и в подготовке инструкций и приказов для мобилизации, для транспортных и тыловых служб, а также в подготовке районов и графиков развертывания и концентрации войск. К февралю 1914 года план был готов для рассылки командованию и всем генералам всех пяти армий, на которые тогда были разделены французские войска, причем каждый исполнитель получал лишь ту часть плана, которая непосредственно его касалась.

Основную идею этого плана Фош выразил следующим образом: «Мы должны попасть в Берлин, пройдя через Майнц», то есть форсировать Рейн у Майнца, расположенного в 130 милях северо-восточнее Нанси. Однако эта цель была сформулирована лишь как идея. В противовес плану Шлиффена ясно выраженной общей директивы и точного графика операций «План-17» не содержал. Это был не оперативный план, а план развертывания войск с указанием возможных направлений наступления для каждой армии в зависимости от обстоятельств, но без конкретной цели. По сути это был план ответных действий, план отражения немецкого наступления, направления которого французы не могли с твердой уверенностью предсказать заранее, и поэтому он должен был давать возможность, как выразился Жоффр, «для изменений апостериори и альтернативных решений». Но, какие бы возможные изменения ни допускались, главной и неизменной задачей плана было: «Наступление!»

Короткая общая директива из пяти предложений, помеченная грифом «секретно», стала единственным документом, с которым были ознакомлены все генералы. Этот план не подлежал обсуждению, от генералов требовалось только его исполнение. Однако обсуждать в плане практически было нечего. Как и Полевой устав, документ открывался выспренным выражением: «При любых обстоятельствах главнокомандующему надлежит выступить всеми объединенными силами, чтобы атаковать германские армии». Далее в директиве лишь сообщалось, что французские войска предпримут два крупных наступления – слева и справа от немецкого укрепленного района Мец – Тионвиль. Части справа, то есть южнее Меца, начнут атаку прямо на восток через старую границу с Лотарингией, в то время как второстепенная операция в Эльзасе предназначалась для того, чтобы вывести французский правый фланг к Рейну. Наступление левее (или севернее) Меца будет идти на север или, в случае нарушения врагом нейтралитета Бельгии, на северо-восток через Люксембург и бельгийские Арденны. Однако последний маневр мог осуществляться «лишь по приказу главнокомандующего». Главная цель, хотя об этом нигде и не говорилось, заключалась в прорыве к Рейну с одновременной изоляцией и окружением вторгшегося правого крыла немецких армий.

Для этой задачи «Планом-17» предусматривалось развертывание пяти французских армий от Бельфора в Эльзасе до Ирсона с перекрытием примерно трети протяженности франко-бельгийской границы. Оставшиеся две трети бельгийской границы от Ирсона до моря оказывались незащищенными. Именно на этом участке генерал Мишель и намеревался оборонять Францию. Жоффр обнаружил план Мишеля в сейфе, когда занял кабинет своего предшественника. Центр тяжести французских сил по плану Мишеля переносился на крайний левый участок фронта, который Жоффр оставил оголенным. Это был чисто оборони-

тельный план; он не предусматривал возможности для захвата территории или инициативы; он был, как охарактеризовал его Жоффри после тщательного изучения, «глупостью».

Во множестве получая собранные Вторым бюро, или военной разведкой, сведения, которые указывали на возможный охват сильным правым крылом немецких армий, французский генеральный штаб, тем не менее, считал, что аргументы против такого маневра являются более вескими, чем доказательства его подготовки. Он не придавал значения возможности наступления немцев через Фландрию, хотя сведения об этом были получены при драматических обстоятельствах от одного офицера германского генерального штаба, выдавшего в 1904 году ранний вариант плана Шлиффена. В ходе трех встреч с офицером французской разведки в Брюсселе, Париже и Ницце этот немец приходил с головой, обмотанной бинтами так, что из-под них торчал лишь седой ус да пара глаз, бросавших пронзительные взгляды. Документы, переданные им за значительную сумму, показывали, что немцы планировали пройти через Бельгию в направлении Льеж, Намюр, Шарлеруа и вторгнуться во Францию по долине Уазы через Гюиз, Нуайон и Компьен. В 1914 году был избран именно этот путь, что стало подтверждением подлинности полученных разведкой документов. Генерал Пандезак, тогда начальник французского генерального штаба, считал, что эта информация «полностью соответствует существующей в немецкой стратегии тенденции, которая утверждает необходимость широкого охвата», но многие его коллеги высказывали сомнения в этом. Они не верили, что немцы способны мобилизовать достаточное количество войск для осуществления столь масштабного маневра, и подозревали, что эти сведения могли быть сфабрикованы, чтобы отвлечь внимание французов от настоящего участка наступления. Французское стратегическое планирование столкнулось с множеством неопределенностей, и одной из неизвестных величин была Бельгия. Для логичного французского ума казалось очевидным, что если немцы нарушат нейтралитет Бельгии и атакуют Антверпена, то в войну на стороне противников Германии вступит Англия. Неужели немцы по своей воле готовы так навредить себе? Напротив, что «куда более вероятно», Германия, оставив Бельгию в покое, обратится к плану старшего Мольтке и сначала нападет на Россию, пока та не успела завершить требующую немало времени мобилизацию.

Пытаясь предусмотреть «Планом-17» ответ на одну из нескольких гипотез о немецкой стратегии, Жоффри и Кастельно пришли к выводу, что наиболее вероятным следует считать вражеское наступление через плато Лотарингии. По их расчетам, немцы займут угол Бельгии к востоку от Мааса. Силы немцев на Западном фронте – без использования частей резервистов на передовой линии – они оценивали в 26 корпусов. По убеждению Кастельно, растянуть такое количество войск до дальнего берега Мааса «невозможно». «Я придерживаюсь того же мнения», – согласился с ним Жоффри.

Жан Жорес, великий социалистический лидер, думал по-другому. Возглавив кампанию против закона о трехлетней воинской службе, он доказывал в своих речах и книге «L'Armée nouvelle» («Новая армия»), что война будущего будет представлять борьбу массовых армий, с призывом на службу всех граждан, к чему и готовятся немцы, и что резервисты от 25 до 33 лет находятся в расцвете сил и будут более стойкими, чем молодые люди, не отягощенные какой-либо ответственностью. Если Франция, утверждал он, не использует резервистов на передовой, ее ожидает жестокая участь быть «поглощенной» врагом.

И помимо сторонников «Плана-17» находились в военных кругах критики, которые выдвигали веские доводы в пользу оборонительной стратегии. Полковник Груар в книге «La Guerre éventuelle» («Будущая война»), опубликованной в 1913 году, писал: «Мы должны прежде всего сосредоточить свое внимание на угрозе наступления немцев через Бельгию. Предвидя, насколько возможно, логические последствия начального этапа нашей кампании, можно не колеблясь утверждать, что если мы сразу же начнем наступление, то потер-

пим поражение». Но если Франция подготовится к отражению наступления правого крыла немецких армий, «все шансы будут в нашу пользу».

В 1913 году Второе бюро собрало достаточно информации об использовании немцами резервистов в качестве солдат действующей армии, и французский генеральный штаб уже не мог игнорировать этот важнейший фактор. В руки французов попали критические заметки Мольтке о маневрах 1913 года, где говорилось о подобном использовании резервистов. Бельгийский военный атташе в Берлине майор Мелотт сообщил о своих наблюдениях, касающихся необычайно большого призыва резервистов в Германии в 1913 году, из чего он заключил, что немцы формируют по одному корпусу резервистов на каждый корпус солдат действующей армии. Однако авторы «Плана-17» не желали менять своих убеждений. Они отвергали доказательства, говорившие о необходимости перехода к оборонительной стратегии, потому что их сердца и надежды, их подготовка и стратегия были неразрывно связаны с наступательной концепцией. Они убеждали сами себя в том, что немцы намереваются использовать части резервистов только для охраны линий коммуникаций и для «пассивных фронтов», а также как осадные и оккупационные войска. Они сами отказались от обороны границы с Бельгией, утверждая, что если немцы растянут войска по всему правому флангу вплоть до Фландрии, то их центр окажется настолько тонок, что французы, по выражению Кастельно, разрежут его пополам. Усиление правого крыла германских армий даст французам преимущество в численности войск в центре и на левом фланге. Смысл этого был заключен в классической фразе де Кастельно: «Тем лучше для нас!»

Когда генерал Леба покидал дом на улице Сен-Доминик, куда явился обсудить решение генштаба об обороне Лилля, то он сказал сопровождавшему его заместителю: «У меня две звезды на рукаве, а у него – три. Как я могу с ним спорить?»

Глава 4 «Один английский солдат...»

Начало разработки Англией и Францией совместных военных планов относится к 1905 году, когда Россия потерпела от японцев поражение, имевшее далеко идущие последствия: оно вскрыло ее слабость в военном отношении и нарушило равновесие сил в Европе. Неожиданно и одновременно правительства всех стран поняли, что, если бы любая из них выбрала этот момент для развязывания войны, то Франции пришлось бы сражаться без союзника. Правительство Германии сразу же решило осуществить пробу сил. Спустя три недели после поражения русских под Мукденом в 1905 году Франции был брошен вызов: 31 марта кайзер сенсационно появился в Танжере. Французам стало совершенно ясно, что Германия пытается нащупать возможность осуществления того самого «Опять» и непременно воспользуется удобным случаем, если не сейчас, то в скором времени. «Как и другие, я приехал в Париж в тот день в девять утра, – писал поэт и издатель Шарль Пеги, склонный к мистицизму социалист, выступающий против своей партии, и католик, критикующий церковь. Он выражал тогда чувства, которые разделяли едва ли не все во Франции. – Как и многие, в одиннадцать тридцать я узнал, что в эти два часа начался новый период в истории моей жизни, в истории моей страны, в истории мира».

Что касается его жизни, то слова Пеги оказались пророческими. В августе 1914 года, в возрасте сорока одного года, он пошел добровольцем на военную службу и был убит в бою под Марной 7 сентября.

В Англии так же остро реагировали на вызов в Танжере. Ее военные институты в то время подвергались коренной перестройке, которой руководил комитет лорда Эшера. В комитет, помимо самого лорда Эшера, входили энергичный первый морской лорд сэр Джон Фишер, сотрясавший флот взрывами своих реформ, и армейский офицер сэр Джордж Кларк, известный своими новаторскими идеями в сфере имперской стратегии. «Триумvirат Эшера» создал Комитет имперской обороны для руководства политикой, касающейся ведения войны, в который Эшер вошел как постоянный член, а Кларк – как секретарь. «Комитет Эшера» даровал армии пока безгрешный генеральный штаб. Как раз в то время, когда кайзер, нервничая, разъезжал по улицам Танжера на чересчур горячем белом коне, генеральный штаб проводил теоретическую военную игру, основанную на предположении, что немцы двинутся через Бельгию широким фланговым маневром севернее и западнее Мааса. Карта маневров заставила начальника отдела военных операций, генерала Грайерсона, и его помощника, генерала Робертсона, прийти к выводу, что будет мало шансов остановить немецкое наступление, если «английские войска не придут на место боев быстро и в достаточном количестве».

В то время англичане рассчитывали на ведение кампании в Бельгии только своими силами. Премьер-министр, консерватор Бальфур, немедленно попросил представить ему доклад о том, насколько быстро удастся отмотилизовать четыре дивизии и высадить их в Бельгии в случае вторжения Германии. В разгар кризиса, когда Грайерсон и Робертсон находились на континенте, изучая местность вдоль франко-прусской границы, правительство Бальфура пало.

Нервы у всех сторон были натянуты до предела: все ожидали, что Германия, возможно, воспользуется катастрофическим поражением России и грядущим летом начнет войну. Никаких планов взаимодействия английских и французских армий еще не существовало. Британия переживала муки предстоящих всеобщих выборов и все министры разъехались по стране для участия в предвыборной кампании, и французы были вынуждены пойти на неофициальные шаги. Французский военный атташе в Лондоне майор Югэ вступил в кон-

такт с активным и деятельным посредником полковником Репингтоном, военным обозревателем газеты «Таймс», который с благословения Эшера и Кларка начал переговоры. В меморандуме, представленном французскому правительству, Репингтон спрашивал: «Можем ли мы принять в качестве основного принципа то, что Франция не пересечет бельгийских границ, если ее не вынудит к этому Германия, первой нарушив нейтралитет Бельгии?»

«Безусловно да», – ответили французы.

«Понимает ли французская сторона, – спрашивал полковник, намереваясь одновременно и предупредить, и подсказать, – что любое нарушение бельгийского нейтралитета означает для нас автоматическое выполнение наших договорных обязательств?» За всю историю ни одно английское правительство не брало на себя обязательств «автоматически» предпринимать какие-либо действия в случае определенных обстоятельств, однако полковник, закусив удила, мчался во весь опор, опережая события.

«Франция всегда рассчитывала на это, – последовал несколько ошеломляющий ответ, – однако мы никогда не получали официальных подтверждений».

Благодаря дальнейшим наводящим вопросам полковник выяснил, что французы с заметным скептицизмом относились к независимым действиям англичан в Бельгии и полагали «совершенно необходимым» объединенное командование: на суше – во главе с Францией, а на море – под руководством Англией.

Тем временем на выборах победили либералы. Традиционно выступая против войны и авантур за границей, они были уверены в том, что добрые намерения могут сохранить мир. Новым министром иностранных дел Великобритании стал сэр Эдвард Грей, переживший смерть своей жены, которая скончалась через месяц после его назначения на пост. Новый военный министр в кабинете, Ричард Холдейн, в прошлом – адвокат-барристер, был приверженцем немецкой философии. Когда военные спросили его на совещании, какую армию он хотел бы создать, Холдейн ответил: «Гегелевскую». «После этого разговор прекратился», – писал он.

Грей, которого французы пытались осторожно прощупать, дал понять, что у него нет намерения «отступить» от гарантий, данных Франции его предшественником. Столкнувшись с серьезным кризисом в первую же неделю своего пребывания на посту, Грей поинтересовался у Холдейна, разработаны ли Англией какие-либо мероприятия на случай выступления вместе с Францией при возникновении чрезвычайных обстоятельств. Холдейн просмотрел все папки, но ничего не обнаружил. Проведенное им расследование показало, что переброска четырех дивизий на континент займет два месяца.

Грей поинтересовался, нельзя ли провести в качестве «военной меры предосторожности» переговоры двух генеральных штабов, не связывая при этом Англию какими-либо обязательствами. Холдейн проконсультировался с премьер-министром сэром Генри Кэмпбеллом-Баннерманом. Несмотря на свою партийную принадлежность, Кэмпбелл-Баннерман лично очень любил все французское и иногда даже отправлялся на пароходе через пролив, чтобы пообедать в Кале. Он дал свое согласие на переговоры между штабами, впрочем, с оговорками и особо упирая на «совместные приготовления». Приближаясь, по мнению премьер-министра, при существующем положении дел «весьма близко к почетному взаимопониманию», страны могли нарушить привлекательную свободу Антанты. Дабы избежать подобных неприятностей, Холдейн устроил так, что для французов было составлено письмо, которое подписали генерал Грайерсон и майор Югэ и которое гласило, что эти переговоры ничем не обязывают Англию. Установив такую безопасную формулу, Холдейн дал санкцию на открытие переговоров. Таким образом, он, Грей и премьер-министр, не поставив в известность прочих членов кабинета, позволили дальнейшим событиям развиваться по воле военных, сочтя переговоры «сугубо ведомственным вопросом».

С этого момента заделом взялись генеральные штабы. Английские офицеры, среди которых был сэр Джон Френч, генерал-кавалерист, прославивший свое имя во время англо-бурской войны, посетили в то лето французские маневры. Грайерсон и Робертсон в сопровождении майора Югэ вновь побывали в пограничных районах. После консультаций с генеральным штабом Франции они, исходя из предположения, что немцы начнут наступление через Бельгию, наметили базы высадки и районы сосредоточения на всем протяжении от Шарлеруа до Намюра и далее до Арденн.

Тем не менее «триумвират Эшера» стал принципиально возражать против использования британской армии как простого придатка французской, и после того, как напряжение Марокканского кризиса ослабло, совместное планирование, начатое в 1905 году, топталось на месте. Генерал Грайерсон был смещен. В соответствии с господствующей тогда точкой зрения, высказанной лордом Эшером, предпочтение отдавалось проведению операции в Бельгии независимо от французского командования, так как удержание Антверпена и прилегающего побережья непосредственно затрагивало интересы Британии. Согласно горячо отстаиваемому мнению лорда Фишера, Англия должна вести главным образом войну на море. Он не скрывал сомнений относительно боевых качеств французов, считая, что немцы разобьют их на суше и что нет смысла отправлять английскую армию на континент, где она лишь разделит участь побежденных. Единственной сухопутной операцией, которую он поддерживал, был стремительный десант в тылу немцев. Он подобрал для него точное место – «десятимильная полоса твердого песка» в Восточной Пруссии, на побережье Балтийского моря. Здесь, всего лишь в девяноста милях от Берлина, в ближайшем к германской столице пункте, достижимом с моря, британские войска, высадившись с кораблей, смогли бы захватить и удерживать плацдарм, то есть «занять делом миллион немцев». Боевые действия армии, помимо удержания плацдарма, должны быть «ограничены сугубо лишь... неожиданными ударами по побережью, овладением Гельгоlanda и гарнизонной службой в Антверпене». По убеждению Фишера, план кампании во Франции был «самоубийственным идиотизмом», а поскольку военное министерство отличалось некомпетентностью в военных вопросах, то армию следовало бы использовать «как придаток военно-морского флота». В 1910 году Фишер, достигший 69 лет, был освобожден от руководства адмиралтейством с одновременным присвоением ему звания пэра, однако на этом его деятельность не закончилась.

После чрезвычайных событий 1905–1906 годов в течение последующих нескольких лет дело составления совместных планов с французами почти не двигалось вперед. За это время два человека, находившиеся на противоположных берегах пролива, подружились, что привело в дальнейшем к «наведению моста» через Ла-Манш.

В то время начальником английского штабного колледжа был бригадный генерал Генри Уилсон – высокий, костлявый и неумолимый англо-ирландец, с лошадиным, как он сам считал, лицом. Быстрого и нетерпеливого, Уилсона отличало постоянное бурление страстей, идей, юмора, воображения, а больше всего избытка энергии. Еще во время службы в военном министерстве он имел привычку в качестве физзарядки бегать по утрам трусцой вокруг Гайд-парка, держа под мышкой утреннюю газету, которую он читал, когда переходил на шаг. Воспитанный целой плеядой французских гувернанток, он свободно говорил по-французски. Куда меньший интерес вызывал у него немецкий язык. В 1909 году Шлиффен опубликовал в «Дейче ревю» неподписанную статью, где он протестовал против изменений, внесенных в его план Мольтке, который сменил Шлиффена на посту начальника генерального штаба. Были раскрыты основные контуры, если не детали, охвата французских и английских армий, тех «колоссальных Канн», что их ждет; личность автора статьи сомнений не вызывала. Когда один слушатель колледжа в Кэмберли обратил внимание Уилсона на статью, тот вернул ее с небрежным замечанием: «Очень интересно».

В декабре 1909 года генералу Уилсону пришло в голову посетить своего коллегу, начальника Высшей военной школы – генерала Фоша. Он побывал на четырех лекциях и семинаре, после чего был вежливо приглашен на чай Фошем – тот хотя и был несколько раздражен посещениями высокопоставленных гостей, но не мог не быть учтивым со своим английским коллегой. Генерал Уилсон, загоревшийся энтузиазмом после всего услышанного и увиденного, беседовал с ним более трех часов. Когда Фош смог, наконец, проводить своего посетителя к двери и, как надеялся, распрощаться, Уилсон с восторгом заявил, что придет на другой день продолжить разговор и просмотреть учебные планы. Фош не мог не прийти в восхищение от подобного *cran* англичанина, и его подкупил неподдельный интерес Уилсона. Во время второго разговора они открыли душу друг другу. Через месяц Уилсон вновь приехал в Париж с целью посещения военной школы. Фош принял его приглашение приехать в Лондон весной, а Уилсон согласился нанести ответный визит французскому генеральному штабу летом.

В Лондоне Уилсон представил Фоша Холдейну и другим руководителям военного министерства. Ворвавшись в комнату одного из своих коллег, Уилсон воскликнул: «Я привел французского генерала! Знакомьтесь, генерал Фош. Запомни мои слова – этот парень будет командовать союзными армиями, когда начнется большая война». Тем самым Уилсон уже имел в виду принцип единого командования и даже подобрал человека для руководства им, хотя для того, чтобы его предсказание сбылось, потребовалось пройти через четыре года войны и оказаться на грани военного поражения.

После 1909 года в результате непрекращающихся визитов оба стали такими закадычными друзьями, что Уилсон стал своим человеком в семье француза и был приглашен на свадьбу дочери Фоша. Вместе со своим душевным другом «Анри» Фош проводил часы «в потрясающей болтовне», как заметил один их знакомый. Прогуливаясь вдвоем, один высокий, а другой маленького роста, они обменивались мыслями, порою ведя жаркие споры. На Уилсона особенно впечатляла та решительность и быстрота, с которой проводились занятия во французской военной школе. Офицеры-преподаватели постоянно подгоняли офицеров-слушателей: «Vite, vite! Быстрее, быстрее!» и «Allez, allez! Живее, живее!» Введенную на занятиях штабного колледжа в Кэмберли, эту методику быстро окрестили уилсоновской операцией «Живей».

Во время своего второго визита в январе 1910 года Уилсон задал Фошу вопрос, ответ на который в одном предложении выразил взгляд французов на всю проблему союза с Англией.

Уилсон спросил:

– Какова наименьшая численность английских войск, которая могла бы оказать вам практическую помощь?

Ответ Фоша сверкнул как сталь папиры:

– Один английский солдат, и мы позаботимся, чтобы он сразу погиб.

Уилсон, однако, хотел, чтобы Англия взяла на себя определенные обязательства. Убежденный, что война с Германией неизбежна, он внушал своим коллегам и ученикам мысль о необходимости срочных мер и сам полностью отдался осуществлению этой идеи. Удобный случай представился в августе 1910 года. Уилсон был назначен начальником оперативного управления – пост, на котором генерал Грайерсон начал с французами переговоры на уровне штабов. Когда майор Югэ явился с визитом к Уилсону и посетовал на отсутствие с 1906 года прогресса в столь важном вопросе англо-французского сотрудничества, то услышал в ответ: «Важный вопрос! Это вопрос жизни и смерти! Важнее быть не может!»

Совместное планирование, получив новый импульс, было немедленно возобновлено. Уилсон не видел ничего, кроме Франции и Бельгии, и не бывал нигде, кроме этих двух стран. Во время своей первой поездки на континент в 1909 году, передвигаясь на поезде и на велосипеде, он в течение 10 дней осмотрел франко-бельгийскую и франко-германскую границу

от Валансьенна до Бельфора. Он пришел к выводу, что «оценка германского наступления через Бельгию, данная Фошем, совпадает с моей, и что важнейшая линия будет проходить между Верденом и Намюром», другими словами, восточнее Мааса. В течение последующих четырех лет Уилсон ежегодно совершал по три-четыре поездки на велосипеде или на автомобиле по местам боев 1870 года или по предполагаемым в будущем районам сражений в Лотарингии и Арденнах. Во время каждого визита он консультировался с Фошем, а после ухода Фоша – с Жоффром, Кастельно, Дюбаем и другими представителями французского генерального штаба.

В кабинете Уилсона в военном министерстве всю стену занимала карта Бельгии. Те дороги, по которым, как он считал, двинутся немецкие войска, были обведены жирной черной линией. Придя в военное министерство, Уилсон обнаружил, что благодаря новым порядкам, введенным Холдейном, которого прозвали «Шопенгауэром от генералов», регулярная армия была тщательно обучена, подготовлена и реорганизована для того, чтобы в любой момент могла выполнить роль экспедиционного корпуса. Одновременно были осуществлены все мероприятия для доведения ее численности в случае мобилизации до уровня военного времени. Однако в том, что касалось ее транспортировки через пролив Ла-Манш, размещения, обеспечения продовольствием, выдвижения в районы сосредоточения на территории Франции, а также взаимодействия с французской армией, никаких планов не существовало.

Летаргия, существовавшая в штабе в отношении этих проблем, вызывала у Уилсона периодические приступы бешенства, о чем свидетельствует дневник: «...Зол страшно... нет планов железнодорожных перевозок... нет планов пополнения конного состава... положение дел скандальное!.., нет планов доставки войск в порты, нет планов использования портов, не спланирована переброска морем... абсолютно никаких медицинских приготовлений... затруднения с конным транспортом не преодолены... практически ничего нет, скандально!.. Ужасная неподготовленность... вопрос с лошадьми в позорнейшем состоянии!» И все же к марту 1911 года, несмотря на отсутствие и планов, и мероприятий, и лошадей, ему удалось составить график мобилизации, по которому «все 6 пехотных дивизий грузятся на транспорты на 4-й день, кавалерия – на 7-й день, артиллерия – на 9-й день».

Все это оказалось очень своевременным. 1 июля 1911 года «Пантера» подошла к Агадиру. Во всех правительственных кругах Европы витало одно слово: «Война». Уилсон спешно прибыл в Париж как раз тогда, когда Военный совет Франции, выведя из своего состава генерала Мишеля, полностью отказался от оборонительной стратегии. Вместе с генералом Дюбаем он составил меморандум, предусматривавший в случае вмешательства Англии высадку экспедиционного корпуса из шести пехотных и одной кавалерийской дивизии. В документе, подписанном Уилсоном и Дюбаем 20 июля, указывалась общая численность войск – 150 тысяч человек и 67 тысяч лошадей, которых надлежало доставить в Гавр, Булонь и речной порт Руан между 4-м и 12-м днем мобилизации. Из этих пунктов войска требовалось перебросить по железной дороге в район сосредоточения у Мобежа; достижение полной боеготовности намечалось на 13-й день мобилизации.

В действительности же соглашение между Дюбаем и Уилсоном привязывало, в случае начала войны и вступления в нее Англии, британскую армию к французской, причем она должна была продолжить французскую линию обороны и прикрыть левый фланг от охвата. Оно означало, как с радостью писал майор Югэ, что французы убедили Уилсона и английский генеральный штаб не открывать «еще одного театра военных действий» и согласиться на совместные операции «на главном, то есть французском фронте». Практически этому способствовали не только действия французов, но и позиция, занятая командованием английского флота, которое отказалось гарантировать безопасность выгрузки войск в портах, расположенных выше линии Дувр – Кале, что, в свою очередь, исключало высадку поблизости или на территории самой Бельгии.

Как писал в своем дневнике Уилсон, после возвращения в Лондон он столкнулся с главным вопросом дня – начнет ли Германия войну «против французов и нас». После консультаций с Греем и Холдейном за завтраком он выступил с четкой программой из трех пунктов. «Первое: мы *должны* объединиться с французами. Второе: мы *должны* провести мобилизацию в тот же день, что и Франция. Третье: мы *должны* отправить все шесть дивизий».

Уилсон чувствовал «глубокое неудовлетворение» по поводу оценки ситуации двумя штатскими министрами, но ему сразу же представился еще один удобный случай дать правительству урок в военных делах. 23 августа премьер-министр Асквит (преемник Кэмпбелла-Баннермана с 1908 года) созвал особое секретное совещание Комитета имперской обороны с целью определить стратегию Британии в случае войны. На заседании, продолжавшемся весь день, с разъяснением точки зрения армии утром выступил генерал Уилсон, а днем слово взял адмирал сэр Артур Уилсон, преемник Фишера, рассказавший о стратегии флота. Помимо Асквита, Грея и Холдейна, присутствовали еще три члена кабинета: министр финансов Ллойд Джордж, первый лорд адмиралтейства Маккена и министр внутренних дел, молодой человек тридцати семи лет, игнорировать которого не было никакой возможности и который, занимая не совсем соответствующий для этого пост, во время кризиса засыпал премьер-министра идеями по вопросам военной и военно-морской стратегии. Его здравые и полезные замечания явились необычайно точным прогнозом хода будущих боев. Этот человек не имел также никаких сомнений относительно того, что нужно делать. Министром внутренних дел был Уинстон Черчилль.

Уилсон, которому, по его выражению, противостояла эта группа «невежд», явившийся на заседание в сопровождении своего коллеги-генерала, а в будущем – начальника, сэра Джона Френча, «ничего не знавшего по данному вопросу», прикрепил к стене свою большую карту Бельгии и выступил с лекцией, продолжавшейся около двух часов. Он развеял множество иллюзий, объяснив, что Германия, рассчитывая на медленную мобилизацию России, направит основную часть своих сил против французов, используя преимущество в живой силе. Он правильно раскрыл сущность немецкого плана охвата правым крылом, но, воспитанный на французских теориях, оценил силы противника, которые будут двинуты западнее Мааса, не более как в четыре дивизии. Он утверждал, что если все шесть английских дивизий будут отправлены на фронт сразу же с началом войны и с задачей занять позиции на самом левом участке французской линии, то шансы остановить немцев будут благоприятными.

Когда днем пришел черед адмирала, то штатские были поражены, узнав, что план флота не имеет ничего общего с предложениями армии. Флот намеревался высадить экспедиционные войска не во Франции, а на «десятимильной полосе твердого песка» у северных берегов Восточной Пруссии, где десант оттянул бы «более чем значительное количество войск» из германских передовых эшелонов. Генералы сразу же бросились в бой против адмиральских доводов. Отсутствие лорда Фишера привело к тому, что Асквит в замешательстве отклонил этот план, и армия праздновала победу. Впоследствии презрительные замечания в ее адрес еще не раз срывались с уст Фишера. «Подавляющее превосходство британского флота... – единственное средство, чтобы удержать немцев от захвата Парижа, – писал он своему другу спустя несколько месяцев. – Наши вояки глупо смешны в своих абсурдных идеях войны, но, к счастью, они бессильны. Мы должны захватить именно Антверпен, а не валять дурака на границе в Вогезах». Определенная логика в идее захвата Антверпена продолжала влиять на английское стратегическое мышление вплоть до последних минут в 1914 году и даже позднее.

Это заседание в августе 1911 года, как и состоявшееся несколькими неделями ранее совещание французского Военного совета, отказавшегося от услуг генерала Мишеля, оказало решающее воздействие на направление английской военной стратегии и имело далеко

идушие побочные последствия. Специальным решением в руководстве флота была произведена перетряска, и первым лордом адмиралтейства стал, к счастью, энергичный министр внутренних дел, на новом посту оказавшийся в 1914 году незаменимым человеком.

Отзвуки секретного совещания Комитета имперской обороны вызвали гнев тех членов кабинета, которые на него не были приглашены или принадлежали к строго пацифистскому крылу партии. Генри Уилсон узнал, что его считали главным злодеем, замыслившим это совещание, и что даже раздавались голоса, «требовавшие моей головы». С того момента в кабинете начался раскол, достигший апогея в решающие дни кризиса. Правительство придерживалось лицемерной позиции, сводившейся к тому, что «беседы» военных были, по словам Холдейна, «всего лишь естественным и неофициальным результатом нашей дружбы с французами». Возможно, они были естественным результатом, но переговоры не могли быть неофициальными. Лорд Эшер с определенным реализмом указал премьер-министру, что планы, совместно разработанные генеральными штабами, «определенно связали нас обязательством сражаться, хочет того кабинет или нет».

Нигде не зафиксировано, как ответил на этот злободневный вопрос Асквит или что он вообще думал по этому поводу, тем более что о его сокровенных мыслях редко удавалось узнать даже при самых благоприятных обстоятельствах.

В следующем, 1912 году с Францией было достигнуто морское соглашение. Оно явилось результатом одной важной миссии – не в Париж, а в Берлин. Чтобы убедить немцев не принимать нового закона о военно-морском флоте, предусматривавшего его увеличение, на переговоры с кайзером, Бетман-Гольвегом, адмиралом Тирпицем и другими германскими лидерами отправили Холдейна. Это была последняя попытка добиться англо-германского взаимопонимания, но она провалилась. В качестве компенсации за сохранение своего флота на более низком уровне, чем английский, немцы требовали от Англии обещания придерживаться нейтралитета в случае войны между Германией и Францией, на что английская сторона ответила отказом. Холдейн вернулся с убеждением, что стремлению Германии к гегемонии в Европе рано или поздно придется дать отпор: «Познакомившись с германским генеральным штабом, я понял, что, как только немецкая военная партия прочно сядет в седло, война будет вестись с целью не просто нанести поражение Франции или России, а ради достижения мирового господства». Сделанный Холдейном вывод сильно повлиял на мышление либералов и их планы. Его первым результатом стало заключение морского пакта с Францией, в соответствии с которым англичане в случае военной угрозы обязались защищать пролив Ла-Манш и побережье Франции от нападения врага, тем самым давая французскому флоту возможность сосредоточиться в Средиземноморье.

Хотя условия соглашения не были известны кабинету в целом, его члены испытывали беспокойство, опасаясь, не зашло ли все слишком далеко. Не удовлетворяясь устной формулой «никаких обязательств», антивоенная группа настаивала, чтобы она была зафиксирована документально. Сэр Эдвард Грей был вынужден направить французскому послу Камбону письмо. Составленное и одобренное кабинетом, оно являло собой образчик изворотливости. Переговоры между военными, говорилось в нем, оставляют в будущем обе стороны свободными при решении вопроса, «оказывать или нет взаимную помощь вооруженными силами». Морское соглашение «не было основано на обязательстве сотрудничать в войне». При военной угрозе обе стороны «примут во внимание» планы своих генеральных штабов и «затем решат, какое значение им придать».

Этот любопытный документ удовлетворял всех: французов, потому что теперь весь английский кабинет официально признал существование совместных планов, антивоенную группу, поскольку в нем было указано, что Англия «не связана обязательствами», и самого Грея, который был доволен тем, что ему удалось разработать формулу, спасшую его планы и

успокоившую его противников. Добиваться заключения определенного союза, на чем настаивали в некоторых кругах, означало бы, по его словам, «вызвать раскол в кабинете».

После Агадира, по мере того как каждый год приносил новый кризис, а тучи на горизонте сгущались, предвещая приближавшуюся бурю, совместная работа генеральных штабов стала вестись более интенсивно. Поездки сэра Генри Уилсона за границу участились. Он находил, что новый начальник французского генерального штаба генерал Жоффр был «отличным, мужественным, спокойным офицером с сильным характером и большой решимостью», а Кастельно – «очень умным и эрудированным». Он продолжал осматривать бельгийскую границу, разъезжая на велосипеде по окрестным дорогам, и постоянно возвращался к излюбленному им месту боев 1870 года у Марсла-Тур около Меца, где всякий раз при виде скульптуры «Франция», воздвигнутой в память этих событий, его охватывало чувство боли. После одной такой поездки Уилсон записал: «Я положил к ногам статуи кусочек бывшей при мне карты, на которой были отмечены районы концентрации британских сил на территории нашего союзника».

В 1912 году он изучил вновь построенные германские железнодорожные линии, сходящиеся к бельгийской границе в Ахене. В феврале того года разработка совместных англо-французских планов достигла такой стадии, что генерал Жоффр уже смог сообщить Высшему военному совету о своих расчетах на «английские шесть пехотных и одну кавалерийскую дивизию, а также две конные бригады, общей численностью 145 000 человек». L'Armée «W», «Армия дубль вэ» – так в знак уважения к Уилсону французы обозначили английские войска – должна была высадиться в Булоне, Гавре и Руане, сконцентрироваться в районе Ирсон – Мобеж и достигнуть полной боеготовности на 15-й день мобилизации. Позднее, в 1912 году, Уилсон присутствовал на осенних маневрах совместно с Жоффром, Кастельно и русским великим князем Николаем, после чего отправился в Россию для переговоров с российским генеральным штабом. В 1913 году он каждый месяц посещал Париж для совещаний с представителями французского генерального штаба. Он также наблюдал за маневрами XX корпуса Фоша, охранявшего границу.

Пока Уилсон укреплял и совершенствовал связи с французами, новый начальник британского имперского генерального штаба сэра Джон Френч попытался в 1912 году возродить идею о независимых военных действиях на территории Бельгии. Осторожное зондирование, проведенное английским военным атташе в Брюсселе, положило конец этим надеждам. Как выяснилось, бельгийцы упрямо придерживались принципа строгого соблюдения своего нейтралитета. Когда английский военный атташе поставил вопрос о возможности совместных мероприятий для обеспечения высадки английских войск при условии, что Германия первой нарушит нейтралитет Бельгии, ему было сказано, что Англии придется подождать, пока к ней не обратятся с просьбой об оказании военной помощи. Британский посланник, наводивший справки по своим каналам, был проинформирован, что если английские войска высадятся до вторжения Германии или без официальной просьбы о помощи со стороны Бельгии, то бельгийские войска получают приказ открыть огонь.

Решимость бельгийцев строго соблюдать нейтралитет подтвердила ту мысль, которую Англия неустанно внушала французам: все будет зависеть от того, нарушит ли Германия первой нейтралитет этой страны. Лорд Эшер предупреждал майора Югэ в 1911 году: «Никогда, ни под каким предлогом, не допускайте того, чтобы французскому военному руководству пришлось первым пересечь границы Бельгии!» Если они так поступят, Англия уже не сможет выступить на их стороне; если же это сделают немцы, то британские войска начнут военные действия против них. Камбон, французский посол в Лондоне, выразил это условие по-другому. В своих депешах он не раз повторял, что только в случае нападения Германии на Бельгию Франция сможет рассчитывать на поддержку Англии.

Весной 1914 года совместная работа французского и английского генеральных штабов закончилась. Были составлены настолько тщательно разработанные планы, что пункты расквартирования были намечены для каждого батальона, вплоть до указания мест, где солдаты будут пить кофе. Количество выделяемых французской стороной железнодорожных вагонов, прикомандирование переводчиков, подготовка шифров и кодов, снабжение лошадей фуражом – все эти вопросы были либо решены, либо, как полагали, должны быть урегулированы к июлю. Сам факт того, что Уилсон и его офицеры находились в тесном контакте с французами, тщательно скрывался. Вся работа по «Плану W», как называлась обоими штабами переброска британского экспедиционного корпуса, осуществлялась в строжайшей тайне и была поручена всего лишь полудюжине офицеров, которые сами печатали на пишущих машинках документы, подшивали дела и выполняли другие канцелярские обязанности. Пока военные готовили будущие сражения, английские политические деятели, натянув на голову одеяло под лозунгом «Никаких обязательств», решительно отказывались вникать в их дела.

Глава 5 Русский «Паровой каток»

Русский колосс оказывал на Европу колдовское воздействие. На шахматной доске военного планирования огромные размеры и людские резервы России приобретали самый большой вес. Несмотря на ее неудачные действия в войне с Японией, мысли о русском «паровом катке» утешали и ободряли Францию и Англию, а маячившая за спиной у Германии славянская угроза не давала немцам покоя.

Пусть изъяны русской армии были хорошо известны, пусть не русская армия, а русская зима заставила Наполеона уйти из Москвы, пусть русские войска и испытали поражение на своей земле от французов и англичан в Крымскую войну, пусть турки в 1877 году победили под Плевной и лишь впоследствии уступили перед лицом численного превосходящего противника, хотя японцы взяли над русскими верх в Маньчжурии, миф о непобедимости русской армии по-прежнему имел широчайшее распространение. Образ несущейся с воплями и гиканьем казачьей лавы настолько глубоко запечатлелся в умах европейцев, что многие газетные художники рисовали ее, причем в подробнейших деталях, находясь за тысячу миль от русского фронта. Казаки и неутомимые миллионы упорных, терпеливых и готовых сражаться насмерть русских *мужиков* формировали стереотип русской армии. А ее численность внушала ужас: 1 423 000 человек в мирное время, еще 3 115 000 готовых встать в строй при мобилизации составляли вместе с 2 000 000 территориальных войск и рекрутов цифру в 6 500 000 человек.

Русская армия представлялась гигантской массой, пребывающей в летаргическом сне, но, пробужденная и пришедшая в движение, она грозила неудержимо покатиться вперед, волна за волной, невзирая на потери, заполняя ряды павших новыми силами. Считалось, что усилия, предпринятые после войны с Японией, для избавления армии от некомпетентности и коррупции привели к определенному улучшению положения. Среди французских политиков «каждый находился под огромным впечатлением от растущей силы России, ее огромных ресурсов, потенциальной мощи и богатства», как писал в апреле 1914 года сэр Эдуард Грей, который вел в Париже переговоры о заключении морского соглашения с Россией. Он и сам придерживался тех же взглядов. «Русские ресурсы настолько велики, – заметил он как-то президенту Пуанкаре, – что Германия в конечном итоге будет истощена даже без нашей помощи России».

Для французов успех «Плана-17» – неудержимый марш к Рейну – призван был стать демонстрацией силы нации и одним из величайших моментов в истории Европы. Чтобы обеспечить прорыв в центре, Франция нуждалась в помощи России, которая должна была оттянуть на себя часть противостоящих французам германских сил. Проблема состояла в том, чтобы заставить русских начать наступление на Германию с тыла одновременно с началом французами и англичанами военных действий на Западном фронте, то есть как можно ближе к 15-му дню мобилизации. Французам, как и всем прочим в Европе, было известно, что к этому сроку закончить мобилизацию и концентрацию своих войск Россия физически не в состоянии, но для них было важно, чтобы русские начали наступление теми силами, которые окажутся у них в готовности на тот момент. Западные союзники были полны решимости принудить Германию с самого начала вести войну на два фронта, стремясь сократить численное превосходство немцев по отношению к своим армиям.

В 1911 году генерал Дюбай, занимавший тогда пост начальника штаба военного министерства, был направлен в Россию с задачей внушить русскому генеральному штабу идею о необходимости захвата инициативы. Хотя большая часть русских войск должна была выступить против Австро-Венгрии и к действиям на германском фронте к 15-му дню мобилизации

могла быть готова лишь половина предназначенных для этого русских частей, настроение в Петербурге было боевое и приподнятое. Озабоченные тем, чтобы вновь придать блеск славы своему потускневшему оружию и оставляя детальное планирование на свое усмотрение, русские согласились – причем больше под влиянием чувства воинской доблести, чем из благоразумия, – начать наступление одновременно с Францией. Дюбай заручился обещанием, что русские, после того, как их передовые части займут исходные рубежи, они, не дожидаясь завершения сосредоточения своих дивизий, нанесут удар через границы Восточной Пруссии на 16-й день мобилизации. «Мы должны ударить в самое сердце Германии, – провозглашал царь в подписанном соглашении. – Целью обеих наших сторон должен быть Берлин».

Договоренность о немедленном русском наступлении была не раз подтверждена и детализирована на ежегодных штабных совещаниях, которые являлись характерной чертой франко-русского союза. В 1912 году в Париж побывал глава русского генерального штаба генерал Жилинский, а в 1913 году в Россию отправился генерал Жоффри. К тому времени русские военные круги не устояли перед манящим представлением об *élan* — наступательном «порыве». После Маньчжурии им также требовалось чем-то компенсировать унижающее военное поражение и позорные недостатки своей армии. Огромным успехом пользовались переведенные на русский язык лекции полковника Гран-мезона. Слепленный блестящей доктриной *offensive à outrance* – «наступления до последнего», – генеральный штаб России пошел еще дальше. Генерал Жилинский обязался в 1912 году привести в боевую готовность все войска, предназначенные для германского фронта, общей численностью в 800 000 человек на 15-й день мобилизации, хотя для выполнения такой задачи русские железные дороги были явно не приспособлены. В 1913 году он перенес дату наступления на два дня вперед, несмотря на то, что военные заводы страны производили не более двух третей требуемого количества артиллерийских снарядов и менее половины винтовочных патронов.

Сами союзники не выказывали серьезной озабоченности по отношению к порокам русской военной системы, хотя Иэн Гамильтон, английский военный наблюдатель при японской армии, нелестно сообщал о них в своих докладах из Маньчжурии. Главными недостатками русской армии были плохая разведка, пренебрежение маскировкой и режимом секретности, отсутствие скрытности и быстроты действий и неповоротливость частей, безынициативность и неумелое руководство войсками. Полковник Репингтон, еженедельно комментировавший на страницах «Таймс» события русско-японской войны, пришел к выводам, которые побудили его посвятить книгу, составленную из его избранных газетных выступлений, императору Японии. Тем не менее генеральные штабы были убеждены, что самое главное – это привести в движение русского великана, независимо от того, какими будут его действия. Задача сама по себе была довольно трудной. В ходе мобилизации русского солдата надо было перебросить в среднем за 700 миль, что в четыре раза больше, чем в среднем для германского солдата, к тому же в России на каждый квадратный километр приходилось железных дорог в 10 раз меньше, чем в Германии. С целью воспрепятствовать вражескому вторжению ширина русской железнодорожной колеи намеренно была сделана шире, чем у немцев. Значительные французские ассигнования на железнодорожное строительство еще не дали результатов. Было очевидно, что по темпам мобилизации Россия никак не могла сравниться с Германией; но если из 800 000 солдат, обещанных русскими для германского фронта, хотя бы половина успела занять исходные позиции для начала наступления в Восточной Пруссии к 15-му дню мобилизации, то, несмотря на все недостатки русской военной машины, их вторжение на германскую территорию произвело бы, как полагали, огромный эффект.

В современных условиях отправка войск для участия в сражениях на вражеской территории, особенно учитывая неудобства, связанные с разными системами железных дорог, является весьма рискованным и сложным предприятием, требующим колоссальных органи-

зационных усилий. Систематическое же внимание к деталям не было отличительной чертой русской армии.

Офицерский корпус страдал от переизбытка престарелых генералов, для которых верхов интеллектуальных усилий была разве что карточная игра, но которые, ради сохранения придворных привилегий и престижа, продолжали числиться на действительной службе. Назначения офицеров и их повышение происходили главным образом благодаря покровительству, связям в обществе или в деловом мире, и, несмотря на то, что среди них было немало смелых и способных воинов, сама система не давала возможности лучшим из них попасть наверх. «Леность и отсутствие интереса к физическим упражнениям» неприятно поразила английского военного атташе, который во время посещения отдаленного гарнизона на афганской границе не увидел «ни одного теннисного корта». В результате осуществленной после японской войны чистки, связанной с мерами по укреплению руководства армией, большое число офицеров было отправлено в отставку или уволено со службы. За один год не справляющимися со своими обязанностями были признаны и получили отставку 341 генерал – почти столько же, сколько было во всей французской армии, – и 400 полковников. Несмотря на улучшения в денежном обеспечении и системе продвижения по службе, в 1913 году армии не хватало 3000 офицеров. После русско-японской войны много было сделано для избавления от гнили в войсках, но сущность русского режима оставалась прежней.

«Этот психически ненормальный режим, – как называл его граф Витте, самый ревностный его защитник, занимавший пост премьера в период 1903–1906 годов, – есть переплетение трусости, слепоты, лукавства и глупости». Во главе его стоял монарх, руководствовавшийся одной-единственной идеей государственного правления – сохранение в неприкосновенности абсолютной монархии, завещанной ему отцом. Не обладавший для решения этой задачи ни умственными способностями, ни энергией и не подготовленный к ней, он находил утешение в личных фаворитах, предавался капризам и чудачествам – обычным развлечениям пустоголового самодержца. Отец его, Александр III, который из определенных соображений не хотел посвящать сына в премудрости правления страной до достижения тем тридцати лет, к несчастью, допустил просчет в расчете продолжительности своей жизни и умер, когда наследнику было двадцать шесть лет. За прошедшие годы царь Николай II, теперь достигший 46-летнего возраста, так ничему и не научился, а то впечатлительное спокойствие, которое он производил, в действительности было апатией – безразличием ума, ничем не выдающегося и столь неглубокого, что его можно было сравнить с ровной плоскостью. Когда ему принесли телеграмму с сообщением о разгроме русского флота под Цусимой, царь, прочитав ее, положил в карман и отправился продолжать партию в теннис. Премьер Коковцев, возвратившись из Берлина в ноябре 1913 года, лично представил царю доклад о приготовлениях Германии к войне. Николай II слушал, смотря на него, как обычно, внимательно и не мигая – «прямо мне в глаза». После длительной паузы, наступившей после окончания доклада, он, «как будто пробудившись от сна», мрачно сказал: «Да будет на то воля Божья». На самом же деле, как решил Коковцев, царю было просто скучно.

Основание режима покоилось на муравьиной куче тайной полиции, проникшей в каждое министерство, управление и провинциальный департамент в такой степени, что даже сам граф Витте, опасаясь за свои записки и заметки, которые он в дальнейшем хотел использовать для написания мемуаров, был вынужден каждый год помещать их в банковский сейф во Франции. Когда другой премьер, Столыпин, был убит в 1911 году, то преступники, как выяснилось, являлись агентами тайной полиции, *провокаторами*, пытавшимися дискредитировать революционеров.

Промежуточное положение между царем и тайной полицией занимали *чиновники* – главная опора режима. Это был класс бюрократов и официальных должностных лиц, происходивших из дворянства и выполнявших основную работу по управлению государством.

Никакому конституционному органу они не подчинялись, и лишь царь мог отправить их в отставку, что он и делал, будучи всецело под влиянием дворцовых интриг и своей жены, отличавшейся крайней подозрительностью. В подобных условиях способные люди недолго задерживались на важных постах. Частые уходы в отставку «по причине слабого здоровья» породили в чиновной среде поговорку: «В наши дни у всех плохое здоровье».

Постоянно кипевшая недовольством Россия при правлении Николая II страдала от стихийных бедствий, массовых убийств, военных поражений и мятежей. Кульминационным пунктом всего этого стала революция 1905 года. Когда в то время граф Витте посоветовал царю либо даровать конституцию, которой требовал народ, либо восстановить порядок с помощью военной диктатуры, Николай II скрепя сердце вынужден был согласиться с первым предложением, потому что двоюродный дядя царя, великий князь Николай Николаевич, командовавший Петербургским военным округом, отказался взять на себя ответственность за выполнение второго. Этого бездействия великому князю Николаю Николаевичу не простили ни ярые монархисты, ни симпатизировавшие Германии прибалтийские бароны немецкого происхождения, ни черносотенцы – «эти правые анархисты», – ни другие реакционные группы, составлявшие оплот самодержавия. Они, как и многие немцы, в том числе и сам кайзер, считали, что общие интересы двух самодержцев, в прошлом входивших в *Drei-Kaiser Bund*, Союз трех императоров, делают Германию более подходящим союзником России, чем демократические страны Запада. Реакционеры в России, считая своими главными врагами русских либералов, предпочитали кайзера Думе, так же как спустя много лет французские правые предпочли Гитлера Леону Блюму. Лишь возросшая за минувшие двадцать лет угроза со стороны самой Германии побудила царскую Россию отказаться от естественного намерения объединиться с этой страной и вступить в союз с республиканской Францией. В довершение всего германская угроза сблизила Россию и Англию, которая в течение столетия не допускала русских к Константинополю и о которой дядя царя, великий князь Владимир Александрович, в 1899 году сказал: «Надеюсь дожить до того дня, когда раздастся предсмертный хрип Англии. Каждодневно возношу Господу свои горячие мольбы об этом!»

Приверженцы Владимира держали в своих руках двор, переживавший век Нерона, и дам из высшего общества бросали в трепет спиритические сеансы с немытым Распутиным. Но у России были и свои демократы, и либералы в Думе, были нигилисты в лице Бакунина, был и ставший анархистом князь Кропоткин. Была у России и так называемая «интеллигенция», о которой царь отозвался так: «Как мне отвратительно это слово! Мне следовало бы приказать Академии наук вычеркнуть его из русского словаря». У России были свои Левины, которые мучительно размышляли о душе, социализме и земле, свои дяди Вани без надежда, было то особое качество, заставившее одного английского дипломата прийти к выводу, что «в России все немного сумасшедшие» – качество, называемое «*le charme slav*», «славянское очарование»: полунебрежность, полубездеятельность, нечто вроде беспомощности «конца века», туманом повисшей над городом на Неве, известным в мире как Санкт-Петербург, но который на самом деле был «Вишневым садом» – чего никто не знал.

Что касается подготовки к войне, то в данном отношении режим олицетворял военный министр генерал Сухомлинов – ленивый и изворотливый толстяк шестидесяти лет, большой любитель удовольствий. Его коллега, министр иностранных дел Сазонов, сказал следующее: «Его трудно заставить работать, но узнать у него правду – совершенно непосильная задача». В 1877 году во время войны с турками Сухомлинов, бойкий кавалерийский офицер, удостоился награждения орденом Св. Георгия 4-й степени, и впоследствии он полагал, что багажа военных знаний, приобретенного во время этой кампании, ему вполне достаточно. Как военный министр, он отчитывал преподавателей Академии Генерального штаба за проявление интереса к таким «новшествам», как фактор преимущественной огневой мощи в противорес штыковой атаке, сабле и пике. Он говорил, что не может слышать фразу «современная

война» без чувства раздражения. «Какой война была, такой и осталась... все это зловредные новшества. Взять меня, к примеру: за последние четверть века я не прочел ни одного военного учебника». В 1913 году он уволил пять преподавателей, которые распространяли порочную ересь «огневой тактики».

Природный ум Сухомлинова сочетался со склонностью к интригам и махинациям. Низкорослый и обходительный, с лицом, как у кота, с аккуратными белыми усами и бородой, он обладал располагающей, почти кошачьей манерой завлекать таких людей, как царь, которым он стремился понравиться. Другие, как, например, французский посол Палеолог, испытывали к нему «недоверие с первого взгляда». Учитывая, что назначение или смещение тех или иных людей на важные министерские посты целиком зависело от прихоти царя, Сухомлинов завоевал благосклонность Николая II и в дальнейшем не терял ее, стараясь всегда быть подобоострастным и занимательным, рассказывая анекдоты и разыгрывая всяческие забавные буффонады; говорить о серьезных и неприятных делах он избегал и старательно способствовал возвеличиванию «друга» Распутина. В результате военному министру сошли с рук обвинения в казнокрадстве и некомпетентности, ему простили шумный скандал с разводом будущей жены и даже еще более грандиозный скандал, связанный с делом о шпионаже.

В 1906 году, влюбившись в двадцатитрехлетнюю жену провинциального помещика, Сухомлинов ухитрился избавиться от ее мужа в результате бракоразводного процесса, основанного на сфабрикованных свидетельствах, а затем женился на ней, сам вступив в брак в четвертый раз. Ленивый по природе, военный министр все больше и больше перекладывал работу на плечи подчиненных, сберегая, по словам французского посла, «все свои силы для супружеских утех... с довольно красивой женой, которая на тридцать два года моложе его». Молодая жена с удовольствием заказывала наряды в Париже, обедала в дорогих ресторанах и устраивала большие приемы. Для покрытия ее непомерных расходов Сухомлинов в скором времени успешно наловчился использовать подотчетные ему суммы. Он вписывал в документы командировочные, составленные из расчета поездок со скоростью в 24 лошадиные версты в день, а в действительности совершал инспекционные поездки по железной дороге. За шесть лет, благодаря знанию тайных пружин фондовой биржи, ему удалось положить на свой счет в банке 702 737 рублей. За тот же период общая сумма полученного им жалованья составила 270 000 рублей. Столь счастливому для Сухомлинова состоянию личных финансов способствовали окружавшие военного министра его люди, которые ссужали ему деньги за военные пропуска, приглашения на маневры и предоставление иной информации. Один из них, австриец по фамилии Альтшиллер, обеспечивший фиктивные свидетельства для бракоразводного процесса Сухомлиновой, принимался как близкий друг в доме министра, а также в кабинете, где повсюду лежали без присмотра различные военные документы. В 1914 году после отъезда Альтшиллера выяснилось, что он был главным резидентом австрийской разведки в России. Еще более нашумевшим стало дело полковника Мясоедова, по мнению некоторых – любовника Сухомлиновой. Он являлся начальником железнодорожной полиции в пограничной зоне, однако был награжден кайзером пятью орденами и удостоен чести быть личным гостем германского монарха на завтраке в Роминтене, где неподалеку от границы находился охотничий домик императора. Неудивительно, что полковник Мясоедов был заподозрен в шпионаже. В 1912 году его арестовали и отдали под суд, однако после вмешательства Сухомлинова он был оправдан и смог в дальнейшем продолжать выполнять прежние обязанности в течение всего первого года войны. В 1915 году, когда его защитник лишился министерского поста в результате понесенных Россией поражений, Мясоедов был вновь арестован, осужден и повешен как шпион.

Карьера Сухомлинова после 1914 года ознаменовалась весьма примечательными событиями. Как и Мясоедову, ему грозило судебное преследование, избежать которого удалось

лишь благодаря личному вмешательству царя и царицы, но в августе 1917 года, когда после отречения царя Временное правительство уже балансировало на грани падения, он тоже был отдан под суд. В то бурное и суматошное время его судили скорее не за измену, в которой формально обвиняли, а за все грехи прежнего режима. В заявлении обвинителя все эти прегрешения сводились к главному: русский народ, вынужденный воевать без пушек и боеприпасов, утратил веру в правительство, и это неверие распространилось, точно чума, с «чудовищными последствиями». Целый месяц свидетели давали показания, в подробностях расписывающие финансовые и амурные делишки бывшего военного министра, но в конце концов обвинения в измене с Сухомлинова были сняты, но он был признан виновным в «злоупотреблении властью и бездействии». Приговоренный к пожизненным каторжным работам, Сухомлинов через несколько месяцев был освобожден большевиками и выехал в Берлин, где и прожил до самой смерти в 1926 году. Там же, в Берлине, в 1924 году он опубликовал свои мемуары, посвятив их низложенному кайзеру. В предисловии Сухомлинов разъяснял, что русская и германская монархии уничтожали в войне друг друга как врагов и только взаимное сближение двух стран способно возродить их могущество. Эта идея произвела на изгнанника-Гогенцоллерна такое впечатление, что в собственные мемуары он вписал посвящение Сухомлинову, опущенное, однако, в печатной версии – по-видимому, автора убедили снять его при публикации.

Таков был человек, занимавший пост военного министра России с 1908 до 1914 года. Будучи проводником идей реакционеров и пользуясь их поддержкой, подготовку к войне с Германией, что было главной задачей возглавляемого им министерства, он осуществлял, образно выражаясь, спуская рукава. Дальнейшее проведение реформы армии, начатой после позора русско-японской войны, он прекратил немедленно. Генеральный штаб, получивший статус независимого учреждения с целью совершенствования современной военной науки, снова стал подчинен военному министру, который имел исключительное право доступа к царю. Лишенный инициативы и власти, Генеральный штаб не имел ни способного, ни даже посредственного руководителя, обладавшего твердым и последовательным характером. За шесть лет, предшествовавших 1914 году, сменилось шесть начальников Генерального штаба, что вряд ли оказало положительное влияние на разработку военных планов.

Всю работу Сухомлинов перекладывал на других, однако вместе с тем он не допускал свободомыслия. Упрямо цепляясь за устаревшие теории и былую славу, он утверждал, что поражения России в прошлом объясняются скорее ошибками командиров, а не плохой подготовкой войск, их боеготовностью или снабжением. Находясь во власти непоколебимой уверенности в превосходстве штыка над пулей, он не предпринимал никаких усилий для расширения и строительства заводов по производству снарядов, винтовок и боеприпасов. Как впоследствии выяснили военные исследователи, почти все воюющие страны не имели достаточного количества военного снаряжения и боеприпасов. В Англии недостаток снарядов вызвал скандал на всю страну, во Франции поднялась буря возмущения в связи с нехваткой почти всего – начиная от тяжелой артиллерии и кончая солдатскими ботинками, а в России Сухомлинов не израсходовал даже те средства, которые правительство выделило для выпуска боеприпасов. Россия начала войну, имея по 850 снарядов на каждое орудие, по сравнению с резервом в 2000–3000 снарядов в западных армиях, хотя еще в 1912 году Сухомлинов принял компромиссное решение о доведении этого количества до 1500 снарядов на орудие. В состав русской пехотной дивизии входило 7 батарей полевой артиллерии, в то время как в немецкой их было 14. Вся русская армия имела 60 батарей тяжелой артиллерии, а в немецкой их насчитывалось 381. Все предупреждения о том, что будущая война будет дуэлью огневой мощи, Сухомлинов отвергал с презрением.

Отвращение большее, чем к «огневой тактике», Сухомлинов питал лишь к великому князю Николаю Николаевичу – тот был на восемь лет моложе и олицетворял в армии рефор-

мистские тенденции. Двухметрового роста, худой, с красивой головой и бородкой клином, щеголявший в высоких, под живот лошади, сапогах, импозантный великий князь производил впечатление доблестного воина. После русско-японской войны ему была поручена реорганизация вооруженных сил, и он возглавил Совет национальной обороны, перед которым была поставлена та же цель, что и перед «комитетом Эшера» после англо-бурской войны. Но Николай Николаевич не последовал примеру англичан, а поддался летаргии и интригам высокопоставленного чиновничества. В 1908 году реакционеры, возмущенные ролью великого князя в провозглашении Конституционного манифеста (Манифеста 17 октября) и опасаясь его популярности, добились упразднения Совета. Николай Николаевич – как профессиональный военный, служивший во время русско-японской войны генеральным инспектором кавалерии и лично знавший почти весь офицерский корпус (поскольку каждый офицер, назначаемый на новый пост, обязательно представлялся ему как начальнику Санкт-Петербургского округа) – был предметом восхищения всей армии. Этим он был обязан не столько своим способностям, сколько главным образом своему внушительному виду, росту и манерами, вызывавшими у солдат трепет или уверенность, а у коллег – преданность либо зависть.

Бесцеремонного, подчас грубого как с офицерами, так и с нижними чинами, Николая Николаевича за пределами двора считали единственным «мужчиной» в царской семье. Солдаты-крестьяне, ни разу не видевшие великого князя, рассказывали о нем истории, в которых он представал легендарным героем Святой Руси, вступившим в противоборство с «немецкой кликой» и продажностью двора. Отзвуки подобных настроений ничуть не способствовали его популярности при дворе, вызывая особую неприязнь у царицы, и без того презиравшей «Николашу», поскольку тот ненавидел Распутина. «У меня абсолютно нет веры в Н., – писала она мужу. – Он далеко не так умен, а своим выступлением против божьего человека навлекает на свои труды проклятье, и советы его нельзя назвать хорошими». Она постоянно говорила, что великий князь готовит заговор, чтобы заставить царя отречься и, опираясь на популярность в армии, самому занять престол.

Подозрительность царя послужила причиной того, что великий князь не стал главнокомандующим русской армией во время войны с Японией, тем самым избежав позора поражения. В любой последующей войне обойтись без него было невозможно, и довоенными планами предусматривалось его назначение командующим на германский фронт. Сам же царь, как предполагалось, станет верховным главнокомандующим и совместно с начальником Генерального штаба станет руководить операциями. Во Франции, куда великий князь не раз приезжал на маневры и где попал под влияние Фоша, оптимизм которого разделял, он встречал восторженный прием. Бурные приветствия объяснялись не только восхищением его великолепной внешностью, которая словно бы символизировала обнадеживающее могущество России, но также и тем, что он не любил Германию и не скрывал этого. Французы с радостью повторяли высказанное великим князем и переданное его адъютантом Коцебу замечание о том, что, по его мнению, мир сможет жить без войны лишь в том случае, если Германия, поверженная раз и навсегда, будет разделена на маленькие королевства, счастливые заботами своих собственных крошечных дворов. Столь же горячими друзьями Франции были и супруга великого князя Анастасия, и ее сестра Милица, вышедшая замуж за его брата Петра. Будучи дочерьми короля Черногории Никиты, они с той же силой любили Францию, с какой ненавидели Австро-Венгрию. Во время царского пикника на исходе июля 1914 года, «черногорские соловьи», как называл Палеолог этих двух принцесс, окружили его и стали щебетать о начавшемся кризисе. «Приближается война... от Австрии ничего не останется... вы получите обратно Эльзас-Лотарингию... наши армии встретятся в Берлине». Одна из сестер показала послу украшенную драгоценными камнями шкатулку, в которой она

хранила горсть земли Лотарингии, а вторая поведала о том, что в своем саду она посадила семена лотарингского чертополоха.

На случай войны русский Генеральный штаб разработал два примерных плана кампании, окончательный выбор между ними зависел от намерений Германии. Если войска Германии нанесут главный удар по Франции, тогда основные силы России выступят против Австро-Венгрии. В этом случае четыре армии должны были действовать против Австрии, а еще две – против Германии.

План кампании на германском фронте предусматривал вторжение в Восточную Пруссию двух русских армий, наступающих в двух направлениях: 1-я армия – севернее, а 2-я армия – южнее барьера, образованного Мазурскими озерами. Поскольку 1-я армия, получившая по месту своего сосредоточения название «Вильно», имела в своем распоряжении прямую железнодорожную линию, то она могла выступить первой. Начав наступление двумя днями раньше 2-й, или «Варшавской», армии, эта группировка должна была вступить в сражение с немцами и «оттянуть на себя как можно больше войск противника». Тем временем 2-я армия должна была обойти водную преграду с юга и, выйдя немцам в тыл, отрезать им отступление к Висле. Успех этих «клещей» зависел от точной согласованности их действий, с тем чтобы не позволить немцам сразиться с каждым крылом по отдельности. Враг должен «быть атакован энергично и решительно, в любом месте и в любое время». Сразу после окружения и разгрома немецкой армии русские войска должны были начать марш на Берлин, находившийся всего в 150 милях за Вислой.

Сдача Восточной Пруссии в планы немцев не входила. Это был край богатых хозяйств и обширных пастбищ, где выращивали голштинских коров, где во дворах, обнесенных каменными заборами, разгуливали свиньи и курицы. Тут разводили для германской армии знаменитую тракененскую породу лошадей, и громадные поместья принадлежали юнкерам, которые, к ужасу одной английской гувернантки, работавшей у одного из них, стреляли лисиц, а не устраивали на них, как полагается, верховую охоту. Далее к востоку, ближе к России, лежала земля «тихих вод и темных лесов», широких озер, поросших камышом, сосновых и березовых рощ, бесчисленных болот и ручьев. Наиболее известным местом был Роминтенский лес – охотничий заповедник Гогенцоллернов площадью более 360 кв. км, на самой границе с Россией. Сюда каждый год приезжал кайзер, чтобы, облачившись в бриджи и шляпу с пером, поохотиться на кабанов и оленей, а то и подстрелить русского лося, неумышленно перешедшего границу и превратившегося в прекрасную мишень для императорского ружья. Хотя коренное население Восточной Пруссии было не тевтонским, а славянским, но с тех пор как в 1225 году здесь утвердился Тевтонский орден, этот край находился под властью Германии, не считая нескольких периодов польского правления. Несмотря на поражение, понесенное от поляков и литовцев в великой битве под деревней Танненберг (известной в истории также как битва при Грюнвальде), рыцарский орден уцелел и вырос – или переродился – в юнкеров. В Кёнигсберге, главном городе этого района, первый суверен династии Гогенцоллернов был коронован в 1701 году королем Пруссии.

Омываемая Балтийским морем, Восточная Пруссия с «городом королей», где короновались прусские суверены, была страной, которую немцы не могли с легкостью уступить. Вдоль реки Ангерапп, протекавшей по Инстербургской равнине, были тщательно подготовлены оборонительные рубежи; в болотистом восточном районе дороги были проложены по гребням дамб, что ограничивало для противника возможности передвижения. Кроме того, вся Восточная Пруссия была покрыта сетью железных дорог, предоставлявших обороняющейся армии преимущества в мобильности и скорости переброски подкреплений с одного участка фронта на другой для отражения наступления каждого крыла противника.

Когда впервые был принят план Шлиффена, опасения в отношении Восточной Пруссии были невелики, поскольку Россия, как предполагалось, должна будет держать значи-

тельные силы на Дальнем Востоке против Японии. Несмотря на характерную для нее неповоротливость, германская дипломатия рассчитывала, что сумеет обойти англо-японский договор, рассматриваемый ею как неестественный альянс, и добиться от Японии нейтралитета, создав тем самым постоянную угрозу тылу русских.

Специалистом германского генерального штаба по русским делам был подполковник Макс Гофман, в задачу которого входила разработка возможного плана кампании русских в случае войны с Германией. Гофману недавно перевалило за сорок. Он был высокого роста и крепкого телосложения, с круглой головой и такой короткой прусской стрижкой, что он казался почти лысым. Лицо у Гофмана было добродушным, однако сомнений в непреклонности его характера не возникало. Он носил очки в черной оправе и тщательным уходом за своими темными бровями придавал им с внешней стороны резко идущий вверх изгиб. С не меньшим вниманием он также ухаживал и за своими маленькими тонкими руками и гордился ими в равной степени, что и безупречными «стрелками» на брюках. Несмотря на склонность к праздности, он славился изобретательностью. Будучи неважным наездником и плохим фехтовальщиком, а также имея пристрастие к хорошей еде и вину, Гофман тем не менее отличался живостью и быстротой мышления. Он был любезен, хитер, удачлив и презирал всех. До войны в свободное от служебных обязанностей время он с вечера до семи утра пил вино и поедая сосиски в полковом офицерском клубе, затем выводил свою роту на построение, а потом вновь возвращался к поглощению сосисок, успевая еще до завтрака выпивать по два литра мозельского вина.

После окончания военной академии в 1898 году Гофман полгода провел в России в качестве переводчика, а потом пять лет прослужил в русском отделе немецкого генерального штаба при Шлиффене, после чего он в качестве военного наблюдателя Германии выехал на русско-японский фронт. Когда один японский генерал не разрешил ему наблюдать за ходом сражения с близлежащей сопки, этикет отступил перед тем врожденным немецким качеством, которое зачастую не дает представителям этой нации произвести приятное впечатление на других. «Ты, дикарь желтолицый, не смеешь не пускать меня на ту сопку!» – заорал на него Гофман в присутствии прочих иностранных военных атташе и, как минимум, одного военного корреспондента. Принадлежа к расе, не уступающей немцам в чувстве собственного превосходства, японец заорал в ответ: «Мы, японцы, платим за эти сведения своей кровью и ни с кем не желаем ими делиться!» Протокол был нарушен полностью.

Вернувшись в генеральный штаб при Мольтке, Макс Гофман возобновил работу над планом русской кампании. В 1902 году некий полковник русского Генерального штаба продал ему за значительную сумму один из первых вариантов военного плана своей страны. Но с тех пор, как утверждал Гофман в своих не всегда серьезных мемуарах, цены настолько возросли, что стали не по карману немецкой военной разведке, имевшей весьма скудные средства. Однако ландшафт Восточной Пруссии делал общий план русской кампании вполне очевидным: «клещи» с наступлением по обеим сторонам Мазурских озер. Проведенное Гофманом изучение русской армии, факторов, определяющих ее мобилизацию и средства переброски, позволили немцам судить о времени наступления. Немецкая армия, уступавшая в численности, могла избрать любое направление для отражения наступающих превосходящих сил, разделенных на два крыла. Можно было либо отступить, либо атаковать одно из крыльев раньше другого – что давало наибольший выигрыш. Жесткая формула, продиктованная Шлиффеном, гласила: «Нанести удар всеми имеющимися силами по первой же русской армии, что окажется в пределах досягаемости».

Начало

Начало

Бисмарк предсказывал, что искрой новой войны станет «какая-нибудь проклятая глупость на Балканах». Убийство сербскими националистами 28 июня 1914 года наследника австрийского престола, эрцгерцога Франца-Фердинанда, подтвердило его слова. Австро-Венгрия, со свойственными престарелым империям воинственностью и легкомыслием, решила воспользоваться удобным поводом, чтобы поглотить Сербию – так же, как раньше, в 1909 году, она осуществила захват Боснии и Герцеговины. В то время Россия, ослабленная войной с Японией, вынуждена была примириться с немецким ультиматумом, подкрепленным явлением кайзера в «блистающих доспехах», какой сам выразился, выступившего на стороне своего австрийского союзника. Теперь Россия, дабы отплатить за унижение и сохранить престиж великой славянской державы, сама была готова облачиться в такие же блистающие доспехи. 5 июля Германия заверила Австрию, что та может рассчитывать на «надежную поддержку» в случае, если принятые ею карательные меры против Сербии приведут к конфликту с Россией. Данный Германией знак открыл шлюзы потоку необратимых событий. 23 июля Австрия предъявила ультиматум Сербии, 26 июля отклонила данный на него ответ (хотя кайзер, уже начавший выказывать беспокойство, признавал, что последний документ «не дает никаких оснований для начала войны»). 28 июля Австрия объявила войну Сербии, а 29 июля Белград подвергся обстрелу. В тот же день Россия привела в готовность свои войска на австрийской границе, а 30 июля, одновременно с Австрией, объявила всеобщую мобилизацию. 31 июля Германия направила России ультиматум, требуя отменить в ближайшие двенадцать часов мобилизацию и «дать нам четкие объяснения по этому поводу».

Война приближалась ко всем границам. Правительства, охваченные внезапным страхом, всеми правдами и неправдами старались остановить ее. Но все попытки оказались тщетными. В донесениях агентов на границах любой замеченный ими на той стороне кавалерийский патруль представал развертыванием войск, начатым еще до объявления мобилизации. Генеральные штабы, потрясая безжалостными графиками и рассчитанными таблицами, громко и настойчиво требовали сигнала к выступлению, стремясь опередить противника хотя бы на час. Придя в ужас при виде открывшейся бездны, государственные деятели, на которых лежала главная ответственность за судьбы своих стран, попытались отступить назад, но неумолимая сила военного планирования тащила их вперед, все дальше и дальше.

Глава 6

1 августа, Берлин

В субботу 1 августа в полдень истек срок ультиматума России, и ответа на него она так и не дала. Через час германскому послу в Петербурге была направлена телеграмма, в которой содержались инструкции об объявлении в тот же день в 5 часов вечера войны России. В 5 часов пополудни кайзер издал указ о всеобщей мобилизации, причем накануне, после объявления *Kriegsgefahr* («положения военной угрозы»), уже были проведены некоторые предварительные мероприятия. В 5:30 канцлер Бетман-Гольвег, читая на ходу какой-то документ, в сопровождении министра иностранных дел Ягова поспешно спустился по ступеням министерства иностранных дел, взял обыкновенное такси и умчался во дворец. Вскоре генерал фон Мольтке, мрачный начальник генерального штаба, уже ехал обратно в штаб с приказом о мобилизации, подписанным кайзером. Но его догнал на автомобиле курьер и передал срочную просьбу вернуться во дворец. Там Мольтке стал свидетелем последнего, отчаянного предложения кайзера, которое вызвало у Мольтке слезы и которое могло бы изменить историю двадцатого века.

Теперь, когда наступил решающий момент, кайзера охватили опасения: несмотря на имеющийся, по мнению генерального штаба, запас времени в шесть недель до полной мобилизации русских, он боялся потерять Восточную Пруссию. «Я ненавижу славян, – признался он одному австрийскому офицеру. – Я знаю, что это грешно. Ненавидеть никого нельзя. Но я не могу не ненавидеть славян». Однако его радовали сообщения, которые напоминали 1905 год: о забастовках и беспорядках в Петербурге, о толпах, разбивавших окна домов, «об ожесточенных стычках на улицах между революционерами и полицией». Престарелый германский посол, граф Пурталес, который провел в России семь лет, пришел к выводу и неоднократно уверял свое правительство в том, что эта страна не вступит в войну из-за страха революции. Капитан фон Эггелинг, немецкий военный атташе, твердил о своей убежденности относительно 1916 года, а когда же Россия все-таки объявила мобилизацию, он сообщал, что она планирует «отнюдь не решительное наступление, а постепенное отступление, как в 1812 году». Эти мнения явились своеобразным рекордом ошибок германской дипломатии. Они придали бодрости духа кайзеру, составившему 31 июля послание для «ориентировки» своего штаба, в котором он с радостью извещал о том, что, по свидетельствам его дипломатов, в русской армии и при дворе царил «настроение больного кота».

В Берлине 1 августа тысячи людей заполнили улицы, стекаясь на площадь перед дворцом, толпы были охвачены чувством напряженности и беспокойства. Социализм, который исповедовало большинство берлинских рабочих, не вошел в их души настолько глубоко, как в них укоренились бессознательный страх перед славянскими ордами и ненависть к ним. Хотя кайзер, выступая накануне вечером с дворцового балкона, в речи по поводу объявления *Kriegsgefahr* и провозгласил, «что нас заставили взять в руки меч», люди все еще смутно надеялись, что русские ответят. Срок ультиматума истек. Один находившийся в толпе журналист чувствовал, «что воздух был наэлектризован слухами. Говорили, будто Россия попросила отсрочки. Биржу охватила паника. Конец дня прошел почти в невыносимом мучительном ожидании». Бетман-Гольвег опубликовал заявление, кончавшееся словами: «Если нам выпадет жребий сражаться, да поможет нам Бог». В пять часов у ворот дворца появился полицейский и объявил народу о мобилизации. Толпа послушно запела национальный гимн «Возблагодарим все Господа нашего». По Унтер-ден-Линден мчались автомобили, офицеры стоя размахивали платками и кричали: «Мобилизация!» Едва ли не в одно мгновение обратившись от Маркса к Марсу, обуреваемые патриотическими чувствами, люди разражались

громкими приветственными криками и бросались отлавливать и избивать мнимых русских шпионов, причем в последующие несколько дней некоторые из них были забиты до смерти.

Как только была нажата кнопка с надписью «Мобилизация», в действие автоматически пришел громадный механизм призыва в армию, экипировки и транспортировки двух миллионов человек. Резервисты прибывали на заранее указанные пункты сбора, получали военную форму, снаряжение и оружие, сводились в роты и батальоны, к которым присоединились кавалерия и артиллерия, медицинские части, подразделения самокатчиков, походные кухни, фургоны-кузницы, почтовые фургоны. Все они согласно предварительно составленному расписанию перевозились по железным дорогам в районы сосредоточения вблизи границ, где формировались дивизии, из дивизий – корпуса, из корпусов – армии, готовые двинуться в бой. Только одному армейскому корпусу – а их в германской армии насчитывалось 40, – требовалось 170 железнодорожных вагонов для офицеров, 965 – для пехоты, 2960 – для кавалерии, 1915 – для артиллерии и служб снабжения; всего 6010 вагонов, или 140 поездов. Такое же количество вагонов требовалось для снабжения корпуса. С момента отдачи приказа все приходило в движение в соответствии с графиками, где указывались точные сведения, вплоть до количества вагонных осей, проходящих в определенное время по тому или иному мосту.

Уверенный в великолепном совершенстве своей системы, заместитель начальника генерального штаба генерал Вальдерзе даже не вернулся в Берлин, когда разразился кризис, написав Ягову: «Я остаюсь здесь. Мы в генеральном штабе уже все готовы; а пока нам нечего делать». Эта гордая традиция была унаследована от старшего – или «великого» – Мольтке, который в день мобилизации в 1870 году лежал у себя на диване и читал «Тайну леди Одли».

Его завидного спокойствия сейчас так недоставало во дворце. Перед лицом не призрачной, а реальной угрозы войны на два фронта состояние самого кайзера теперь было близко к «настроению больного кота», в котором, по его мнению, пребывали русские. Отличавшийся от типичного пруссака большим космополитизмом и трусостью, кайзер в действительности никогда не хотел всеобщей войны. Он добивался большей власти, большего престижа и прежде всего большего авторитета для Германии на международной арене, но для достижения этих целей он предпочитал запугивать другие страны, а не воевать с ними. Он хотел славы гладиатора без сражений, а когда перспектива вооруженного конфликта становилась чересчур близкой, кайзер отступал, как, например, при Альхесирасе и Агадире.

По мере нарастания кризиса пометки кайзера на полях телеграмм становились все более и более нервными: «Ага! Обычный обман», «Вздор!», «Он лжет», «Грей – лживая собака», «Болтовня!», «Негодяй либо идиот, либо спятил!» Когда Россия приступила к мобилизации, он разразился пылкой тирадой со зловещими предсказаниями, обрушившись не на славян-предателей, а на того, забыть кого был не в силах, – на своего коварного дядю: «Мир захлестнет самая ужасная из всех войн, и целью ее будет разгром Германии. Англия, Франция и Россия вступили в заговор, чтобы нас уничтожить... такова горькая правда ситуации, которую медленно, но верно создавал Эдуард VII... Окружение Германии стало наконец свершившимся фактом. Мы сунули голову в петлю... Мертвый Эдуард сильнее меня живого!»

Преследуемый тенью покойного Эдуарда, кайзер с готовностью ухватился бы за любое предложение, которое позволило бы выбраться из создавшегося положения: ему грозила перспектива войны одновременно с Россией и Францией, а за спиной Франции угрожающе вырисовывалась фигура Англии, до сих пор хранившей молчание.

В последнюю минуту такая возможность была предоставлена. К Бетману явился один из его коллег и стал упрашивать сделать все возможное, чтобы Германия избежала войны на два фронта. Для этого он предложил следующее. На протяжении многих лет обсуждалась возможность предоставления автономии Эльзасу как федерального государства в рам-

ках Германской империи. Если бы такое предложение было принято эльзасцами, Франция не имела бы оснований начинать военные действия для возвращения утерянной провинции. Совсем недавно – 16 июля – Французский социалистический конгресс высказался в пользу подобного решения вопроса об Эльзасе. Однако германские военные продолжали настаивать на сохранении гарнизонов в этой провинции и на ограничении ее политических прав «военной необходимостью». Немцы предоставили ей конституцию лишь в 1911 году, а вопрос об автономии так и остался нерешенным. Коллега Бетмана настаивал на срочном, публичном и официальном предложении проведения конференции по Эльзасу. Конференцию удалось бы затянуть, однако даже ее безрезультатность лишила бы Францию моральных предпосылок для начала военных действий, по меньшей мере на период рассмотрения такого предложения. Выиграв время, Германия все силы бросила бы против России. На Западе сохранилось бы стабильное положение, и Англия не вступила бы в борьбу.

Автор этих предложений остался неизвестен – возможно, его и вовсе не существовало. Главное не в этом. Удобный случай представился, канцлер мог бы им воспользоваться. Но чтобы осуществить этот замысел, нужна была смелость, а Бетман, несмотря на свою внушительную внешность – высокий рост, серьезный взгляд, аккуратно подстриженные усы и бородку-эспаньолку, – был, как отозвался о Тафте Теодор Рузвельт, «слабым человеком с добрыми намерениями». Вместо того чтобы побудить Францию придерживаться нейтралитета, Германия направила ей одновременно с Россией ультиматум. Германское правительство требовало в ближайшие восемнадцать часов ответ – останется ли Франция нейтральной в случае русско-германской войны, и если да, то Германия «в качестве подтверждения этого нейтралитета настаивала на передаче ей крепостей Туль и Верден, которые будут оккупированы, а после окончания войны – возвращены». Иными словами, немцы хотели, чтобы им вручили ключи от дверей во Францию.

Барон фон Шён, германский посол в Париже, не мог заставить себя передать подобное «наглое» требование в тот самый момент, когда, по его мнению, французский нейтралитет дал бы Германии такое колоссальное преимущество, за которое германское правительство скорее само должно было предложить хорошую плату, вместо того чтобы выступать с угрозами. Он вручил французам ноту о соблюдении нейтралитета, не включив в нее требование о передаче крепостей, о котором французы, тем не менее, узнали, так как отправленные послу инструкции были ими перехвачены и расшифрованы. Когда Шён 1 августа в 11 часов утра попросил ответа, ему было заявлено, что Франция «будет действовать, исходя из своих интересов».

В министерстве иностранных дел в Берлине в пять часов раздался телефонный звонок. Заместитель министра Циммерман, взявший трубку, сказал, обращаясь к сидевшему возле его стола редактору газеты «Берлинер тагеблатт»: «Молытке хочет знать, не пора ли начинать». И тут в распланированный ход событий вмешалась только что расшифрованная телеграмма из Лондона. Она вселяла надежду на то, что, если выступление против Франции будет немедленно отменено, Германия может рассчитывать на войну на одном фронте. Взяв ее с собой, Бетман и Ягов помчались на такси во дворец.

Телеграмма, направленная из Лондона послом князем Лихновским, сообщала о предложении Англии (как его понял Лихновский): «В том случае, если мы не нападаем на Францию, Англия останется нейтральной и гарантирует нейтралитет Франции».

Посол принадлежал к тому типу немцев, которые копировали все английское – спорт, одежду, образ жизни – и говорили по-английски, стараясь изо всех сил стать моделью английского джентльмена. Его друзья-аристократы, князя Плесе, Блюхер и Мюнстер, были женаты на англичанках. В 1911 году на одном из обедов в Берлине в честь английского генерала почтенный гость был удивлен, узнав, что все сорок приглашенных немцев, в том числе Бетман-Гольвег и адмирал Тирпиц, бегло говорили по-английски. От своих соотечественни-

ков Лихновский отличался тем, что был англофилом не только манерами, но и сердцем. Он прибыл в Лондон с намерением сделать все, чтобы он сам и его страна понравились англичанам. Английское общество засыпало его приглашениями на уикенды за городом. Для посла не было большей трагедии, чем война между страной, где он родился, и страной, которую он любил всей душой, поэтому он хватался за любую соломинку, лишь бы предотвратить катастрофу.

Когда в то утро министр иностранных дел сэр Эдвард Грей позвонил ему в перерыве между заседаниями кабинета, Лихновский, охваченный крайней тревогой, интерпретировал слова Грея как предложение Англии о собственном нейтралитете и сохранении нейтралитета Франции в случае русско-германской войны при условии, что Германия даст обещание не нападать на Францию.

В действительности же Грей выразился иначе. С обычными для себя недомолвками он дал обещание поддерживать нейтралитет Франции лишь в том случае, если Германия останется нейтральной как по отношению к Франции, так и по отношению к России, иначе говоря, если Германия не предпримет военных действий ни против одной из этих держав, пока не станет ясно, какие результаты дадут попытки урегулирования сербской проблемы. Занимая пост министра иностранных дел в течение восьми лет, в период, по выражению Бюлова, беспрестанно возникавших «Босний», Грей достиг совершенства в искусстве говорить речи, которые не содержали почти никакого смысла. Избегая прямых и ясных высказываний, он, как утверждал один из его коллег, возвел подобную манеру в принцип. Поэтому не приходится удивляться, что ошеломленный надвигавшейся трагедией Лихновский, беседуя с главой Форин оффис по телефону, неверно понял смысл его слов.

Кайзер ухватился за указанную Лихновским возможность избежать войны на два фронта. Уже пошел отсчет минут. Отмобилизованные части неудержимо катились к французской границе. Согласно графику, первый акт войны – захват железнодорожного узла в Люксембурге, чей нейтралитет гарантировали пять великих держав, в том числе и Германия, должен был начаться через час. Необходимо было все остановить, остановить немедленно. Но каким образом? Где Мольтке? Мольтке уже покинул дворец. Вдогонку, на автомобиле, под завывание сирены, был послан адъютант, который и привез его обратно.

Теперь кайзер снова был самим собой, став всемогущим главнокомандующим, сверкая новыми идеями, планируя, предлагая и направляя. Он прочел Мольтке телеграмму и заявил с торжеством: «Теперь мы можем начать войну только с Россией. Мы просто отправим всю нашу армию на Восток!»

Придя в ужас при мысли о том, что придется дать задний ход всей замечательной машине мобилизации, Мольтке отказался наотрез. В течение последних десяти лет вся деятельность Мольтке, сначала как заместителя Шлиффена, а затем и его преемника, сводилась к планированию того самого «Дня» – *Der Tag*, ради которого накапливалась вся энергия Германии и в который должен был начаться марш к окончательному подчинению Европы. Ответственность за этот особый день лежала на Мольтке гнетущим, почти невыносимым бременем.

У высокого, грузного, лысого Мольтке, которому исполнилось уже шестьдесят шесть лет, постоянно было такое выражение лица, как будто он переживал глубокое горе, отчего кайзер прозвал его «*der traurige Julius*» (что можно перевести как «печальный Юлиус», хотя в действительности Мольтке звали Гельмутом). Из-за слабого здоровья он ежегодно лечился в Карлсбаде, а причиной мрачности, возможно, была тень его великого дяди. Из окна краснокирпичного здания генерального штаба на Кёнигплац, где Мольтке жил и работал, он мог видеть конную статую своего тезки, героя 1870 года, который, как и Бисмарк, был создателем Германской империи. Племянник же был плохим наездником, имевшим привычку валиться с лошади во время выездов штаба; кроме этого, что было еще хуже, он был последователем

течения «Христианской науки», проявляя особый интерес к антропософии и прочим культам. За эту неподобающую для прусского офицера слабость его считали «мягким»; вдобавок ко всему он занимался живописью, играл на виолончели, носил в кармане «Фауста» Гете и начал переводить «Пеллея и Мелисанду» Метерлинка.

Склонный по натуре к самоанализу и сомнениям, Мольтке заявил кайзеру во время церемонии своего назначения в 1906 году: «Я не знаю, как буду вести себя в случае военной кампании. Я очень критически отношусь к самому себе». Однако он не был робким ни в политике, ни в личном плане. В 1911 году, недовольный отступлением Германии в Агадирском кризисе, Мольтке писал Конраду фон Хётцендорфу, что если дела пойдут еще хуже, то он подаст в отставку, предложит распустить армию и «отдать всех нас под защиту Японии, после чего мы спокойно сможем делать деньги и превращаться в идиотов». Он не побоялся возразить кайзеру, заявив «довольно грубо» в 1900 году, что пекинская экспедиция была «сумасбродной авантюрой». Когда Мольтке был предложен пост начальника генерального штаба, он поинтересовался у кайзера, не рассчитывает ли тот «выиграть главный приз дважды в одной и той же лотерее?» – мысль, которая, несомненно, повлияла на выбор кайзера. Свой пост он согласился занять лишь при условии, что кайзер откажется от своей привычки побеждать во всех военных играх, практически лишая маневры всякого смысла. Удивительно, но кайзер покорно повиновался.

Теперь, в решающий вечер 1 августа, Мольтке был настроен не позволять больше кайзеру вмешиваться в серьезные военные вопросы или каким-либо образом мешать заранее распланированным мероприятиям. Развернуть обратно – с запада на восток – миллионную армию в момент ее выступления требовало большего присутствия духа, чем было тогда у Мольтке. Перед его мысленным взором проходили видения смешавшихся войск, уже развертывающихся на исходных позициях: запасы здесь, солдаты там, потерянные в пути боеприпасы, роты без офицеров, дивизии без штабов; и 11 000 железнодорожных составов, имевших точное расписание прибытия на такой-то путь в такое-то время в пределах десяти минут – все смешалось в невообразимом хаосе, вызванном крушением самого совершенного в истории плана переброски войск.

«Ваше величество, – заявил Мольтке кайзеру, – это невозможно сделать. Нельзя импровизировать передислокациями миллионов солдат. Ваше величество настаивает на отправке всей армии на Восток, однако войска к бою не будут готовы. Это будет дезорганизованная вооруженная толпа, не имеющая системы снабжения. А для создания такой системы потребовался год кропотливого труда». Свою речь Мольтке закончил фразой, которая стала предпосылкой всех крупных ошибок Германии и которая послужила основой для вторжения в Бельгию, подводной войны против Соединенных Штатов, той неизбежной фразой, когда военные планы начинают диктовать политику – «раз планы разработаны и утверждены, изменить их нельзя».

В действительности же все можно было изменить. Германский генеральный штаб, несмотря на то, что с 1905 года предусматривал открытие военных действий сначала против Франции, хранил в своих сейфах – и ежегодно вплоть до 1913 года его пересматривал – альтернативный план кампании против России, который намечал отправку на восток всех наличных железнодорожных составов.

«Не стройте больше крепостей, стройте железные дороги», – приказывал Мольтке-старший, основывавший свои стратегические планы на картах железнодорожной сети и оставивший в наследство догму, что железные дороги – ключ войны. В Германии система железных дорог находилась под контролем военных, и к каждой железнодорожной линии был прикомандирован офицер генерального штаба; ни один путь не мог быть проложен или изменен без согласия генштаба. Ежегодные мобилизационные военные игры нарабатывали у чиновников железнодорожного ведомства практический опыт, а телеграммы с сообщени-

ями о перерезанных дорогах и взорванных мостах давали железнодорожникам возможность развить свои способности к импровизации и направлению поездов по окружным линиям. Говорили, что лучшие умы военной академии после выпуска направлялись в железнодорожные отделы, – и что свой путь они нередко оканчивали в сумасшедших домах.

Когда фраза Мольтке «Это невозможно сделать» появилась в его опубликованных после войны мемуарах, генерал фон Штааб, начальник отдела железных дорог, воспринял ее как укор в адрес руководимого им ведомства, что побудило его написать книгу, где он доказывал возможность осуществления подобного решения. На картах и графиках фон Штааб продемонстрировал, каким образом, получи он 1 августа соответствующее распоряжение, можно было перебросить к 15 августа четыре из семи армий на Восточный фронт, оставив три для защиты Запада. Маттиас Эрцбергер, депутат рейхстага и лидер католической партии «Центр», оставил иное свидетельство. Он утверждал, что сам Мольтке через шесть месяцев после этих событий признался ему, что нападение на Францию на начальном этапе было ошибкой и что вместо этого «большую часть армии следовало сначала направить на Восток, чтобы уничтожить русский «паровой каток», ограничив операции на Западе ведением оборонительных боев на границе».

Вечером 1 августа Мольтке, цеплявшийся за разработанный план, не нашел в себе мужества на решительный шаг. «Твой дядя дал бы мне иной ответ», – с горечью сказал ему кайзер. Этот упрек «больно ранил меня», писал Мольтке впоследствии: «Я никогда не обманывался и не считал себя равным старому фельдмаршалу». Так или иначе, Мольтке продолжал упорствовать. «Мои возражения, основанные на том, что сохранить мир между Францией и Германией в условиях мобилизации обеих стран невозможно, не были услышаны. Постепенно всех охватывала нервозность, и я остался одинок в своем мнении».

В конце концов, когда Мольтке все же убедил кайзера в невозможности изменения мобилизационных планов, группа, куда входили Бетман и Ягов, составила проект телеграммы для Англии, в которой выражалось сожаление по поводу «невозможности остановить продвижение германских армий» в сторону французской границы, а также гарантировалось, что граница не будет нарушена ранее 7 часов вечера 3 августа. Последнее заявление вообще-то ничего не стоило немцам, поскольку их военными планами не предусматривалось переходить ее ранее этого срока. Ягов поспешил отправить телеграмму германскому послу в Париж, где уже в 4 часа вышел указ о мобилизации. В ней он просил посла «на какое-то время удержать Францию от любых действий». Кроме того, кайзер направил личную телеграмму королю Георгу, сообщая, что по «техническим причинам» в этот поздний час мобилизацию нельзя остановить, но, что, «если Франция предложит мне нейтралитет, который должен быть гарантирован мощью английского флота и армии, я, разумеется, воздержусь от военных действий против Франции и использую мои войска в другом месте. Я надеюсь, что Франция не станет нервничать».

До 7 часов – до того срока, когда 16-я дивизия по плану должна была войти в Люксембург, – оставались минуты. Бетман взволнованно убеждал, что в Люксембург, пока не получен ответ из Англии, нельзя входить ни при каких обстоятельствах. Кайзер немедленно, не известив Мольтке, приказал своему адъютанту связаться по телефону и телеграфу со штабом 16-й дивизии в Трире и отменить намеченную операцию. Мольтке вновь явились картины грозящей катастрофы. Железнодорожные линии Люксембурга имели громадное значение для наступления через Бельгию на Францию. «В этот момент, – говорится в его мемуарах, – мне казалось, что мое сердце вот-вот разорвется».

Несмотря на все уговоры Мольтке, кайзер ни на йоту не уступил. Наоборот, он даже добавил в телеграмму королю Георгу в Лондон следующую заключительную фразу: «Моим войскам на границе направлен по телефону и телеграфу приказ, запрещающий вступать на территорию Франции». Это было незначительное, но важное отклонение от истины: кайзер

не мог признаться Англии, что его замысел, от осуществления которого он воздерживался, предусматривал нападение на нейтральную страну. Нарушение же нейтралитета Бельгии могло стать для Англии *casus belli*, поводом для ее вступления в войну, а ведь Англия пока еще не приняла никакого решения.

В тот день, который должен был стать кульминацией его карьеры, Мольтке, по собственным словам, чувствовал себя «раздавленным» и, вернувшись в генеральный штаб, «заплакал горькими слезами от унижения и отчаяния». Когда адъютант принес ему на подпись приказ об отмене люксембургской операции, «я бросил перо на стол и отказался подписывать этот документ». Этот первый после мобилизации приказ, сводивший к нулю практически все тщательные приготовления, мог быть, по его мнению, воспринят как свидетельство «колебаний и нерешительности». «Делайте что угодно с этой телеграммой, – заявил он адъютанту, – я ее не подпишу».

В 11 часов, когда Мольтке все еще был поглощен мрачными мыслями, его вновь вызвали во дворец. Кайзер, одетый подобающим образом для данного момента – поверх ночной рубашки накинута военная шинель, – принял генерала в своей спальне. От Лихновского поступила телеграмма, в которой он сообщал, что в ходе дальнейшей беседы с Греем понял свою ошибку, о чем печально и извещал: «Позитивного предложения Англии в целом ожидать не следует».

«Теперь вы можете делать все, что хотите», – сказал кайзер и отправился спать. Мольтке, главнокомандующий, которому предстояло теперь руководить всей военной кампанией, решавшей судьбу Германии, был потрясен до глубины души. «Это было моим первым военным испытанием, – писал он впоследствии. – Мне никогда не удалось до конца оправиться от этого удара. Что-то во мне надломилось, и уже никогда я не смог стать таким, как прежде».

Как и остальной мир, мог бы добавить Мольтке. Отданный по телефону приказ кайзера не получили в Трире вовремя. В семь часов, как и было предусмотрено планом, был перейден первый рубеж войны, в этом отличилась пехотная рота 69-го полка под командованием некоего лейтенанта Фельдмана. На люксембургской стороне границы, на склонах Арденн, примерно в двенадцати милях от бельгийского города Бастонь, находился маленький город, который немцы называли Ульфлинген. На холмистых пастбищах вокруг него паслись коровы; на крутых, выложенных брусчаткой улицах даже в разгар августовской жатвы не увидишь и клочка сена – таковы были строгие законы поддержания чистоты в великом герцогстве. На окраине городка находились железнодорожная станция и телеграф, где сходились линии из Германии и Бельгии. Целью немцев был захват этих объектов, что и осуществила рота лейтенанта Фельдмана, прибывшая на грузовиках.

С неизменным талантом к бестактности немцы решили нарушить нейтралитет Бельгии в месте, исконным и официальным названием которого было Труа-Вьерж – Три Девственницы. Они олицетворяли веру, надежду и милосердие, но История с ее склонностью к удивительным совпадениям сделала так, что в глазах всех они превратились в символы Люксембурга, Бельгии и Франции.

В 19:30 на автомобилях прибыл второй отряд (очевидно, после получения телеграммы кайзера) с приказом первой группе отойти, поскольку была «совершена ошибка». Тем временем министр иностранных дел Люксембурга Эйшен телеграфом передал сообщение о свершившемся в Лондон, Париж и Брюссель и направил протест в Берлин. «Три Девственницы» сделали свое дело. В полночь Мольтке отменил приказ об отходе, а к концу следующего дня, 2 августа, все Великое герцогство Люксембург было оккупировано.

С тех пор анналы истории неизменно преследует вопрос: «Что было бы, если бы немцы в 1914 году отправились на восток, ограничившись лишь обороной на границе с Францией?» Генерал фон Штааб показал, что повернуть силы против России было технически осуще-

ствимо. Однако смогли бы немцы в силу своего темперамента удержаться от нападения на Францию, когда настал Der Tag, – это уже другой вопрос.

В семь часов в Петербурге, примерно в то же время, когда немцы входили в Люксембург, посол Пурталес, с покрасневшими водянисто-голубыми глазами и трясущейся белой бородкой клинышком, вручил дрожащей рукой русскому министру иностранных дел Сазонову ноту об объявлении Германией войны России.

– На вас падет проклятие народов! – воскликнул Сазонов.

– Мы защищаем нашу честь, – ответил германский посол.

– Ваша честь здесь ни при чем. Но есть ведь суд Всевышнего.

– Это верно, – промолвил Пурталес и, бормоча «суд Всевышнего, суд Всевышнего», спотыкаясь, отошел к окну, оперся на него и расплакался. – Вот как закончилась моя миссия, – произнес он, когда немного пришел в себя.

Сазонов похлопал посла по плечу, они обнялись, Пурталес поплелся к двери и, с трудом открыв ее трясущейся рукой, вышел, еле слышно повторяя: «До свидания, до свидания».

Эта трогательная сцена дошла до нас в том виде, как ее записал Сазонов, с художественными дополнениями французского посла Палеолога, основанных, очевидно, на рассказах русского министра иностранных дел. Пурталес же лишь сообщил, что он три раза просил ответить на ультиматум, а после того, как Сазонов трижды дал отрицательный ответ, «я, руководствуясь инструкцией, вручил ему ноту».

Зачем ее вообще нужно вручать? Так горестно вопрошал накануне вечером, когда составлялась декларация о войне, адмирал фон Тирпиц, морской министр. По собственному признанию, говоря «скорее инстинктивно, чем повинуюсь доводам рассудка», он требовал ответа на вопрос: зачем нужно объявлять войну и брать на себя позор стороны, совершающей нападение, если Германия не планирует вторжения в Россию? Этот вопрос был особенно уместен, если учесть, что вину за развязывание войны Германия намеревалась взвалить на Россию, чтобы убедить немецкий народ в том, что он лишь защищает родную страну, а также чтобы не позволить Италии отказаться от взятых ею обязательств в рамках Тройственного союза.

На стороне своих союзников Италия обязана была выступить лишь в случае оборонительной войны, и, тяготясь своей зависимостью, она, как было широко известно, только ждала случая вырваться из петли. Проблема Италии не давала покоя Бетману. Если Австрия продолжит отвергать одну за другой или все уступки со стороны Сербии, тогда, предупредил он, «будет трудно возложить на Россию вину за пожар в Европе», что поставит нас «в очень невыгодное положение в глазах нашего собственного народа». Однако его никто не хотел слушать. Когда настал день мобилизации, германский дипломатический протокол потребовал, чтобы война была объявлена по всей форме.

По воспоминаниям Тирпица, юристы из министерства иностранных дел настаивали, что юридически такие действия были вполне оправданы. «Вне Германии, – сокрушался Тирпиц, – подобный ход мыслей совершенно непонятен».

Во Франции все оказалось понято намного лучше, чем он полагал.

Глава 7

1 августа, Париж и Лондон

Французская политика руководствовалась одной главной целью: вступить в войну, имея Англию в качестве союзника. Чтобы достичь этого и помочь своим друзьям в Англии преодолеть инертность и возражения против этого шага как в кабинете, так и в стране, Франция должна была четко и однозначно доказать, кто же напал и кто подвергнулся нападению. Физический акт агрессии и весь позор за его свершение должны были пасть на Германию. Она должна сыграть свою роль, но, опасаясь, как бы какой-нибудь излишне ревностный французский патруль или солдат не пересек границу, правительство Франции пошло на смелый и экстраординарный шаг. 30 июля было отдано распоряжение отвести войска на десять километров на всем протяжении границы с Германией – от Швейцарии до Люксембурга.

Отвод войск был предложен премьером Рене Вивиани, красноречивым оратором-социалистом, ранее занимавшимся в основном проблемами рабочего движения и социального обеспечения. Он был редкостным явлением во французской политике: премьер-министр, который прежде никогда не занимал этот пост, но в то же время исполнял обязанности министра иностранных дел. Кабинет он возглавлял немногим более шести недель и только что – 29 июля – вернулся из России, где находился вместе с президентом Пуанкаре с официальным визитом. Австрия подождала, пока Вивиани и Пуанкаре не отправятся в морское путешествие, а затем опубликовала ультиматум Сербии. Получив это известие, президент и премьер отменили намеченный визит в Копенгаген и поспешили домой.

В Париже они узнали, что германские войска прикрытия заняли позиции всего лишь в нескольких сотнях метров от границы. О мобилизациях в Австрии и России они еще ничего не знали. Еще теплились надежды на выход из кризиса путем переговоров. Вивиани «преследовал страх, что война может вспыхнуть из-за выстрелов в лесной роще, из-за стычки двух патрулей, из-за угрожающего жеста... мрачного взгляда, грубого слова, одного-единственного выстрела!» Пока оставался хоть малейший шанс на разрешение кризиса без войны, и чтобы не оставалось сомнений, кто агрессор, кабинет согласился на десятикилометровый отвод войск. Приказ, переданный по телеграфу командующим корпусам, предназначался, как им сказали, «для того, чтобы добиться сотрудничества наших английских соседей». В Англию была направлена телеграмма, информирующая об этом решении, и одновременно с ней начат отвод войск. Этот акт, предпринятый непосредственно накануне вторжения, был рассчитанным военным риском, намеренно предпринятым ради политического эффекта. Это был шанс, к которому, по словам Вивиани, «никто в истории до этого не прибегал» и мог бы добавить как Сирано: «О, и какой жест!»

Для французского главнокомандующего отвод войск был жестом, преисполненным горечи, – потому что он был воспитан на наступательной доктрине: наступление и ничего иного, кроме наступления. Отвод мог бы обернуться для генерала Жоффра таким же потрясением, как и первое военное испытание для Мольтке, но сердце французского командующего выдержало.

С момента возвращения премьера и президента Жоффр осаждал правительство требованиями отдать приказ о мобилизации или, по крайней мере, предпринять предварительные меры: отменить отпуска, которые были предоставлены многим солдатам на время жатвы, и провести переброску войск прикрытия к границам. Свои обращения он подкреплял донесениями разведки, сообщающей о том, что Германия уже осуществила шаги, непосредственно предшествующие мобилизации. Жоффр использовал все свое влияние, чтобы убедить членов вновь сформированного кабинета – десятого за последние пять лет, причем предыдущий просуществовал всего три дня. Нынешнее правительство отличалось тем, что в него

не вошли самые значительные политические деятели Франции. Бриан, Клемансо, Кайо – все бывшие премьеры находились в оппозиции. Вивиани, по собственному признанию, испытывал чувство «страшного нервного напряжения», которое, по свидетельству Мессими, вновь занимавшего пост военного министра, «в августовские дни превратилось в постоянное состояние». Морской министр Гутье, доктор медицины, сунутый на свой пост в кабинете после того, как его предшественник лишился этой должности после политического скандала, был настолько потрясен событиями, что даже «забыл» отдать приказ военным кораблям войти в пролив Ла-Манш. Его пришлось тоже срочно заменить, назначив на этот пост министра общественного образования.

И только президент обладал умом, опытом, целеустремленностью, но – не конституционными полномочиями. Пуанкаре был юристом, экономистом, членом Французской академии; занимал пост министра финансов, в 1912 году был премьером и министром иностранных дел, а после выборов в январе 1913 года стал президентом страны. Характер порождает власть, особенно во времена кризиса, и неискушенный кабинет охотно положился на способности и твердую волю человека, который конституционно был нулем. Уроженец Лотарингии, Пуанкаре десятилетним мальчиком видел, как по улицам его родного города Барле-Дюк маршировали солдаты в остроконечных немецких касках. Немцы приписывали ему самые воинственные намерения, это объяснялось частично тем, что во время Агадирского кризиса, будучи премьером, Пуанкаре проявил твердость, а возможно, еще и тем, что на посту президента он использовал все свое влияние, чтобы протолкнуть в 1913 году закон о трехлетней военной службе, несмотря на яростное сопротивление находившихся в оппозиции социалистов. Все это вместе с его хладнокровием, сдержанностью, решительностью не способствовало, однако, росту его популярности в стране. Результаты выборов были не в пользу правительства, закон о трехлетней военной службе чуть было не провалился, среди рабочих и крестьян росло недовольство. Июль, жаркий и сырой, изобиловал бурями и летними грозами. Шел суд над мадам Кайо, застрелившей редактора газеты «Фигаро». Каждый день судебного процесса вскрывал новые и неприятные упущения в системе финансов, прессе, судах и правительстве.

Но однажды французы, пробудившись утром, обнаружили, что сообщения о мадам Кайо перекочевали на вторую страницу, и вдруг осознали страшную, неожиданную правду о том, что Франции угрожает война. И страну, отличавшуюся бурными политическими страстями и скандалами, охватило единое чувство. Вернувшихся из России Пуанкаре и Вивиани на улицах встречал один возглас, повторявшийся до бесконечности: «Vive la France! Да здравствует Франция!»

Жоффри заявил правительству, что если он не получит приказа сосредоточить и отправить к границе войска прикрытия в составе пяти армейских корпусов, не считая кавалерии, то немцы «войдут во Францию без единого выстрела». С распоряжением о десятикилометровом отводе войск, уже занявших позиции, он согласился не из раболепства перед гражданской властью – раболепства у него было не более, чем у Юлия Цезаря, – а скорее из желания наиболее убедительно доказать необходимость в войсках прикрытия. Правительство, не желавшее принимать никаких мер, пока шел молниеносный обмен дипломатическими предложениями по телеграфу, надеясь все-таки на достижение соглашения, разрешило ему приступить к выполнению «сокращенного варианта», то есть без призыва резервистов.

На следующий день, 31 июля, в 4:30 друг Мессими в Амстердаме, принадлежавший к банковским кругам, сообщил по телефону о том, что в Германии введено *Kriegsgefahr*, что часом позже было официально подтверждено сообщением из Берлина. Это было не чем иным, как «*une forme hypocrite de la mobilisation*», «скрытой формой мобилизации», заявил своему кабинету разгневанный Мессими. Его друг в Амстердаме сообщил, что война неизбежна и что Германия к ней уже готова, «начиная с кайзера и кончая последним фрицем».

Обстановка, вызванная этой новостью, усугубилась телеграммой от Поля Камбона, французского посла в Лондоне, в которой он сообщал, что Англия проявляет «сдержанность». Камбон посвятил каждый день своего шестнадцатилетнего пребывания в Лондоне достижению единственной цели – добиться деятельной поддержки Англии в нужное время, но сейчас он вынужден был телеграфировать, что английское правительство, как кажется, ожидает какого-то нового хода событий. Возникший конфликт пока еще «не затрагивал интересов Англии».

Жоффр прибыл с новым докладом о передвижениях германских войск, чтобы настоять на отдаче приказа о мобилизации. Ему разрешили разослать свой «приказ о войсках прикрытия», но не более, так как только что поступили сведения об обращении русского царя к кайзеру. Кабинет продолжал заседать, а Мессими в это время сгорал от нетерпения, негодуя по поводу бюрократической процедуры, обязывавшей каждого министра выступать по очереди.

В 7 часов вечера того же дня барон фон Шён прибыл в министерство иностранных дел, в одиннадцатый раз за последние семь дней, и представил ноту, в которой Германия требовала разъяснений по поводу дальнейшего курса французской политики. Он сказал, что явится за ответом на следующий день в 13 часов. А кабинет все заседал, обсуждая финансовые мероприятия, созыв парламента и указ о введении осадного положения, пока Париж напряженно ожидал решения правительства. Какой-то помешавшийся выстрелом из пистолета через окно кафе убил Жана Жореса. Признанный вождь международного социализма, неутомимый борец против трехлетнего плана военной службы, он был в глазах сверхпатриотов символом пацифизма.

В 9 часов бледный адъютант сообщил кабинету ошеломляющую новость: Жорес убит! Это событие, чреватое серьезными беспорядками, привело министров в замешательство. Уличные баррикады, стычки, даже мятеж – вот перспектива накануне войны. Министры снова начали спорить о выполнении плана «Carnet B» – автоматического ареста в день мобилизации известных агитаторов, анархистов, пацифистов и подозреваемых в шпионаже. Префект полиции и бывший премьер Клемансо советовали министру внутренних дел Мальви немедленно приступить к арестам лиц, внесенных в упомянутый список. Вивиани и его сторонники, надеясь сохранить единство нации, выступали против. Они твердо стояли на своем. Было арестовано несколько иностранцев, подозреваемых в шпионаже, но ни одного француза. На случай беспорядков войска в ту ночь были подняты по тревоге, но ничего не произошло, и на следующее утро преобладало настроение глубокого горя и тихого спокойствия. Из 2501 человека, числившегося в списке неблагонадежных, 80 процентов подали заявление о добровольном зачислении на военную службу.

В 2 часа ночи президента Пуанкаре поднял с постели неугомонный русский посол Извольский, бывший министр иностранных дел, отличавшийся необычайной активностью. «Крайне удрученный и возбужденный», он хотел знать: «Что намеревается предпринять Франция?»

Извольский не сомневался в позиции Пуанкаре, однако его, как и многих других русских государственных деятелей, преследовали опасения, что в решающую минуту французский парламент, которому никогда не сообщали условий военного договора с Россией, откажется ратифицировать его. Эти условия особо оговаривали: «Если Россия подвергнется нападению со стороны Германии или Австрии при поддержке Германии, Франция использует все имеющиеся у нее силы для выступления против Германии». Как только Германия или Австрия объявят мобилизацию, «Франция и Россия, считая, что предварительного заключения соглашения по этому вопросу не требуется, немедленно и одновременно мобилизуют все свои вооруженные силы и перебрасывают их как можно ближе к границам...

Эти силы должны со всей возможной быстротой начать полномасштабные боевые действия с тем, чтобы Германии пришлось сражаться сразу на западе и на востоке».

Условия казались совершенно определенными. Но, обеспокоенно спрашивал Извольский, признает ли это обязательство французский парламент? В России царская власть была абсолютной, поэтому Франция «могла быть уверена в нас», однако «во Франции правительство бессильно без парламента. А парламент незнаком с текстом договора 1892 года... Какие есть гарантии, что парламент поддержит инициативу правительства?»

«Если Германия нападет», заявил Пуанкаре еще в 1912 году, парламент последует за правительством «без всяких сомнений».

И теперь, среди ночи, снова встретившись с Извольским, Пуанкаре заверил его, что кабинет будет созван через несколько часов, чтобы дать необходимый ответ. В тот же час русский военный атташе при всех регалиях появился в спальне Мессими, чтобы задать тот же вопрос. Мессими позвонил премьеру Вивиани, который, несмотря на изнеможение после вечерних событий, еще не спал. «Святой Боже! – взорвался он. – Этих русских бессонница одолевает еще похуже, чем пьянство». А потом нервно посоветовал: «*Du calme, du calme et encore du calme!* Спокойствие, спокойствие и еще раз спокойствие!»

Но сохранять спокойствие оказалось не так-то просто. Испытывая, с одной стороны, нажим русских, требовавших определенности, а с другой – настаивавшего на мобилизации Жоффра, французское правительство вынуждено было не предпринимать никаких действий, стремясь показать Англии, что Франция начнет войну лишь в целях самообороны. На следующее утро, 1 августа, в 8:00 Жоффр прибыл в военное министерство на улице Сен-Доминик и «взволнованным голосом, так контрастировавшим с его прежним спокойствием», просил Мессими добиться согласия правительства на мобилизацию. По его расчетам, приказ о ней должен не позднее 4 часов оказаться на центральном почтамте для отправки телеграфом по всей Франции – только в этом случае мобилизация могла начаться в полночь. В 9:00 Жоффр вместе с Мессими прибыл на заседание кабинета, где представил свой ультиматум: дальнейшая задержка приказа о всеобщей мобилизации на сутки приведет к потере 15–20 километров французской территории, и в таком случае он слагает с себя обязанности главнокомандующего. С этим он покинул заседание, и перед кабинетом встала еще одна проблема. Пуанкаре высказался за принятие решительных мер; Вивиани, выражавший антивоенные настроения, все еще надеялся, что время само даст ответ. В 11:00 его вызвали в министерство иностранных дел для встречи с фон Шёном, который, испытывая беспокойство, прибыл на два часа раньше срока для получения ответа на вопрос Германии, заданный днем раньше: останется ли Франция нейтральной в русско-германской войне. «Мой вопрос довольно наивен, – сказал посол с несчастным видом, – потому что нам известно о имеющемся между вашими странами договоре о союзе».

«*Evidemment! Разумеется!*» – отозвался Вивиани и дал ответ, который был предварительно согласован с Пуанкаре: «Франция будет действовать в соответствии со своими интересами». Как только Шён ушел, вбежал Извольский с новостью о германском ультиматуме России. Вивиани снова отправился на заседание кабинета, который наконец-то согласился объявить мобилизацию. Приказ был подписан и отдан Мессими, однако Вивиани, по-прежнему надеясь на какой-нибудь спасительный поворот событий в ближайшие часы, настоял на том, чтобы военный министр не оглашал его до 3:30. Одновременно было подтверждено решение о десятикилометровом отводе войск. Мессими лично по телефону передал этот приказ командующим корпусов: «По приказу президента республики ни одна часть, ни один патруль, ни одно подразделение, ни один солдат не должны заходить восточнее указанной линии. Любой нарушивший этот приказ подлежит военно-полевому суду». Особое предупреждение было направлено XX корпусу, которым командовал генерал Фош. По сообщению

надежных источников, в этом районе эскадрон кирасир «нос к носу» столкнулся с эскадронном улан.

В 3:30, как и было условлено, генерал Эбнер из штаба Жоффра, в сопровождении двух офицеров, прибыл в военное министерство за получением приказа о мобилизации. Мессими вручил его в мертвой тишине; у него, как, наверно, и у других присутствовавших, от волнения пересохло горло. «Думая о гигантских и неисчислимых последствиях, которые породит этот клочок бумаги, мы все четверо слышали биение наших сердец». Министр пожал руки трем офицерам, которые, отдав честь, отправились с приказом на почтамт.

В четыре часа на стенах Парижа появилось первое объявление о мобилизации (один из плакатов все еще хранится под стеклом на углу площади Согласия и улицы Рояль). В кабаре «Арменонвиль» в Булонском лесу, где собирался высший свет, танцы и чаепитие неожиданно были прерваны управляющим. Выйдя вперед, он дал оркестру знак замолчать: «Объявлена мобилизация. Она начинается сегодня в полночь. Играйте «Марсельезу»». В городе улицы уже опустели, так как военное министерство приступило к реквизиции транспорта. Группы резервистов с узелками и прощальными букетами цветов маршировали к Восточному вокзалу, мимо кричащих и приветственно машущих парижан. Одна группа остановилась, чтобы возложить цветы к подножию задрапированной в черное статуи Страсбурга на площади Согласия. Толпа плакала и кричала: «Vive l' Alsace! Да здравствует Эльзас!», затем со статуи было сорвано траурное покрывало, надетое в 1870 году. Оркестры в ресторанах играли французские, русские и английские гимны. «Подумать только, а ведь все это играют венгры», – сказал кто-то. Находившиеся в толпе англичане, при звуках своего гимна, словно бы вселявшего надежду во французов, особой радости не испытывали, как и сэр Фрэнсис Берти, розовощекий и упитанный английский посол, который в это время переступил порог здания на Кэ д'Орсэ. Он был одет в серый сюртук и серый цилиндр, а в руках держал зеленый зонтик от солнца. Сэр Фрэнсис чувствовал «стыд и укоры совести». Он распорядился закрыть ворота посольства, потому что толпа, как писал он в своем дневнике, может завтра закричать «Perfid Albion! Продажный Альбион!», несмотря на сегодняшнее «Vive l' Angleterre! Да здравствует Англия!».

В Лондоне эта же мысль тяжелым грузом давила на участников беседы – Камбона, невысокого роста, с белой бородой, и сэра Эдварда Грея. Когда последний заявил, что необходимо подождать «дальнейшего развития событий», потому что конфликт между Россией, Австрией и Германией «не затрагивает интересов» Англии, безупречно выдержанный и всегда держащийся с исключительным достоинством Камбон не удержался от резкого замечания. «Не собирается ли Англия выжидать, не вмешиваясь до тех пор, пока французская территория не будет оккупирована?» – спросил он. В таком случае ее помощь может оказаться «весьма запоздалой».

Лицо Грея с тонкими губами и римским носом скрывало те же душевные переживания. Он искренне верил, что оказание помощи Франции – в интересах Англии, он даже готов был подать в отставку, если его правительство откажется сделать это. По мнению Грея, события должны привести Англию именно к такому решению, но в тот момент он не мог сделать никаких официальных заявлений. У него также не хватило изворотливости высказать свое мнение неофициально. Его манеры, которые английская публика, видя в нем человека мужественного и молчаливого, считала вселяющими уверенность, иностранные коллеги Грея называли «ледяными». Он лишь высказал мысль, которую разделяли почти все, что «бельгийский нейтралитет может оказаться одним из факторов». На подобное развитие событий надеялся не только Грей.

Затруднения, испытываемые Англией, объяснялись отсутствием единства взглядов как внутри самого кабинета министров, так и среди различных политических партий. Кабинет был расколот, и разделился он еще со времен англо-бурской войны на либеральных импери-

алистов, представленных Асквитом, Греем, Холдейном и Черчиллем, и остальных, так называемых «литл инглэндерс», сторонников «малой Англии», выступавших против экспансионистской политики. Наследники Гладстона, они, как и их покойный лидер, с громадной подозрительностью относились к любому вмешательству за границей и считали единственной подобающей целью внешней политики помощь угнетенным народам. В остальном международные вопросы являлись, по их мнению, лишь помехой внутренним делам – парламентской реформе, свободной торговле, гомрулю (программе самоуправления Ирландии в рамках Британской империи) и вето лордов (борьбе с правом вето палаты лордов). Они были склонны считать Францию декадентствующей и легкомысленной стрекозой и отнеслись бы к Германии как к трудолюбивому и достойному уважения муравью, если бы не угрожающие позы и воинственный рев кайзера и пангерманских милитаристов, которые значительно сдерживали их чувства. Они никогда не поддержали бы войны на стороне Франции, но появление на сцене Бельгии, «маленькой страны», обратившейся к Англии с призывом о защите, могло резко изменить дело.

С другой стороны, группа Грея в кабинете поддерживала основополагающую предпосылку консерваторов о том, что национальные интересы Англии связаны с сохранением Франции. Этот довод был удивительно точно выражен самим Греем: «Если Германия станет господствовать на континенте, это будет неприемлемым как для нас, так и для других, потому что мы окажемся в изоляции». В этой эпической фразе отражена вся суть внешней политики Англии, которая сводилась к тому, что в том случае, если будет брошен вызов, Англии придется взяться за оружие, чтобы избежать этих «неприемлемых» последствий. Однако Грей не мог официально заявить об этом, не вызвав глубокого раскола в правительстве и в стране, что накануне войны могло бы оказаться роковым.

Англия была единственной европейской страной, где не существовало обязательной военной службы. Во время войны ей приходилось рассчитывать на добровольцев. Несогласие по военным вопросам и выход из кабинета означал бы создание антивоенной партии с катастрофическими последствиями для комплектования армии. Если для Франции главная цель состояла в том, чтобы вступить в войну вместе с Англией, то для Англии важнейшей задачей было начать войну, имея единое правительство.

В этом заключался корень проблемы. В ходе заседаний кабинета выявились сильные позиции группы, выступавшей против вступления в войну. Ее лидер, лорд Морли, старый друг Гладстона и его биограф, полагал, что вправе рассчитывать на поддержку «восьми или девяти членов кабинета, готовых согласиться с нами» в случае выступления против решения, которое Черчилль протаскивает с «демонической энергией», а Грей – с «настойчивой простотой». После дискуссий в кабинете Морли стало ясно, что нейтралитет Бельгии «был вторичным по отношению к вопросу о нашем нейтралитете в борьбе между Францией и Германией». В свою очередь, Грей четко сознавал, что лишь нарушение бельгийского нейтралитета убедит пацифистскую партию в существовании германской угрозы и необходимости вступления в войну в национальных интересах.

Мнения в кабинете и парламенте 1 августа значительно разошлись. В тот день двенадцать из восемнадцати членов кабинета выступили против того, чтобы дать Франции заверения о ее поддержке в случае войны. В этот же день либеральная фракция в палате общин 19 голосами против 4 (со многими воздержавшимися) приняла предложение о невмешательстве Англии независимо от того, что «произойдет в Бельгии или где-нибудь в другом месте». Журнал «Панч» опубликовал на той неделе «Строки, выражающие мнение среднего английского патриота»:

Зачем идти мне с вами в бой,
Коль этот бой совсем не мой?..

Почистить всей Европы карту
И воевать в чужой войне —
Вот для чего нужна Антанта,
И не одна, а сразу две.

Средний патриот уже исчерпал свой обычный запас беспокойства и негодования за время ирландского кризиса, который еще не закончился. Мятеж в Куррахе был своего рода английским вариантом дела мадам Кайо. В результате билля о гомруле Ольстер угрожал вооруженным восстанием, протестуя против автономии Ирландии, а английские войска, размещенные в Куррахе, отказались применить оружие против ольстерских лоялистов. Генерал Гаф, командующий войсками в Куррахе, подал в отставку вместе со всеми своими офицерами. За ним подал в отставку начальник генерального штаба Джон Френч, после чего последовала отставка полковника Джона Сили, преемника Холдейна на посту военного министра. Армия бурлила, страна была охвачена расколом и недовольством, дворцовая конференция партийных лидеров и короля закончилась ничем. Ллойд Джордж зловеще говорил «о самом серьезном вопросе, поднятом в этой стране со времен Стюартов», повторялись слова «гражданская война» и «восстание»; одна немецкая оружейная фирма, испытывая большие надежды, отправила 40 000 винтовок и миллион патронов в Ольстер. Тем временем оставался свободным пост военного министра, и его обязанности пришлось исполнять премьеру Асквиту, у которого не было времени заниматься делами армии, а еще меньше — желания для этого.

У Асквита, однако, имелся необычайно активный первый лорд адмиралтейства. Когда Уинстон Черчилль «издалека чуял битву», то уподоблялся боевому коню из Книги Иова, который не только не бежит от меча, но «идет навстречу битве и при трубном звуке он издает голос: гу! гу!». Черчилль был единственным английским министром, твердо убежденным в том, что именно должна делать Англия, и действовал без колебаний. 26 июля, когда Австрия отвергла ответ Сербии, и за десять дней до того, как английское правительство определило свою позицию, Черчилль издал приказ, имевший огромное значение.

Без всякой связи с разразившимся кризисом, британский флот проводил 26 июля пробную мобилизацию и маневры, имея численность экипажей по штатам военного времени. На следующее утро в 7 часов эскадры должны были рассредоточиться: одни отправлялись на учения в открытое море, другие — в свои порты, где часть экипажей направлялась в учебные команды, третьи — в доки, на ремонт. Как вспоминал впоследствии первый лорд адмиралтейства, в воскресенье 26 июля стояла «прекрасная погода». Узнав о новостях из Австрии, он решил поступить так, «чтобы дипломатическая ситуация не опередила военно-морскую и чтобы английский флот занял исходные боевые позиции еще до того, как Германия узнает, будем мы участвовать в войне или нет и, следовательно, по возможности еще до того, как мы сами примем решение об этом». Курсив был сделан рукой Черчилля. После консультаций с первым морским лордом принцем Луисом Баттенбергом он направил приказ флоту не рассредоточиваться.

Затем Черчилль проинформировал о своем решении Грея и с его согласия передал приказ адмиралтейства в газеты, надеясь, что это известие, возможно, произведет «отрезвляющий эффект» на Берлин и Вену.

Держать все корабли флота вместе было еще недостаточно; следовало, как подчеркивал Черчилль, вывести его на «боевые позиции». Главной задачей флота, по мнению адмирала Мэхэна, этого Клаузевица военно-морской науки, оставаться «флотом существующим». В случае войны английский флот, от которого зависела жизнь этой островной нации, должен был взять под контроль все торговые морские пути, защитить от вторжения Британские

острова, охранять пролив Ла-Манш и французское побережье – согласно обязательствам по договору с Францией. Флот должен был обладать достаточной силой, чтобы выиграть любое морское сражение, навязанное германским флотом, и, кроме того, ему следовало остерегаться грозного оружия неведомой силы, которое называлось торпедой. Адмиралтейство преследовало страх внезапной и необъявленной торпедной атаки.

28 июля Черчилль отдал своему флоту приказ направиться в военно-морскую базу Скапа-Флоу, далеко на севере, на оконечности окутанных туманом Оркнейских островов в Северном море. Корабли покинули Портленд 29 июля, и к вечеру того же дня их цепочка, растянувшись на 18 миль, прошла через Па-де-Кале, направляясь на север, не столько в поисках славы, сколько из предосторожности. «Неожиданная торпедная атака, – писал первый лорд адмиралтейства, – стала, по крайней мере, исчезнувшим кошмаром».

Подготовив флот к военным действиям, Черчилль обратил свой ум и энергию, бывшую ключом, на срочную подготовку страны к войне. 29 июля он убедил Асквита разрешить отправку предупредительных телеграмм, которые были условным сигналом военного министерства и адмиралтейства о введении предварительного военного положения. Англия не могла объявить *Kriegsgefahr*, как Германия, или осадного положения, как Франция, чем фактически вводились законы военного времени, но предварительное военное положение считалось «гениальным изобретением... позволявшим принять определенные меры по приказу военного министра без ссылок на кабинет... в то время, когда была дорога каждая минута».

Время подгоняло не знающего покоя Черчилля, который, предвидя развал либерального правительства, решил искать поддержки у своей старой партии консерваторов. Коалиция была не по вкусу премьер-министру, стремившемуся вступить в войну, имея единое правительство. По общему мнению, семидесятишестилетний лорд Морли не остался бы в правительстве в случае войны. Не Морли, а куда более энергичный министр финансов Ллойд Джордж был той ключевой фигурой, потерю которого правительство не могло допустить как в силу проявленных им недюжинных административных способностей, так и из-за огромного влияния на избирателей. Обладая острым умом, честолюбием и увлекающим слушателей уэльским красноречием, Ллойд Джордж больше склонялся к группе пацифистов, но мог неожиданно занять и другую позицию. Недавно он потерпел ряд неудач, подорвавших его популярность; он наблюдал за возвышением нового соперника, претендовавшего на руководство партией, которого лорд Морли называл «этот великолепный кондотьер из адмиралтейства». Ллойд Джордж мог, по мнению некоторых своих коллег, добиться политических преимуществ, «разыграв мирную карту» против Черчилля. В общем, Ллойд Джордж представлял собой неопределенную и опасную величину.

Асквит, не имевший намерения ввергать раздираемую разногласиями страну в войну, с приводящим в бешенство спокойствием продолжал ждать событий, способных изменить точку зрения пацифистов. 31 июля в своем дневнике он бесстрастно записал: «Главный вопрос заключается в том, вступать ли нам в войну или остаться в стороне? Разумеется, всем хочется остаться в стороне». В ходе заседаний кабинета 31 июля Грей, занимавший менее пассивную позицию, высказался без особых околичностей. Он заявил, что политика Германии является политикой «европейского агрессора, такого же, как Наполеон» (для Англии имя Наполеона имело лишь одно значение). Наступило время, убеждал он министров, когда откладывать дальше решение – поддержать Антанту или соблюдать нейтралитет – уже невозможно. Он сказал, что если будет избран нейтралитет, то он не будет тем человеком, которому придется проводить эту политику. Скрытая в этих словах угроза подать в отставку прозвучала так, словно он уже произнес ее вслух.

«Казалось, будто все разом ахнули», – писал один из министров. На несколько мгновений воцарилась «мертвая тишина», члены кабинета ошеломленно переглядывались, не ожи-

данно пораженные мыслью о том, что их существование как правительства поставлено под сомнение. Никакого решения принято не было, заседание отложили.

В ту пятницу, в канун августовских банковских каникул, фондовая биржа закрылась в 10:00 утра, охваченная волной финансовой паники, начавшейся в Нью-Йорке после того, как Австрия объявила войну Сербии. Следом стали закрываться и другие европейские биржи. Сити дрожал, предвещая гибель и крушение международных финансов. По свидетельству Ллойд Джорджа, банкиры и бизнесмены «приходили в ужас» при мысли о войне, которая «разрушит всю кредитную систему с центром в Лондоне». Управляющий Банка Англии посетил в субботу Ллойд Джорджа и проинформировал его о том, что Сити «самым решительным образом выступает против нашего вступления» в войну.

В ту пятницу лидеры консерваторов собрались на совещание в Лондоне, чтобы обсудить кризис. Многих пришлось вызвать из-за города, где они проводили конец недели. Душа, сердце и движущая сила англо-французских «переговоров» Генри Уилсон стремительно кидался то к одному, то к другому участнику совещания, умоляя, требуя, увещевая, доказывая необходимость немедленно принять решения. Он твердил, что если нерешительные либералы отступят в этот момент, то навлекут позор на Англию. Общепринятым эвфемизмом совместных планов генерального штаба были «переговоры». Формула «никаких обязательств», разработанная первоначально Холдейном и вызвавшая недовольство Кэмпбелла-Баннермана, отклоненная лордом Эшером и упомянутая в 1912 году Греем в письме к Камбону, по-прежнему отражала официальную позицию правительства, несмотря на всю свою бессмысленность.

И действительно, если война, как говорил Клаузевиц, является продолжением национальной политики, то это же относится и к военным планам. Англо-французские планы, разрабатываемые в мельчайших подробностях в течение девяти лет, были не игрой, не фантазией или упражнениями на бумаге с целью отвлечь и занять умы военных, чтобы они не натворили других бед. Планы были либо продолжением политики, либо ничем. Они ничем не отличались от соглашений между Францией и Россией или между Германией и Австрией, за исключением заключительной юридической фикции, что они не «обязывают» Англию предпринимать какие-либо действия. Члены парламента или правительства, которым это не нравилось, просто закрывали глаза и, будто загипнотизированные, верили в эту выдумку.

Камбон, встречаясь с лидерами оппозиции после мучительной беседы с Греем, теперь совершенно пренебрегал дипломатическим тактом. «Все наши планы составлялись совместно. Наши генеральные штабы проводили консультации. Вы видели все наши расчеты и графики. Взгляните, где наш флот! Он весь – в Средиземном море в результате договоренности с вами, и наши берега открыты врагу. Вы сделали нас беззащитными!» Он повторял: если Англия не вступит в войну, Франция никогда ей этого не простит. Он заканчивал свои тирады, с горечью восклицая: «*Et l'honneur? Est-ce-que l'Angleterre comprend ce que c'est l'honneur? А честь? Знает ли Англия, что такое честь?*»

Разные люди смотрят на честь под разными углами, и Грей знал, что переубедить пацифистов удастся только при взгляде под бельгийским углом. В тот же день он отправил французскому и германскому правительствам телеграммы с просьбой дать официальные подтверждения в том, что они будут уважать нейтралитет Бельгии, «если другие державы не нарушат его». Через час после получения этой телеграммы – поздно вечером 31 июля – французы прислали положительный ответ. От Германии ответа получено не было.

На следующий день, 1 августа, этот вопрос был вынесен на обсуждение кабинета. Ллойд Джордж водил пальцем по карте, показывая путь немцев, который, как он считал, будет пролегать через ближний угол по кратчайшей линии в направлении Парижа, но, по его утверждению, это будет «незначительное нарушение». Когда Черчилль потребовал предоставления ему полномочий для мобилизации флота, то есть призыва моряков-резервистов,

кабинет после «резких споров» высказался против. Когда Грей попросил санкционировать выполнение обязательств перед французским флотом, лорд Морли, Джон Бёрнс, сэр Джон Саймон и Льюис Харкорт стали угрожать отставкой. За пределами кабинета распространились слухи о последних демаршах кайзера и русского царя и о германских ультиматумах. Грей вышел из зала заседаний, чтобы поговорить с Лихновским по телефону, – именно тогда тот неправильно его понял, невольно вызвав, тем самым, бурю в душе генерала Мольтке. Грей также встретился с Камбоном и заявил ему: «Франция сейчас должна сама принять решение, не рассчитывая на помощь, которую мы в настоящий момент не в состоянии оказать». Он вернулся на заседание кабинета, а Камбон, бледный и растерянный, рухнул в кресло в кабинете своего старого друга сэра Артура Николсона, постоянного заместителя министра. «*Ils vont nous lâcher. Они собираются бросить нас*», – сказал он. Редактору газеты «Таймс», спросившему его, что он собирается делать, Камбон ответил: «Я подожду, чтобы узнать, не пора ли вычеркнуть слово «честь» из английского словаря».

Никому из членов кабинета не хотелось сжигать за собой мостов. Отставками только угрожали, но с поста ни один не ушел. Асквит, проявляя сдержанность, говорил мало, он ждал развития событий дня, подходившего к концу в атмосфере лихорадочного обмена депешами и нарастающего безумия. В этот день Мольтке отказался двинуть армии на восток, рота лейтенанта Фельдмана захватила Труа-Вьерж в Люксембурге. Мессими подтвердил по телефону приказ о десятикилометровом отводе войск, а первый лорд адмиралтейства принимал своих друзей из оппозиции, среди которых находились будущие лорды – Бивербрук и Биркенхед. Чтобы скоротать время, проходившее в напряженном ожидании, гости с хозяином сели после обеда играть в бридж. Игру прервало появление курьера с красным портфелем для срочных донесений. Вынув из кармана ключ, Черчилль открыл портфель – по случайности один из самых больших по размерам – и извлек из него единственный лист бумаги, содержащий лишь одну фразу: «Германия объявила войну России». Он сообщил об этом своим друзьям, переделся и вышел из дому «как человек, отправляющийся заниматься привычной работой».

Черчилль пересек Хорс-гардс-перейд и оказался на Даунинг-стрит, миновал садовую калитку и вошел в дом, где на втором этаже обнаружил, кроме премьер-министра, Грея, Холдейна, ставшего теперь лордом-канцлером, и лорда Крю, министра по делам Индии. Черчилль сообщил им, что намеревается «немедленно мобилизовать флот, несмотря на решение кабинета». Асквит ничего не ответил, но с виду, как показалось Черчиллю, был «совершенно согласен». Провожая Черчилля к двери, Грей сказал: «Я только что сделал очень важную вещь. Я заявил Камбону, что мы не допустим германский флот в пролив Ла-Манш». По крайней мере, именно так понял Черчилль смысл слов Грея, избегавшего четких и ясных формулировок. Из этого следовало, что английский флот взял на себя определенные обязательства. Дал ли Грей такое обещание или же только намеревался выступить с ним на следующее утро, как утверждают некоторые историки, не суть важно, поскольку, «как бы то ни было, Черчилль лишь еще больше уверовал в правильность принятого им решения». Он вернулся в адмиралтейство и «отдал приказ начать мобилизацию».

Как и этот приказ, так и обещание Грея выполнить условия морского соглашения с Францией шли вразрез с мнением большинства членов кабинета. На следующий день либо кабинет должен будет одобрить эти решения, либо часть его членов уйдет в отставку, а к тому времени, по мнению Грея, уже поступят сообщения о «развитии событий» в Бельгии. Как и французы, Грей чувствовал, что в своих расчетах он может с уверенностью положиться на Германию.

Глава 8

Ультиматум в Брюсселе

В запечатанном сейфе германского посланника в Брюсселе, герра фон Белова-Залеске, хранился запечатанный конверт, доставленный из Берлина 29 июля специальным курьером с приказом «не вскрывать до получения особых инструкций по телеграфу из Германии». В воскресенье, 2 августа Белов получил телеграмму с указанием немедленно вскрыть конверт и передать содержащуюся в нем ноту в тот же день в 8 часов вечера, причем «сделать это таким образом, чтобы у бельгийского правительства сложилось впечатление, что *все* инструкции, касающиеся врученной ему ноты, были получены вами сегодня впервые». Он должен был потребовать, чтобы ответ на ноту бельгийцы дали в ближайшие двенадцать часов. Ему предлагалось отправить ответ «как только возможно срочно» телеграфом в Берлин и одновременно «отослать его с курьером на автомобиле генералу фон Эммиху в отель «Юнион» в Ахене». Из немецких городов Ахен, или Э-ля-Шапель, ближе всех находился к Льежу, восточным воротам в Бельгию.

Посланник фон Белов – высокий и бодрый холостяк, с остроконечными черными усами и вечно зажатым в зубах нефритовым мундштуком, – получил назначение на этот пост в начале 1914 года. Когда приходившие в немецкое посольство посетители обращали внимание на большую, пробитую пулей серебряную пепельницу на письменном столе посла, тот со смехом говорил: «Я предвестник несчастий. Когда я был в Турции, там произошла революция. Когда я был в Китае, там началось боксерское восстание, один из выстрелов в окно продырявил это блюдо». И, широким, изящным жестом поднося мундштук с сигаретой к губам, добавлял: «Но теперь я отдыхаю. В Брюсселе ничего не случается».

После прибытия запечатанного конверта покою посланника пришел конец. В полдень 1 августа он принял прибывшего к нему с визитом заместителя министра иностранных дел Бельгии барона де Бассомпьера, и тот сообщил, что вечерние газеты собираются опубликовать ответ Франции на ноту Грея, в котором дано обещание уважать нейтралитет Бельгии. Ввиду отсутствия аналогичного ответа Германии Бассомпьер поинтересовался, не желает ли фон Белов сделать какое-либо заявление. На это германского посланника Берлин не уполномочивал. Поэтому, прибегнув к дипломатическому маневру, он откинулся в кресле и, уставив взор в потолок, слово в слово повторил то, что только что сказал ему бельгийский представитель, как будто проиграв граммофонную пластинку. Поднявшись, он заверил гостя, что «Бельгии нечего опасаться Германии», и на сем беседа была окончена.

На следующее утро он давал те же заверения Давиньону, министру иностранных дел, которого разбудили в 6 утра, чтобы сообщить о вторжении германских войск в Люксембург. Тот потребовал объяснений у германского посланника. Вернувшись в посольство, Белов успокоил встревоженных журналистов таким неоднократно цитируемым впоследствии афоризмом: «Может гореть крыша вашего соседа, но ваш дом будет в безопасности».

Многие в Бельгии, причем не только в официальных кругах, склонны были верить его словам, либо в силу своих прогерманских настроений, либо теша себя иллюзорными надеждами, либо просто уверовав в добрую волю стран-гарантов бельгийского нейтралитета. Эта страна, независимость которой обещали уважать, прожила без войн семьдесят пять лет – самый длительный период мира в ее истории. Через территорию Бельгии военные пути пролегали еще со времен войн Цезаря с белгами. Здесь велась долгая и ожесточенная борьба между герцогом Бургундии Карлом Смелым и королем Франции Людовиком XI. Через территорию Бельгии испанцы совершали опустошительные набеги на Голландию. Здесь произошла «страшно кровавая битва» между войсками Мальборо и французами при Мальплаке, здесь Наполеон встретился с Веллингтоном при Ватерлоо, здесь народ восста-

вал против всех своих правителей – бургундских, французских, испанских, габсбургских, голландских, – вплоть до свержения власти Оранского дома в 1830 году. Затем, при ставшем королем Леопольде Саксен-Кобургском, дяде королевы Виктории по материнской линии, бельгийцы утвердились как нация и достигли процветания; позже они растрачивали свою энергию в братоубийственных схватках между фламандцами и валлонами, католиками и протестантами, а также в спорах о социализме или о фламандско-французском билингвизме. И они страстно надеялись, что соседи не нарушат их беспокойного счастья.

Король, премьер-министр и начальник генерального штаба уже не разделяли общей уверенности, но они не могли, как в силу обязанностей, вытекающих из требований нейтралитета, так и собственной веры в нейтралитет, начать разработку планов для отражения нападения. До последней минуты они не решались поверить, что одна из стран-гарантов развяжет агрессию. Узнав, что 31 июля Германия объявила у себя *Kriegsgefahr* – «положение военной угрозы», они приказали начать в полночь мобилизацию бельгийской армии. Ночью и весь следующий день полицейские обходили дома и вручали повестки. Люди, поднятые с постелей или оставившие работу, собирали узелки, прощались с близкими и отправлялись к местам сбора своих полков. Бельгия, строго соблюдавшая нейтралитет, еще не решила, какой план военных действий ей избрать, поэтому мобилизация не была направлена против определенного противника. Это была мобилизация без развертывания войск. Бельгия, обязавшись, как и страны-гаранты, придерживаться нейтралитета, не могла проводить каких-либо явных военных мероприятий, если ей никто не угрожал.

К вечеру 1 августа, когда минуло уже более суток, а Германия по-прежнему отвечала молчанием на запрос Грея, король Альберт решился на последний шаг, направив кайзеру личное послание. Он составил его с помощью своей жены, королевы Елизаветы, урожденной немки, дочери баварского герцога. Она перевела его, одно предложение за другим, на немецкий язык, вместе с королем тщательно подбирая каждое слово и каждый смысловой нюанс. В послании признавалось, что по «политическим мотивам» выступать с открытым заявлением «не всегда удобно», но тем не менее «узы родства и дружбы», как надеялся король Альберт, могли бы побудить кайзера дать в частном и конфиденциальном порядке заверения в отношении уважения бельгийского нейтралитета. Упоминание о родстве – мать короля Альберта, принцесса Мария Гогенцоллерн-Зигмаринген, принадлежала к дальней католической ветви прусской королевской фамилии – оказалось напрасным, ответа кайзер так и не прислал.

Вместо него на свет появился ультиматум, пролежавший в сейфе фон Белова более четырех дней. Он был предъявлен в 7 часов вечера 2 августа. Ливрейный лакей министерства иностранных дел просунул голову в кабинет заместителя министра и срывающимся от волнения голосом известил: «К господину Давиньону только что прибыл немецкий посланник!» Через пятнадцать минут уже видели, как Белов ехал по Рю-де-ля-Луа, держа шляпу в руках, на лбу у него выступили бисеринки пота, и курил он, поднося сигарету ко рту частыми, резкими движениями, напоминая этим механическую игрушку. Едва «этот надменный тип» покинул здание, оба заместителя бросились в кабинет к министру, где Давиньон, обычно невозмутимый и уравновешенный оптимист, сидел необычайно бледный и растерянный. «Плохие, очень плохие новости», – сказал он, передавая подчиненным только что полученную ноту. Барон де Гаффье, политический секретарь, медленно вслух переводил ее, а Бассомпьер, сидя за столом министра, записывал каждое слово, обсуждая каждую двусмысленную фразу, чтобы убедиться в верности перевода. Пока они трудились над переводом ноты, Давиньон и постоянный заместитель министра барон ван дер Эльст напряженно их слушали, сидя в двух креслах по обеим сторонам камина. Обсуждение любого вопроса Давиньон заканчивал фразой: «Уверен, все окончится хорошо», поскольку ван дер Эльст своими оценками убедил в прошлом и самого министра, и правительство, что интенсивное

вооружение Германии имеет целью лишь «*Drang nach Osten*» и не представляет никакой угрозы для Бельгии.

После завершения перевода в кабинет вошел барон де Броквиль – высокий брюнет с изящными манерами, решительный вид которого подчеркивали энергично закрученные вверх усы и блестящие темные глаза. Он занимал пост премьера и одновременно был военным министром. Когда ему зачитывали ультиматум, все присутствовавшие ловили каждое слово с таким напряжением, какое, очевидно, и рассчитывали вызвать составители этой ноты. Документ был составлен с большой тщательностью, вероятно, даже с подсознательным чувством того, что ему предстоит стать одним из важнейших документов века.

Генерал Мольтке написал первоначальный вариант собственноручно 26 июля – за два дня до объявления Австрией войны Сербии, за четыре дня до мобилизации в Австрии и России и в тот же день, когда Германия и Австрия отклонили предложение сэра Эдварда Грея о конференции пяти держав. Свой проект ультиматума Мольтке отослал в министерство иностранных дел, где его переработали заместитель министра Циммерман и политический секретарь Штумм, а затем в документ внесли поправки и изменения министр иностранных дел Ягов и канцлер Бетман-Гольвег. Окончательный вариант ультиматума был отослан 29 июля в запечатанном конверте в Брюссель. Необычайные усилия, приложенные немцами, отражали то огромное значение, которое они придавали этому документу.

Германия получила «надежную информацию», начиналась нота, о предполагаемом продвижении французских войск вдоль линии Живе – Намюр, «что не оставляет сомнений в отношении намерения Франции напасть на Германию через бельгийскую территорию». (Поскольку бельгийцы не видели никаких признаков передвижения французских войск, которого в действительности и не было, это обвинение не произвело на них никакого впечатления.) Так как Германия, утверждалось далее, не может рассчитывать на то, что бельгийская армия остановит французское наступление, она вынуждена в «целях самосохранения» «предвосхитить это вражеское нападение». Германское правительство будет «крайне сожалеть», если Бельгия станет рассматривать вступление германских войск на свою территорию «как направленный против нее враждебный акт». С другой стороны, если Бельгия займет позицию «благоклонного нейтралитета», Германия возьмет на себя обязательство «уйти с ее территории, как только будет заключен мир», возместить все потери, причиненные германской армией, и «гарантировать при заключении мира суверенные права и независимость королевства». В первоначальном варианте данное предложение заканчивалось так: «.. и отнестись с самым доброжелательным пониманием к любым требованиям Бельгии о выплате компенсации за счет Франции». В последний момент Белов получил указание вычеркнуть этот неприкрытый намек на взятку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.